

СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ “ЩЕГЛЫ”

ПРЕДСТАВЛЯЕТ:

СБОРНИК РАССКАЗОВ

Возвращение Домой

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

**Анастасия Луковская
Лариса Галушина
Гая Ракович
Татьяна Фильченкова
Артем Чепкасов
Алексей Грашин
Максим Красильников
Сергей Волжин
Игорь Кондратьев
Александр Титов
Светлана Шахова
Катя Степанцева**

Возвращение домой

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69455032
SelfPub; 2023*

Аннотация

Представляем вашему вниманию сборник рассказов, написанных на внутреннем конкурсе Союза русскоязычных литераторов ЛитО «Щеглы». Каждый автор вложил душу в свой рассказ, каждый из них уникален и интересен, в каждом целая

вселенная. Рассказы размещены с авторской орфографией и пунктуацией. Будем очень рады вашим отзывам и впечатлениям! Обложка создана с помощью Нейросети Midjourney.

Содержание

Татьяна Фильченкова. Исчезнувший дом	7
Светлана Шахова. Возвращайся	66
Галушина Лариса. Лиходей	91
Гая Ракович. Бàрбице	110
Красильников Максим. Забытое письмо	131
Александр Титов. Дед	150
Игорь Кондратьев. На круги своя	167
Сергей Волжин. Стремление Иного	194
Луковская Анастасия. Проклятый старый дом	214
Артем Чепкасов. Прощай, Чечня	232
Алексей Грашин. Не стучи в дверь мою, ангел	258

**Татьяна Фильченкова,
Анастасия Луковская,
Артем Чепкасов, Алексей
Грашин, Светлана Шахова,
Лариса Галушина,
Гая Ракович, Максим
Красильников, Александр
Титов, Игорь Кондратьев,
Сергей Волжин**

Возвращение домой

Уважаемые читатели!

Наш Союз писателей "Щеглы" представляет вашему вниманию сборник рассказов, объединенных общей темой – "Возвращение домой".

Уникальность этого сборника состоит в том, что в него вошли произведения как уже состоявшихся писателей, так и новых авторов, только начавших свой литературный путь.

Вас ожидает разнообразие жанров, стилей, авторских взглядов – поверьте, каждый рассказ по-своему колоритен, наполнен эмоциями – от светлой ностальгии по прошлому, до страха, ведь далеко не всегда хочется возвращаться к тому, что давно осталось позади. Но одно я могу вам пообещать – равнодушными вы совершенно точно не останетесь!

Ваш **Алексей Медоваров**, руководитель творческого совета Союза писателей "Щеглы".

Татьяна Фильченкова.

Исчезнувший дом

Римма Генриховна толкнула подъездную дверь и вышла во двор. Посмотрела на балкон третьего этажа и крикнула сидящему там в коляске мужчине:

– Доброе утро! Алексей, я в магазин. Вам купить чего?

– Доброе, Римма Генриховна! Если только к чаю чего-нибудь. Сегодня дочь с зятем приедут, продукты-то привезут, но неудобно с пустым столом встречать.

– Хорошо, Лёш, я только голубей накормлю и схожу.

– Кормите, мне не торопно.

Двор огласил визгливый лай. Из подъезда выскочили два тойтерьера. Они упирались в асфальт тонкими дрожащими лапками и вытягивали за собой на поводках внушительное пастельное облако. Облако подняло поля бледно-жёлтой шляпки, открывая очки в розовой, под цвет ажурному кардигану, оправе и проворковало:

– Риммочка Генриховна, с добрым утречком. Вы гулей кормить? А мы на прогулку вышли.

– Доброе, Эльвира Прохоровна, – сухо поприветствовала соседку Римма Генриховна. – Так идите, а то распугаете мне птиц.

Однако облако никуда не торопилось. Оно нависло

над Риммой Генриховной:

– Ну что вы, Моника и Бриджит будут хорошо себя вести. Скажите, Риммочка, вы не знаете, когда покрасят наш дом? Всё-таки элитный район, и такой непрезентабельный вид.

– Понятия не имею. – Римма Генриховна сосредоточенно крошила хлеб.

– На меня эти серые стены наводят тоску. Они дисгармонируют с нежными красками начала лета. Только представьте...

Что следовало представить, Римма Генриховна так и не узнала: едва затихшие Моника и Бриджит захлебнулись в новом приступе лая и спрятались за слоновыми лодыжками хозяйки. Мимо невозмутимо шествовал лохматый «немец».

– Вероничка, как можно выгуливать во дворе такую опасную собаку? – накинулась Эльвира Прохоровна на девушку, держащую на поводке страшного пса.

– Он в наморднике, – спокойно ответила Вероника.

Эльвира Прохоровна не унималась:

– Этот волкодав и лапами человека свалит, не говоря уже о детях. Идите на пустырь!

– Граф на кого попало лапы не ставит, – парировала Вероника. – И мы никуда не уйдём: у меня здесь встреча.

Граф с хозяйкой отошли в траву за парковкой. Эльвира Прохоровна злобно зашипела:

– Нет, вы видели? Какая хамка, а ещё из приличной семьи.

Поток возмущений оборвался, как только во

дворе появились молодые родители с мальчиком лет пяти и направились к парковке. Эльвира Прохоровна натянула радужную улыбку:

– Куда это вы так рано? Опять на занятия своего маленького гения повезли?

– Нет, – ответил мужчина. – Мы, Эльвира Прохоровна, дачу в сосновом бору купили. Рядом с озером. Домишко, правда, разваливается. Вот едем смотреть, что для ремонта нужно.

– Когда же вы всё успеваете? Дача – такие хлопоты.

– А куда деваться? – вступила женщина. – Для работы мозга кислород необходим. Вот приведём в порядок, и всё лето там с Мишенькой жить будем. И зимой по выходным. Ему астролог для стимуляции мыслительной деятельности советовал ближе к снам держаться.

– Какие вы молодцы. Всё ради ребёнка. Это какая самоотверженность нужна, чтобы вундеркинда вырастить, – со сладким восхищением выговаривала Эльвира Прохоровна. Только дачники сели в автомобиль, её губы презрительно скривились. – Носятся со своим рахитиком. Мишенька... В честь Ломоносова назвали. Чтобы гения вырастить, в Москву надо ехать, а не в Былинске прозябать. Вот мы Толика в Англию учиться отправляли. Риммочка, вы же педагог, скажите, разве у нас достаточный уровень образования?

– Кому надо, тот везде выучится, – ответила Римма Генриховна, не отрываясь от голубей.

Дверь подъезда снова открылась. Худая женщина с небрежно заколотыми волосами выкатила детскую коляску.

– Ах, Оленька! – заворковала Эльвира Прохоровна. – Как малыш? Молодая мамочка, тоненькая, свеженькая.

– Не льстите. Какая там свежесть с бессонными ночами, – устало отозвалась Ольга.

– Ну, что ты! Сколько тебе? Под пятьдесят? А выглядишь как девочка.

– Сорок два, Эльвира Прохоровна. А с Антошкиными полуночными концертами меня скоро за вашу ровесницу принимать будут. – Оставив коляску, Ольга подошла к Римме Генриховне: – Не выручите сегодня? Мне хотя бы пару часов. Завтра отчёты сдать надо, а сын ничего делать не даёт.

– Конечно, приноси. Я только в магазин и весь день дома буду.

– Спасибо. Мы часок погуляем и к вам.

Как только Ольга отошла, Эльвира Прохоровна фыркнула ей в спину:

– Какая страшная стала. Детей вовремя рожать надо, а не от безысходности под старость. Сама виновата, всё карьеру делала. Вот для меня всегда семья на первом месте была. Потому и живу в любви и обожании.

Хлопнула подъездная дверь. Инвалид на балконе оживился:

– Максим, ты на рыбалку никак?

Паренёк лет шестнадцати задрал голову:

– Здравсти, дядь Лёш. Не, дела у меня.

– Эх, какие дела в такую погоду! Я бы на твоём месте на рыбалку пошёл.

Макс рассмеялся:

– Я бы и сам пошёл, но не могу. Дядь Лёш, в следующие выходные отвезу тебя к озеру, честное слово, а сейчас, извини, дела.

Эльвира Прохоровна натянула улыбку:

– Максимушка, на работу бежишь? Помощник.

– Какая работа, тётъ Элл? Воскресенье. – Заметив Римму Генриховну, Макс остановился: – Здравствуйте! Я помню про розетку, вечером зайду с инструментом. Раньше никак – дела. Важные.

– Спасибо, Максим. Мне не к спеху.

Макс махнул рукой и побежал к девушке с собакой.

– Мальчик школу ещё не окончил, а работать вынужден. Куда деваться, если отец алкаш? Вон как одет, у моего Толика даже для дачи вещи получше были. Риммочка, это же ваш ученик? Как школа допускает такое?

– Что школа сделать должна? Одеть его в последних тенденциях моды?

– Ну, может, благотворительный сбор устроить. Нельзя же так. И это в нашем элитном районе. Ума не приложу, как их семья дали здесь квартиру.

– Так же, как и нам с дочерью, по программе переселения из ветхого жилья. – Римма Генриховна отряхнула хлебные

крошки с одежды. – Пора мне, а то Алексей заждался уже, и Ольга скоро вернётся.

– Риммочка, вы в магазин? Купите мне хлеба в пекарне, бездрожжевого. Только я вам позже переведу, не беру карточки с телефоном на прогулки.

– Хорошо, возьму. – Римма Генриховна направилась к воротам.

Вслед ей неслось:

– Представляете, совсем забыла про хлеб. У нас Толик с семьёй гостит. Мы с мужем вчера на фермерскую ярмарку ездили, там такие продукты качественные, не то что в магазинах. Я обед приготовила, а о свежем хлебе забыла.

Вероника прижимала к уху телефон и смотрела на окна верхнего этажа.

– Егору звонишь? – спросил подошедший Максим.

– А, пиявка. Чего тебе? – обернулась Вероника.

Граф завертел хвостом и ткнулся носом Максиму в колени. Тот потрепал пса по лохматой холке.

– Ничего, просто поздороваться хотел. Нельзя?

– Пфф, да мне всё равно.

– Так кому звонишь? Егору?

– Да. Только у него телефон выключен. Разрядился, наверное, а он и не заметил.

– Не удивительно. Он вчера так набрался, что едва в дверь попал.

– Ой, пиявка, тебе-то откуда знать? Уж вместе вы не пили, так что не сочиняй.

– Вместе не пили, зато я в окно видел, как он вернулся под утро. Сама посмотри, трезвые так не паркуются. – Макс указал на жёлтую спортивную машину, брошенную перед парковкой.

– Мы же на пикник хотели. Он обещал. Пиявка, поддержи Графа, я поднимусь. Вероника сунула Максиму поводок. Он не взял, спрятал руки за спину.

– Ник, не надо.

– Это почему?

– Потому. Вырастешь – поймёшь.

– Ай, хватит муть наводить! Иди куда шёл! – Вероника повела Графа к столбику у парковки.

– Ника, он не один.

Она застыла. Повернулась медленно. Спросила беззвучно:

– Что? – И вдруг закричала: – Что ты сказал?! Врёшь, всё ты врешь! Чего тебе надо

от меня? Чего ты ко мне вечно липнешь? Достал!

Макс подскочил к ней и выдернул поводок.

– Иди! Убедись сама!

Вероника скомандовала Графу «Сидеть!» и направилась к подъезду. Вдруг передумала и подошла к жёлтой машине. На переднем сиденье свернулся змеёй забытый чу-

лок. Чёрный, с кружевным верхом. Лежал и усмехался швом на кончике.

Вероника поплелась к Максусу. Опустила голову пониже, чтобы он не увидел слёз и протянула руку за поводком.

– А вот плакать из-за этого уroda не надо.

– Я и не плачу. Отдай поводок.

– Зачем? Ты сейчас пойдёшь рыдать в подушку, а пёс будет томиться в квартире? Вместо того, чтобы гонять на природе?

– Мы всё равно не едем на природу.

– Обязательно ехать? Можно и пешком. Не пропадать же... чего ты там приготовила? Бутерброды?

– Сосиски. – Вероника невольнo улыбнулась.

– Вот! Из-за какого-то уroda ты собираешься лишить Графа свободы и сосисок. Идём на озеро!

– С тобой? Ты серьёзно?

– У тебя есть варианты? Не переживай, я нищeброд, но на батон с кетчупом наскребу. Даже на сок. Или ты предпочитаешь шампанское? Тогда мне придётся заложить почку.

– Нет, сока достаточно. Не потому, что мне жалко твою почку, просто не пью.

– Тем лучше. Не потому, что мне почку жалко, просто не хочется тащить тебя от озера. Ты же килограмм шестьдесят весишь.

– Ты кретин? Не вешу я столько!

– А выглядишь на шестьдесят. Будешь на машине ездить,

точно не скинешь. Так что пошли сгонять. Ник, ты обиделась? Я же шучу. Серьёзно, давай на озеро. Не надо зацикливаться на том, кто тебя не ценит.

Вероника вздохнула, ещё раз взглянула на окна Егора.

– Ладно, пошли. Только ради Графа.

– Не вопрос. Но я тоже сосиски люблю.

На выходе из магазина Макс с Вероникой вновь встретили Римму Генриховну. Она тащила два больших пакета с хлебом. Когда отошли подальше, Ника спросила:

– А правду говорят, что она немного того после смерти дочери?

– Кто говорит? Тётя Элла? Слушай её больше. Ну, кормит человек голубей, что такого? У всех свои слабости. А мозги у неё получше наших вместе взятых работают.

– Почему голуби? Они же глупые. Завела бы кошку или собаку.

– Кошки и собаки умирают. А голубей не отличишь одного от другого. В массе они вечны.

– Это она тебе сказала?

– Нет, сам догадался. Я вообще догадливый. Так что скучно тебе не будет, обещаю.

Противоположный берег озера пестрел палатками. Макс скинул в траву рядом со старым кострищем пакеты с провизией:

– Видишь, в чём плюс от ходьбы пешком? Все думают, что

там, на дальнем берегу,

лучше. И едут туда толпой. А здесь такой же берег, только пустой.

– Что хорошего в пустоте?

– А ты у Графа спроси, где ему больше нравится. Там бы ты его не отпустила.

Пёс и правда наслаждался свободой: носился по берегу, пробовал воду лапами. Макс развёл костёр. Вероника вытащила из рюкзака пакет с сосисками и снова поникла. Даже слезинку с ресниц смахнула.

– Не хочешь искупаться? – Макс скинул футболку. Он покраснелся от огня, из-под волос струился пот.

– Нет, вода, наверное, холодная. – Ника присела на берегу, обняв колени. Макс с разбегу прыгнул в озеро, обдав её брызгами. – Идиот! Ты шею свернёшь! Там же коряги могут быть.

– Нет здесь коряг, я неделю назад проверял. Граф, ко мне!

Пёс топтался у кромки, не решаясь зайти глубже. Макс замолотил руками и ногами, завопил: «Помогите! Тону!» Граф больше не думал, рефлексы велели спасти человека. Он подплыл к Макс, схватил за плечо и потянул на берег. Вероника уже протягивала руку:

– Ты цел? Что случилось? В омут попал?

– Какой омут? – смеялся Макс. – В озере нет омутов. Это я для Графа притворялся.

– Ты точно больной! Я испугалась.

– Извини, не подумал, что всерьёз воспримешь.

Он вытянулся на траве. Граф отряхнулся, лёг рядом и положил голову Максу на грудь. Ника нахмурилась:

– Граф, ко мне!

Пёс повёл ухом, но с места не тронулся.

– Граф! – строго позвала Ника.

– Ты чего, ревнуешь? – Макс потрепал пса за ушами.

– Нет, конечно, но он должен меня слушаться.

– Значит, ревнуешь.

Вероника смутилась:

– Наверное. Почему он к тебе липнет, а на Егора рычит?

– Собаки чувствуют людей. Надо было не рычать, а кусать за жопу.

– Он не умеет.

– Аристократическое происхождение не позволяет каку в рот брать?

– Да какое там происхождение! Вернее, родители у Графа чемпионы, но он сам с дефектом родился, прикус неправильный. Его усыпить хотели, а папа, как узнал, чуть не подрался с заводчиком. Сказал, заберу, и не колышет, какой там прикус. Графа отдали, но с условием не говорить, чей щенок. У него даже родословной нет, в ветпаспорте как метис записан.

– Ничего себе судьба. Да ты, оказывается, настоящих голубых кровей, только шифруешься. А чего не кусаешься?

– Папа сказал, что он собака для удовольствия, а не слу-

жебная, не стал на охрану дрессировать. Граф не знает, что человек может его обидеть.

– Но на некоторых рычит.

– Рычит, но не кусает. Наверное, и правда предупреждал меня, чтоб держалась подальше от Егора. И... Макс, ты извини, что я тебя пиявкой звала. Ты просто за мной ходишь всё время. Я боялась, что Егору это не понравится.

– Ладно, забыли.

– А чего ты ходишь?

– Разве не понятно? Нравишься ты мне.

– Это глупо. Я стпрше на два года.

– В масштабах вечности два года ничто. Костёр прогорел, пора сосиски жарить.

С озера возвращались под вечер. Первым неладное почувствовал Граф. Им оставалось обогнуть высотку, заслонявшую их восьмизажку, как пёс вдруг остановился и заскулил. Ника с Максом переглянулись и побежали к дому.

Двор был оцеплен полицией и МЧС. Слепили мигалками машины скорой. А самого дома не было. Он не сгорел, не рухнул, просто исчез. Его будто вырезали из земли вместе с фундаментом, оставив котлован с идеально ровными глянцевыми стенами.

– Что тут случилось? – Макс подбежал к человеку в защитном комбинезоне и маске.

– Выясняем, – донёсся бесстрастный ответ, приглушённый респиратором.

– А с жильцами что?

– Нет сведений. Отойди, не до любопытных.

– Я не любопытный, я живу здесь. У меня родители в доме были!

Человек в защите махнул рукой за парковку:

– Туда иди, там пункт помощи поставили.

Макс вернулся к оставленной у дерева Веронике.

– Не говорят ничего. Пойдём, может, в пункте помощи что-нибудь узнаем.

Ника только слабо кивнула.

Пункт помощи представлял собой два стола-трансформера и десяток пластиковых стульев. На одном из столов подручные мэра разложили план района и с удивлением пялились на изображённый на нём восьмиэтажный дом. Всюду ненавязчиво сновали атлеты в чёрных костюмах. Сам мэр ходил взад-вперёд вдоль ограждения у парковки, бубнил в телефон и чесал рыжую бороду. За ним по пятам семенила Эльвира Прохорова и выговаривала с придыханием:

– Марк Феликсович, вы же знаете моего мужа, его вклад в развитие инфраструктуры... А Толик проходил практику в администрации, вы должны его помнить... За заслуги перед городом их поиск надо организовать в первую очередь!

– Организуем, обязательно организуем, как только разберёмся, – отвечал ей мэр в промежутках между телефонными переговорами.

– Максим, Вероника! – К ним спешила Римма Генрихов-

на. – Ох, хоть вы целы.

– Мы-то целы, а что с домом? – Макс поддерживал одной рукой дрожащую Нику, а в другой сжимал поводок. – Римма Генриховна, у вас есть успокаивающее или что-нибудь типа того? Кажется, Нике плохо.

– Вроде пустырник есть в сумке. Идёмте к нам с Ольгой, там всё расскажу.

Ольга, отвернувшись ото всех, кормила ребёнка грудью. Римма Генриховна порылась в сумке, достала таблетки, плеснула воды в пластиковый стаканчик и протянула Нике. После опустилась на один из стульев и стала рассказывать:

– Я же в магазин пошла, мы с вами встретились ещё, помните?

Макс кивнул.

– Возвращаюсь и слышу вопли нашей Эльвиры великолепной. На весь район верещала. Я во двор, а дома нет. Я к Эльвире, кое как в чувства привела. Оказалось, на её глазах всё случилось. Она как раз с мужем перекрикивалась, он на балкон вышел. Тут вроде зрение у неё затуманилось. Она думала, что очки запотели. Протёрла, надела, а дом уже прозрачный. Потом вовсе растворился. А муж, говорит, вроде не почувствовал ничего, только голос его затихал, когда он с домом растворялся.

– Заживо растворился? – всхлипнула Вероника. – И все в доме растворились?

– Как там было – не знаю. Растворились или переместились куда. Этим учёные заниматься должны. Только наш Феликсович, похоже, всё скрыть собирается.

– С него станется, – проворчал Макс.

Ника насторожилась:

– Куда переместились?

– Вероника, это предположение. В чёрную дыру или параллельную реальность. Я хотела снять и отправить куда надо, да эти молодцы у нас телефоны забрали.

– Охренели совсем! Стойте, у нас не забрали, можно снять.

– Отберут, как только вытащишь.

Ольга обернулась и проговорила тихо:

– Если их отвлечь, то не заметят. Я сейчас скандал устрою, а вы снимайте.

– Подождите! – Вероника схватила Ольгу за плечо. – Я сперва попробую позвонить маме.

Римма Генриховна открыла рот в недоумении, посмотрела на Ольгу:

– А мы, вороны, не догадались.

– Потому что нам звонить некому. Вероника, давай, только осторожно.

Ника присела на корточки, спрятавшись за соседями, отправила вызов и прижала телефон к уху.

– Вне зоны действия. Сейчас папе попробую.

И папа Ники, и родители Макса оказались недо-

ступны.

– Остаётся скандалить, – заключила Ольга, поднялась с сыном на руках и направилась к мэру.

Марк Феликсович в это время бубнил в телефон:

– Да-да, я вас понял. Да. Будет сделано. – Закончив разговор, зарычал на Эльвиру Прохоровну: – Что вы за мной ходите? Аферистка! Решила пыль в глаза пустить и квартиру выкружить? Не было здесь дома, ошибка в проекте. Разнюхала и пользуешься?

Эльвира Прохоровна сперва побледнела, потом пошла пятнами, забыла, как дышать, и осела в траву. Пока она хватала ртом воздух, на сцену вышла Ольга:

– Вы собираетесь что-нибудь делать? Пока решаете, был дом или его не было, мы, потерявшие жильё, сидим на улице. У меня ребёнок, между прочим. Я накормила его грудью, но молока у меня мало, и от переживаний оно не прибавится. Через час сын снова проголодается. Нужны смеси, прикорм, а ещё подгузники, распашонки с ползунками.

– А вы кто такая? – выпучил глаза мэр. – А-а, я понял, вас тут шайка мошенников!

– Плохо играете. Дом был. У меня есть фотографии в сетях.

Мэр хохотнул:

– Фотошоп. Ничего ты не добьёшься!

– Это мы ещё посмотрим! Но сейчас вы должны поселить куда-нибудь людей и организовать сбор помощи.

– Обязательно! Вас ждут благоустроенные камеры.

– Вы грозите мне камерой и совершенно не переживаете о том, что сегодня погибли сотни людей? – Ольга показала на серебристый автомобиль на парковке: – Вот ещё доказательство! Это моя машина, пробейте по номеру! Она в зоне оцепления. Проверьте видеореги­стратор!

В это время вернулась супружеская пара с Мишенькой. Они остановились перед заграждением, вышли из машины и разразились возмущённо-удивлёнными тирадами. Мужчина достал телефон и навёл камеру на котлован и оцепление. К нему тут же подскочили молодцы в чёрных костюмах и заботливо проводили всю семью к пункту помощи.

– Надо полагать, ещё одни любители халявы, – усмехнулся мэ­р. – Игорёк, вызывай наряд, пусть прикроют до выяснения. А детишек по детдомам определите.

Мать Мишеньки вцепилась в сына:

– Какой детдом? Что происходит?

– Святая невинность! Я на идиота похож? Думали, стоит пожаловаться, что дом пропал, и вам сразу квартиры из городского фонда? Хоть бы версию правдоподобную придумали, кирпичей натаскали, взрыв газа изобразили. Всё, с вами будут разговаривать в другом месте.

– Не сомневайтесь, и с вами тоже. – К мэру шла Римма Генриховна. – Пока вы глумились над женщинами, мы снимали. И уже выложили видео.

Марк Феликсович гневно зыркнул на охрану и

издал нервный смешок:

– Да кто вам поверит? Скажут, решили на фейках популярность поднять.

Однако уверенности в мэре поубавилось. Он снова почесал бороду, посмотрел на темнеющее небо, подзвал подручного и долго с ним шептался. Наконец обратился к потерявшим жильё:

– У администрации, в отличие от вас, есть совесть и сострадание. Не знаю, чего вы добиваетесь, но на улице вас не оставят, что бы вы ни задумали. Сейчас приедет автобус...

– И доставит нас в комфортабельные камеры? – перебила его Римма Генриховна.

Мэр поморщился:

– Что вы переворачиваете? Это была шутка. Никаких камер. Вас разместят в центре временного проживания. Туда же доставят продукты и всё необходимое. Волонтёры уже работают. – Повернувшись к подручному, буркнул: – Верни телефоны.

Автобус приехал через полчаса. Антошка уже заходился в крике, Моника и Бриджит тоже скулили и жались к ногам хозяйки, а она так и пребывала в шоке от нанесённого оскорбления. Соседи впервые видели Эльвиру Прохоровну такой тихой.

Их встретила женщина-администратор, представилась Наташей и проводила в свободную секцию, объясняя по пути:

– У нас всё занято погорельцами, пришлось срочно переселять людей, чтобы освободить вам место. Порядок навести не успели. Там только два номера, но надеюсь, все поместятся. Вы семья? – обратилась она к родителям Мишеньки. – Значит, займёте двухместный. Женщин поселим в трёхместном, девушке постелем матрас. А юношу... Что-нибудь придумаем.

Эльвира Прохоровна первой вошла в номер, осмотрела стены с облупившейся краской, потёки на потолке, пятна на матрасах и пришла в себя:

– Это возмутительно! Поселить как скотов в каком-то клоповнике! Мы жители элитного района! Дорогие мои, мы немедленно едем в гостиницу, а если завтра дом не вернут, то подыщем приличное жильё.

Ольга вкатила коляску и бросила сумку на ближайшую кровать.

– У меня нет лишних денег на гостиницу.

– Оленька, но я же вам всё возьму, как только восстановлю карточки. Риммочка, ну, скажите ей, разве можно держать ребёнка в такой антисанитарии?

Римма Генриховна молча положила пакеты с продуктами на другую кровать.

Ольга потрогала хлюпающий подгузник:

– Римма Генриховна, Антошку надо срочно искупать и накормить. Вы не узнаете, есть тут смесь и бутылочки? А я с ним в душевую.

Соседки вышли. Эльвира Прохоровна поняла, что проиграла. Веронике не хотелось оставаться с ней в комнате, и она пошла искать кухню. В конце концов ей тоже есть о ком заботиться: пока все заняты делом, она сварит Графу кашу.

В кухонном шкафчике нашлись крупа и посуда. Ника промыла ячку и поставила кастрюлю с водой на огонь. Достала телефон и набрала Егора. Он тоже был вне зоны действия. Как и утром. Как и все.

Наташа внесла в кухню коробку с банками детского питания. Следом вошла Римма Генриховна с бутылочками и сосками. Попросила Веронику поставить чайник.

Наташа выстроила банки со смесями и пюре на столе:

– Надеюсь, всё по возрасту. Завтра волонтёры ещё привезут.

– Надеюсь, что завтра уже не понадобится, – вздохнула в ответ Римма Генриховна.

– Как знать, – пожала плечами Наташа. – Вы на лучшее надейтесь, но настраивайтесь на худшее. Так легче. Да, я в прачечной одежду оставила. Выберите подходящую. Всё чистое.

Римма Генриховна включила телевизор. Шли новости. О пропавшем доме в Былинске даже не упоминалось.

Вероника достала из рюкзака сосиски, оставшиеся с пикника, и покрошила в кашу. В кухню вплыла Эльвира Прохоровна. Принюхалась.

– Что ты готовишь? Пахнет отвратительно.

– Это не вам, а Графу. Он не привередничает, – огрызнулась Вероника.

– Ты на собаку продукты переводишь?

– Вам горсть ячки жалко? А сосиски мои, я их у вас не украла.

– Не придирайтесь к девочке, – вступилась за Веронику Римма Генриховна. – Своих собак вы же тоже чем-то кормить будете.

Эльвира Прохоровна надула губы и уселась за стол. Проворчала:

– Ну и духота тут.

Она скинула розовый кардиган, надетый поверх мятной туники. Достала из сиреневой сумки розовый и бледно-зелёный футляры и сменила очки с розовой оправой на очки с зелёной. Вероника с Риммой Генриховной переглянулись, едва сдерживаясь, чтобы не рассмеяться.

Эльвира Прохоровна потянулась к банкам с детским питанием:

– Неужели нет ничего мясного? Чем мне накормить моих девочек?

Римма Генриховна оставила обработку бутылочек и посмотрела на неё с удивлением:

– Это питание для Ольгиного ребёнка. Причём тут ваши собаки?

– А что им есть, скажите пожалуйста?

– Могу сосисками поделиться. – Вероника остудила кашу и поставила кастрюлю перед Графом.

– Я не кормлю их такой гадостью.

Моника и Бриджит, глядя, как уминает Граф, тоже потянулись к кастрюле. Немец издал грозный рык. Эльвира Прохоровна вздрогнула:

– Он агрессивный! Привязывай его! Надеюсь, он будет ночевать на улице? Иначе нам из номера не выйти.

– Ночевать он может со мной. У меня шикарные апартаменты в гладилке. – В дверях появился Макс.

Послышались вопли Антошки. Ольга внесла в кухню чистого и голодного малыша. Получив бутылочку со смесью, он наконец замолчал. Моника и Бриджит чавкали, с удовольствием поедая вредные сосиски. Пора было и взрослым подумать об ужине.

Римма Генриховна принесла свои пакеты, достала курицу, картошку и макароны.

– Можно суп сварить, чтобы на всех хватило. А это, – она выложила на стол рулет и пирожные, – я Алексею покупала. Но ему уже не пригодится. И вот ваш хлеб, Эльвира Прохоровна.

– Спасибо, Риммочка, я завтра же пойду в банк, восстановлю карточки и всё вам верну.

– А, забудьте, – отмахнулась Римма Генриховна.

После ужина никто не спешил расходиться, даже Мишенька смотрел новости вместе с родителями, но про дом,

как и прежде, не говорили. Начался сериал, и Римма Генриховна убавила звук. Мать Мишеньки чертила на листке круги, линии и непонятные символы.

– Что вы рисуете? – спросил её Макс.

Она отложила карандаш:

– Пытаюсь понять, что для нас значит остаться. Но что-то не сходится. Гороскоп на сегодня указывает на переход, но нас не забрали. Я думала, это произойдёт на даче.

– Вы о чём? – спросила Ольга?

– Ну как же! Вы же видели котлован. Разве на Земле есть технологии, чтобы так вырезать дом? Ясно же, что его забрали пришельцы из других миров. Мы давно ждали этого, но не распознали знаков. И теперь я хочу понять, почему нас оставили. Может, мы ещё не готовы?

Все молчали, только осторожно переглядывались в немом сговоре не спорить с сумасшедшими.

– А если... – начала Ольга несмело.

– Что? Оля, говори, в этой ситуации нормальности уже не существует, – не вытерпела паузы Римма Генриховна.

– Если нас тоже заберут? Мы не убежали, о нас не забыли, а просто дали отсрочку.

Макс хмыкнул:

– Кажется, вы пересмотрели «Пункт назначения».

– Пункт назначения? – Ольга нахмурилась. – Что это?

– Значит, не пересмотрели. Я ошибся.

– Это немыслимо! – взвилась вдруг Эльвира Прохоров-

на. – О чём вы говорите? Я понятия не имею, что с моими мужем, сыном и внуками. Как мне жить дальше? Где? А вы несёте всякий бред!

Римма Генриховна налила воды в стакан и подала Эльвире Прохоровне:

– Прошу вас, успокойтесь. Мы все в растерянности. Если и говорим нелепицу, то не со зла, а чтобы не сорваться. Я прекрасно вас понимаю, но...

– Ни черта вы не понимаете! Никто! Вы никого не потеряли! Разве что подростки родителей. Да разве они переживают? А вам, Римма, ещё повезло, что ваша дочь умерла до всего этого.

Звонкая пощёчина оборвала истерику. Эльвира Прохоровна с ужасом смотрела на стоящую перед ней Римму Генриховну. Та потёрла руку и сказала, чётко чеканя слова:

– Ещё. Раз. Вспомнишь. Мою. Дочь. Я. Тебе. Зубы. Выбью.

Эльвира Прохоровна забулькала:

– Ды... Ды... Как...

– А я добавлю. – Ольга поднялась и взялась за коляску со спящим Антошкой. – Римма Генриховна, пойдёмте отдыхать, поздно уже.

Вероника зашептала Максу в ухо:

– Можно, я вместе с Графом у тебя в гладилке переночую?

Макс кивнул:

– Можно. Давай перенесём твой матрас.

Доску с утюгом выставили в коридор. Два матраса заняли всё место в крошечной каморке. Ника с Максом легли, не раздеваясь. Граф потоптался в ногах и забрался между ребятами. Сон не шёл. Ника тихо спросила:

– Макс, что делали твои родители, когда ты ушёл утром?

– Отец спал. Мама борщ варила. – Он вздохнул и добавил: – Из молодой капусты.

– А мы с мамой кофе пили. Она в окно посмотрела, сказала: «Какой воздух прозрачный. Только в июне увидишь такую чистоту красок». Она художницей хотела стать, но не сложилось. А отец... Знаешь, если бы не этот пикник, то с Графом гулял бы папа. Он всегда с ним по воскресеньям гулял. Тогда пропала бы я, а не он. Как думаешь, где они?

– Не знаю. Но надеюсь, что им хорошо.

– Только и остаётся, что надеяться. Может, ещё вернуться?

Макс не ответил. Вероника снова заговорила:

– Если бы я тебя не послушала и поднялась к Егору, то могла бы его спасти.

– Скорее, пропала бы вместе с ним.

– Наверное. Я даже не знаю, что лучше.

– У тебя с ним серьёзно было?

– Если честно, то ничего и не было. Встречались во дворе, трепались ни о чём. Переписывались иногда. Вернее, я сама ему писала. И на пикник сама пригласила. Он согласился. Чтобы отвязалась, наверное.

– Ник, ничего уже не изменишь. Давай спать.

Утром всех разбудил вопль. Ника вскочила:

– Кто это?

– Не знаю, – пробормотал Макс. – Похоже, из женского номера. Пойдём посмотрим.

Кричала Эльвира Прохоровна. Ей вторили Моника с Бриджит и Антошка.

– Растворилась! Исчезла! – Эльвира Прохоровна, бледная, с безумными глазами, показывала на пустую кровать Риммы Генриховны.

Мама Мишеньки запрыгала, захлопала в ладоши, закричала мужу:

– Переход продолжается! Я же говорила тебе! Скоро и нас заберут. А как иначе? Ведь ингрессия Плутона в Водолей, впервые за двести пятьдесят лет!

Макс на всякий случай заглянул в кухню, прачечную и душевую. Риммы Генриховны не было. Ольга, кое-как успокоив Антошку, попыталась вразумить соседей:

– Господа бездомные! Очень вас прошу, прекратите ненадолго сходить с ума. Эльвира Прохоровна, вы видели, как Римма Генриховна растворилась?

– Нет, я просыпалась десять минут назад, она спала. А сейчас она пропала.

– У вас же телефона нет, как вы определили, что десять минут прошло?

– У меня внутренний хронометр.

– Ясно.

Ольга достала телефон из-под подушки и набрала Римму Генриховну. Включила громкую связь. Вместо ожидаемого «вне зоны действия» послышались длинные гудки. После четвёртого Римма Генриховна ответила. Ольга спросила:

– Где вы?

– Оля, у меня консультация по ЕГЭ, работу никто не отменял.

– Так времени шесть утра!

– Вышла пораньше. Мне надо пройтись, настроиться, вспомнить материал. Конспекты ведь тоже пропали. Заодно дошла до нашего двора, покормила голубей. Тут что-то случилось за ночь.

– Что?

– Не знаю. Близко не пустили, но в котловане что-то происходит. Всё, мне надо сосредоточиться, к обеду вернуться.

Римма Генриховна отключилась. Макс посмотрел на Веронику:

– Мне ведь тоже на работу. Жизнь продолжается.

– Я с тобой.

– На работу?

– Нет. Хочу посмотреть, что там в котловане.

– Давай вместе. Времени ещё достаточно.

Ольга прошла на кухню, поставила чайник и включила телевизор. Ника в прачечной искала подходящую одежду, когда Макс закричал:

– Все сюда! Экстренный выпуск!

На экране появился котлован с такими же глянцевыми стенами. Тревожный голос диктора сообщал: «Вчера в Москве исчезло двенадцать домов вместе с находившимися внутри жильцами. По утверждениям очевидцев здания растворились в воздухе. Коммунальные службы и приглашённые на место происшествия сотрудники НИИ отказались дать какие-либо комментарии. В течение всего вчерашнего дня в интернете появлялись ролики с исчезнувшими постройками в других городах, но, поскольку никаких сведений от местных властей не поступало, информацию отнесли в разряд фейковой. По обновлённым данным дома исчезли в Воронеже, Ростове, Курске, Саратове, Самаре, Нижнем Новгороде, Череповце, Былинске и Санкт-Петербурге. О судьбе проживавших в них людей, находившиеся в своих квартирах в момент инцидента, ничего не известно. Следите за событиями!»

Заставку новостей сменила прерванная передача, а люди у экрана так и продолжали стоять в застывших позах. Только Мишенька при всей своей гениальности не постиг значимости момента. Он присел перед Графом и выставил ладошку. Пёс положил на неё лапу. Выходка мальчика привела родителей в чувство.

– Михайло, что за бессмысленный порыв? Тебе пора медитировать, настраиваться на грядущий день и отправляться в сад, – выговорил ему отец.

Мишенька виновато посмотрел на Графа и ушёл за мамой

в номер.

Эльвира Прохоровна заглянула в холодильник, покачала головой, надела кардиган и сменила очки.

– Мне тоже пора. Пойду в банк восстанавливать карточки.

Макс с Вероникой вышли из маршрутки. Въезд в квартал оказался перекрыт машиной полиции. Макс зашептал:

– Ника, нас близко не подпустят к котловану. У меня есть идея. Идём в соседнюю высотку, посмотрим с общего балкона.

Вероника кивнула.

С пятого этажа котлован открывался во всех подробностях. За ночь дно затянуло паутиной. По краю ходили люди в защите и пытались понять, с чем имеют дело. Один из исследователей лупил по паутине лопатой. С каждым ударом раздавалось гулкое «бом», будто били по натянутой струне. Другой принёс зажжённый факел и бросил в котлован. Внутри зашипело, показалась бледная струйка дыма, вскоре растаявшая, а паутина вдруг сформировалась в огромный кулак и так вмазала поджигателю, что того отбросило к заграждению. Люди в защите тут же разбежались.

– Ничего себе! Ты видел? Оно живое!

– Ага. И мне это совсем не нравится. Пойдём отсюда.

Ребята брели к остановке.

– Ты куда сейчас? – спросил Макс.

– В универ поеду. Послезавтра экзамен, а у меня ни зачётки, ни конспектов, ни учебников. Загляну библиотеку и

попробую у преподавов распечатки лекций взять. Макс, а что дальше?

– В смысле? Вечером в центре встретимся.

– Я не об этом. Что вообще будет с нами?

– Думаешь, они...

Ника зажала уши, зажмурилась, заговорила быстро и тихо:

– Нет-нет, не говори! Мы ведь не знаем, что с ними. Пусть будет, будто они уехали. Но если ты скажешь... – Она открыла глаза. – Кивни, если понял.

Макс уронил голову на грудь.

Ника отняла руки от ушей, прерывисто выдохнула и снова спросила:

– Если они не скоро вернутся, что ты будешь делать?

– Меня, наверное, в детский дом определят. Я же несовершеннолетний.

– У тебя что, нет никого?

– Есть. Родственники отца. Только я им не больно нужен. Да мне и самому к ним не хочется. Бухают по-чёрному. Лучше уж в детдом. А ты?

– Мои нормальные. В Нижнем бабушка и тётя по маме. В Вологде – отцовские. Но я к ним не поеду. Знаешь, ты уже спал, а я всё думала. Кто я? Для чего живу? Чего хочу? За меня всё родители решали, что мне есть, как одеваться. Даже куда поступать. Нет, они не ломали, просто я сама не знала, чего хочу. Вот, учусь на экономиста. А зачем? Даже

влюбить нормально не смогла, вцепилась в первого попавшегося. Я тебя старше на два года, а кажется, что наоборот. Хватит, пора взрослеть. Сдам сессию, переведусь на вечерний или на заочку. Устроюсь на работу. С жильём как-нибудь да решится. А после оформлю опеку и заберу тебя из детдома.

Макс хохотнул:

– Вот уж спасибо! Что ж, добро пожаловать в новую жизнь. Мой автобус. До вечера!

Он махнул Нике и исчез в салоне.

Все разошлись по своим делам, Ольга с сыном остались одни. Она раздумывала, чем ей заняться в первую очередь, когда зазвонил телефон. На экране высветилось «Босс».

– Слушаю, Владислав Ярополкович! – бодро ответила она.

– Скворцова, где отчёт? – грозно прорычал он.

– Вы ещё не знаете? Мой дом пропал. Вместе с компьютером.

– Ничего другого я от тебя не ожидал. Из всех домов пропал именно твой.

– Владислав Ярополкович, разве это от меня зависит? Если мне выделяют ноутбук и снова отправят документы, я к вечеру всё подготовлю.

– А как мне списывать предыдущий компьютер? Не знаю, как ты будешь выкручиваться, но у тебя два часа на подготовку отчёта. Иначе уволю.

– Не имеее права! Я одинокая мать.

– Ещё как имею! Ты у меня под суд пойдёшь за хищение важных документов и собственности компании.

Босс отключился. Ольга всхлипнула и тут же зажала рот. Не хватало ещё напугать Антошку из-за самодурства начальника. Телефон снова дзынькнул. На этот раз пришло напоминание от банка о взносе по ипотеке.

– Добейте меня уже все разом! Нет у меня денег на новый ноут и ипотеку! Стоп! Почему я должна платить за квартиру, которой нет?

Ольга нажала на указанный в сообщении телефон. Когда на том конце отозвался консультант, заговорила сбивчиво:

– Здравствуйте! Подскажите, у меня через два дня очередной платёж, но мой дом вместе с квартирой пропал. Могу я рассчитывать хотя бы на отсрочку?

– Вы потеряли работу? – спросил бесстрастный голос.

– Нет, пока нет. Но за что я должна платить, если квартиры нет?!

– Банк не несёт ответственности за сохранность жилья. В ваших интересах уплатить вовремя и спросить компенсацию с виновных. Отсрочку мы можем предоставить только в случае потери работы либо трудоспособности. Хорошего дня!

– Да твою ж мать! – в сердцах выругалась Ольга.

Напуганный Антошка заплакал. Вместо того, чтобы успокоить малыша, она заревела с ним в голос.

– Что опять случилось? По кому рыдаем? – В кухню влетела Римма Генриховна.

Ольга выложила обо всех свалившихся напастях. В конце добавила:

– Теперь хоть в петлю. Только определиться не могу, в банке вешаться или на работе.

– Ольга! – прикрикнула на неё Римма Генриховна. – Даже думать не смей! Работа, квартира, всё наживное. Единственное, что нельзя исправить – это смерть. Я бы всё отдала, чтобы спасти дочь, только не было у меня шанса, за несколько часов её вирус убил. Но тебе руки опустить не дам!

– А что мне ещё остаётся? Что делать?

– Вот! С этого и надо начинать. Давай с работой разберёмся. Тебе, так понимаю, ноутбук нужен?

– Да. Но если я куплю ноутбук, мне нечем будет по ипотеке платить.

– Не надо ничего покупать. Ты не гуляла с Антошкой? Собирай его, пойдём в школу, уж на время каникул комп нам какой-нибудь выделят.

– Ой, а это можно? Римма Генриховна, у меня даже слов нет, как я вам благодарна! Только подождите, я сперва начальнику позвоню, скажу, что к вечеру всё сделаю.

Босс выслушал заверения и изрёк снисходительно:

– Ладно, Скворцова, на первый раз прощаю. Но, сама понимаешь, в этом месяце ты без премии.

– Как без премии? Владислав Ярополкович, у меня же минимальный оклад на дистанционке. И ипотека! Нам не прожить!

– А это не мои проблемы, Скворцова. Не я отчёт задерживаю. Выкрутишься как-нибудь. И если рассчитываешь на премию в следующем месяце, советую помнить о субординации.

Начальник отключился. Ольга беспомощно посмотрела на Римму Генриховну:

– И как теперь? Мне в следующем месяце даже на ипотеку не хватит.

– По-моему, ты сгущаешь краски. На еду и одежду для сына тебе тратиться не надо. Жить тоже есть где. Не хоромы, но сойдёт. Другую работу ты с малышом вряд ли найдёшь. Оля, не всё так плохо. На край, у меня подушка безопасности небольшая имеется. Теперь идём в школу.

Не успели они выйти, как вернулась плачущая Эльвира Прохоровна.

– Да что за день слёз! – всплеснула руками Римма Генриховна. – Эльвира, а с вами-то что?

– Я в банке была, там сказали, что без паспорта не восстановят. А я его тоже дома оставила. Пошла в паспортный стол, чтоб новый выдали. Они попросили данные написать. Я адрес прописки указала, а м-мне г-говорят, что нет такого дома и не было. И меня не-е-ет...

– Это что ещё за новости? У меня паспорт всегда в сумке. И прописка там указана.

– Подождите! – Ольга подняла палец. – Это же мэр. Это он распорядился все сведения о доме убрать.

– Ну, лепрекон рыжий! – расสวิрепела Римма Генриховна. – Слушок прошёл, что из-за нашего ролика ему хорошая взбучка грозит. Эльвира, не кисните! Мы с Ольгой скоро вернёмся и займёмся нашим Феликсовичем. Дожмём его.

Ника выгуливала Графа, когда вернулись Римма Генриховна с Ольгой. Увидав Нику, Римма Генриховна оживилась:

– Вероника, нужна твоя помощь. Поработаешь снова оператором?

– Не вопрос. А что снимать надо?

– Всё!

Римма Генриховна подготовилась основательно. Вначале сняли временное жильё, Ольгу, работающую за единственным столом в кухне и спящего здесь же Антошку. Стопки одежды и коробки с крупами и консервами, собранные волонтерами. Римма Генриховна комментировала каждую мелочь. После она растолкала поникшую Эльвиру Прохоровну:

– Собирайтесь, едем за справкой и в паспортный.

– За какой справкой? Зачем в паспортный? Я же там была.

– По дороге объясню!

Римма Генриховна повела всех в центр жилищных субсидий и расчётов. Там сунула паспорт сидящей за стеклом девушке и сказала:

– Мне нужна справка о составе семьи для пенсионного.

Девушка долго стучала по клавишам, тёрла лоб, пожимала плечами, в конце концов вернула паспорт:

– К сожалению, дома двадцать четыре по улице Искарской

нет.

Римма Генриховна взяла паспорт, раскрыла его на страничке прописки так, чтобы Вероника могла снять, и удивилась для девушки:

– Как же так? Я девять лет прожила в этом доме. Восьмиэтажный, на 64 квартиры. И штамп о прописке мне ставили в вашем центре.

Девушка виновато улыbnулась:

– Наверное, какая-то ошибка. К сожалению, не могу вам помочь. Девять лет назад я здесь не работала.

После отправились в паспортный стол, где Эльвира Прохоровна опять попыталась получить паспорт взамен утерянного, и ей опять ответили, что раз дома по заявленному адресу не существует, то и личности, там прописанной, быть не может.

Эльвира Прохоровна разволновалась, как и утром, промокнула глаза сиреневым платочком и скорбно проговорила:

– Если бы со мной был муж, они бы так не разговаривали. Он бы быстро навёл порядок.

Римма Генриховна похлопала её по плечу:

– Ну-ну, Эльвира, будьте сильной. Идём дальше.

– Куда теперь? – спросила Вероника.

– К дому!

Вероникин телефон вдруг ожил, на экране высветилось «Пиявка».

– Ника, ты где? Давай к дому! И наших зови. Тут такое!

Оцепленная зона стала шире. Вокруг толпились любопытные и родственники пропавших. Римма Генриховна заметила среди них дочь Алексея. Над котлованом белело не то строение, не то огромный пьедестал, но издалека было не рассмотреть.

– Идёмте на балкон. – Ника повела всех к высотке.

Макс уже ждал на пятом этаже. Он даже бинокль где-то достал.

– Смотрите, что за хреновина из котлована лезет! – Он сунул бинокль Римме Генриховне. – Паутина что-то строит. Похоже на лестницу.

То, что возвышалось над котлованом, действительно оказалось лестницей с семью широкими ступенями и перилами по обе стороны.

– И правда строит. – Римма Генриховна передала бинокль Веронике.

Над верхней ступенью будто кто-то быстро вычерчивал белые штрихи. Они накладывались друг на друга, плотнели, образуя очертания восьмой ступени.

– Ну-ка, ну-ка, – Римма Генриховна отобрала бинокль.

Ника проследила, куда она смотрит – у ограждения мэр давал интервью телевизионщикам. Римма Генриховна забыла о лестнице. Марк Феликсович целиком завладел её вниманием. Она вслед за ним шевелила губами, пытаясь разгадать смысл сказанного.

– Что этот брехун им втирает? Жаль, что нет бинокля для

ушей.

– Вечером узнаем.

– И правда. – Римма Генриховна вернула бинокль Макс-у. – Нам тоже есть чем заняться. Будем готовить свой репортаж. Вероника, идём!

Ника не могла отвести взгляда от лестницы. Восьмая ступенька была готова, над ней уже прорисовывался прозрачный призрак девятой.

– Римма Генриховна, нам обязательно монтировать сейчас? Здесь же чудо творится.

Макс поддержал:

– В самом деле, никуда ваш репортаж не денется. Тут же лестница сама строится.

– Ребятки, пока мы тут торчим, этот кудесник столько чудес натворит. – Римма Генриховна указала на мэра. – Идём, после вернётесь. Эльвира, вы уснули?

Эльвира Прохоровна за всё время не проронила ни слова. Её не интересовал ни мэр, ни лестница. Она смотрела на детский сад, в который водила внуков.

Вернувшись в общежитие, Римма Генриховна заставила всех искать любые доказательства существования дома, будь то документы, фотографии, завалявшиеся в сумках и карманах квитанции. Потом снова снимали, говорили, доказывали. И ждали Мишенькиных родителей, которые единственные не внесли лепту в антимэровскую компанию. А они задерживались.

По телевизору бесконечно показывали белые лестницы на месте пропавших домов в разных городах. Эксперты строили предположения, экстрасенсы и ясновидящие давали толкования, все сокрушались о судьбах пропавших людей, а мэры и губернаторы наперебой хвастались размерами помощи тем, кто остался. Поздним вечером на экране появилась и рыжая борода Марка Феликсовича.

– Тихо все! Прибавьте звук! – скомандовала Римма Генриховна.

Мэр с выражением всемирной скорби говорил о невосполнимой утрате для близких, о сплочённости в трудные времена испытаний, о предоставлении квартир из жилого фонда.

– Мне тяжело говорить об этом. Никакие компенсации не вернут близких оставшимся. Из двухсот пятидесяти шести квартир шестнадцатизэтажного дома уцелели всего девять человек.

– Что-о? Вот жулик! Вот где собака зарыта! Когда это наш дом стал выше в два раза и ещё одним подъездом обзавёлся?

– Что опять случилось у вас? – в кухню заглянули Мишенькины родители.

– Наконец-то! – кинулась к ним Римма Генриховна. – Только вас и ждём, чтобы разоблачающие материалы дописать и отправить!

– Вы нас извините, – пропела Мишенькина мама, – но вот-вот случится грандиозное событие. Мы не хотим пропустить переход в другое измерение и останемся на ночь у лестницы,

даже палатку купили, а сюда только за вещами заглянули.

– Вы себя слышите? Неужели у вас нет гражданской позиции?

– Скоро никому не будет дела до мелких мирских дрызг. Я бы посоветовал вам не тратить время, а привести в порядок душевный баланс, очиститься и просветлеть, пока ещё можно, – заявил Мишенькин папа и ушёл с семьёй ждать великого перехода.

Римма Генриховна вздохнула и приступила к рассылке разоблачающего ролика. Вероника собралась вывести Графа.

– Я с тобой, – увязался за ними Макс.

Наступила ночь. Небо над общежитием пестрело звёздами, а в стороне лестницы сияло серебристое зарево.

– Это она светится?

– Вряд ли, – покачал головой Макс. – Наверное, прожекторов натащили.

– Я всё ждала, когда Римма Генриховна закончит со своими съёмками, хотела туда пойти. Только устала сильно, спать бы поскорее лечь. И Графу в толпе не понравится. Там, наверное, уже полгорода с палатками.

– Не исключено. Утром ходим, всё равно по телевизору о каждой мелочи говорят. Ничего не пропустим.

– Макс, почему они уверены, что лестница для того, чтобы подняться? Может, по ней спустятся. Наши родители.

– Зачем тогда было их забирать? Не знаю, может, кто и

спустится, только я не уверен, что с добрыми намерениями.

– А этот кулак утром? Он же ударил за то, что в него огонь кинули? Просто так ведь не стал бы бить?

– Идём спать, Ник. После посмотрим, что к чему.

Ольга просидела с отчётом всю ночь. Отправив его начальнику, наконец смогла забраться в постель. Едва она закрыла глаза, как зазвонил телефон. Босс! В пять утра! Ольга приняла вызов и тут же отпрянула от рёва начальника.

– Ты думаешь своей тупой башкой против кого прёшь?! Бессмертная? Собирай свой сброд, и делайте опровержение на свой пасквиль, да так, чтобы вам поверили. Иначе увольнение – самое безобидное, что с тобой может случиться!

Разговор оборвался. Ольга зажала рот полотенцем, чтобы не закричать. Римма Генриховна подняла голову:

– Оль, кто это в такую рань? Чего случилось?

Ольга поднялась и показала на дверь. Закрывшись на кухне с Риммой Генриховной, Ольга рассказала об опровержении и об угрозе. Римма Генриховна потёрла виски, помолчала, наконец проговорила:

– У них там одна шайка. Рука руку моет. Оля, а ведь они испугались! Значит, мы на правильном пути.

– Вы о чём, Римма Генриховна? Да меня уволят, если чего похуже не сделают! Надо придумать, что в опровержении сказать.

– Ольга, не смей! Не смей отступить! Не дай им запугать, задавить тебя. Они уничтожат нас и продолжат творить без-

законие. Убивать, как убили мою дочь! На всю больницу был один ИВЛ! А по документам их семь. Леночка задохнулась, пока ждала очереди. Больше я не позволю им издеваться над нами!

– Вам нечего терять. Но мой сын жив! Что они сделают с нами, если мы не выполним их требований?

– Вот тебе моё последнее слово – я не отступлюсь. Пойду до конца.

Вероника, Макс и Эльвира Прохоровна давно проснулись от криков и теперь топтались в дверях. Ольга посмотрела на них, заговорила было об опровержении, но слова смешались с рыданиями. Она закрыла лицо руками и плакала. Римма Генриховна гладила её трясущиеся плечи.

Ника включила телевизор. Звук убавили до минимума ещё вечером. На экране появилась лестница, уходящая в небо. Из-под облаков показались человеческие фигуры. В полной тишине они спускались по ступеням. Мелькали кадры. Лестницы из разных городов сменяли друг друга. И везде по ним сходили люди.

Все застыли и смотрели в экран. Даже Ольга прекратила плакать. Первой опомнилась Ника. Схватила поводок и крикнула:

– Граф, ко мне!

Её голос, разбивший тишину, заставил очнуться остальных. Макс сунул ноги в кроссовки и поспешил за Никой. Эльвира Прохоровна натянула розовый кардиган и ловила

Монику с Бриджит. Римма Генриховна вызывала такси. Ольга вытирала слёзы:

– Подождите меня, я только Антошку соберу.

Граф, точно почуяв нетерпение хозяйки, рвался к дому, натягивал поводок. Ника едва успевала переставлять ноги. У остановки их нагнал Макс. Спросил, задыхаясь от бега:

– На автобус?

– Нет, они все забитые, с Графом не пустят.

Не тратя больше времени на разговоры, ребята понеслись к лестнице.

Район кишел людьми. Заграждения то ли убрали, то ли раскидали, и народ толпился у самой лестницы. Рядом с Никой и Максом остановилось такси. Из него выбрались Римма Генриховна, Эльвира Прохоровна с собаками и Ольга с Антошкой. Водитель доставал из багажника детскую коляску. Ника хотела было помочь им, но кинула взгляд на лестницу и охнула: к подножию спускались её родители.

Они нарядились, будто на приём. Отец в строгом костюме и галстук-бабочке, постройневшая мама в блестящем вечернем платье с открытыми плечами.

– Ма? Па? – выдохнула Ника и потащила Графа к лестнице, расталкивая локтями стоящих на пути. – Пропустите, там мои родители!

Перед ней расступались чуть не благоговей. Ника бежала к лестнице по свободному коридору, но у подножия вдруг врезалась в невидимую преграду. От столкновения воздух

завибрировал с гулом.

– Осторожно, доченька! – вскрикнула мама. – Без приглашения ты не пройдёшь. Следуй за нами в мир грёз! Теперь можно, иди.

Граф глухо зарычал и потянул Нику назад. Она остановилась.

– Мам, а что там?

– Там чудесно. Представляешь, я снова рисую. Недавно прошла выставка моих картин. А папа конструирует самолёты, как всегда мечтал.

Отец с улыбкой смотрел на Нику:

– Мы живём теперь в своём доме с большим садом. Следуй за нами в мир грёз!

Граф вырывался. Ника с трудом его удерживала.

– Пап, помоги мне, Граф не хочет идти.

– Да оставь ты этого пса, там заведёшь себе какого пожелаешь.

– Папа, это же Граф! Я не хочу другого!

За спинами родителей показался Егор в обнимку с двумя девицами модельной внешности. Первая, в коротком шёлковом платье, кокетливо выставила ножку в чёрном чулке с кружевным верхом. На другой ноге чулка не было. Вторая девица показала Нике смутно знакомой, но она не могла её вспомнить. Егор показал на свою жёлтую машину на парковке:

– Афигеть, я ездил на этой чехарде! Думал, это круто.

– Доров, Егер! – К лестнице пробирались друзья Егора. – Подари мне, если не нужна.

Егор рассмеялся:

– Зачем тебе этот хлам? У меня сейчас целый гараж летающих. Хочешь такой же? Следуй за нами в мир грёз!

– Спрашиваешь! Конечно, хочу! – Парень свободно прошёл к лестнице и поднялся на несколько ступеней.

Остальные друзья загалдели, требуя приглашения. Егор величественно провозглашал для каждого:

– Следуй за нами в мир грёз!

Тут он заметил Нику:

– О, Вероника! Хочешь такие сиськи! – Он смял грудь смутно знакомой девушки. – Узнала? Это Анжелика с четвёртого. Там она певица, мисс мира. Следуй за нами в мир грёз!

Ника открыла рот от удивления. Анжелика, сутулая старая дева, вечно пропадающая на работе, потому что в пустую квартиру ей возвращаться не хотелось. А Граф рвался всё неистовее. Отец с мамой протянули руки:

– Доченька, иди к нам. Ты не представляешь, какие возможности тебе откроются. Следуй за нами в мир грёз!

– Я не пойду без Графа! – крикнула им Вероника и отступила от лестницы.

Римма Генриховна вцепилась ей в локоть, зашептала в ухо:

– Не торопись! Что-то здесь не так.

– Ника, так нельзя! – строго проговорил отец. – Ты должна быть с нами. Нам надо кого-нибудь привести.

К лестнице протиснулась Ольга с коляской:

– Возьмите меня, раз вам всё равно кого.

– Да, конечно! Следуй за нами в мир грёз! – пригасил её папа.

– Оля, стой! Я не пушу тебя! – Римма Генриховна ухватилась за ручку коляски.

Ольга взяла Антошку на руки:

– Простите, Римма Генриховна, но я так устала. – И шагнула на лестницу.

Вперёд вышли родители Макса, преображённые до неузнаваемости. Его обрюзгший отец с клочковатой щетиной сейчас был подтянут и гладко выбрит. Вечно уставшая мать помолодела, выпрямилась, сияла глазами из-под накрашенных ресниц.

– Сынок, мы за тобой. Следуй за нами в мир грёз!

Макс оглянулся на Нику, покачал головой:

– Не, мам-пап, у меня тут дела. Важные.

– Максимка, какие дела? Ты же учиться хотел. Теперь любовью университет сможешь выбрать, – уговаривал отец.

– Пригласите нас! – бежали к лестнице родители Мишеньки с сыном.

– Не вопрос, – пожал плечами отец Макса. – Следуйте за нами в мир грёз!

Макс схватил Графа за ошейник, помогая Нике его удерживать.

жать.

– Ты чего не пошёл? – спросила она.

– Да ну, какие-то они ненастоящие, как из рекламы. И потом, ты же сама звала меня пиявкой. Раз ты осталась, то и я тоже.

– Ну и глупо! Чего ты нашёл во мне?

– Ты добрая.

– Я?! Не придумывай!

– Добрая-добрая. Помнишь, когда мы только сюда переехали, я коленку разбил? Ты мне тогда её зелёнкой намазала и перевязала. И сникерсом поделилась. Сказала, он волшебный, излечивающий.

– Пфф, вспомнил тоже! Сколько мне было? Лет восемь? Кого я тогда только не лечила. Даже не помню того случая.

– А я помню. Я тогда думал, что ты ненастоящая. Ну, в смысле, не настоящая девочка, а фея. А ты почему не ушла.

– Мой отец никогда бы не бросил Графа. Значит, это не он.

У лестницы залаяли Моника с Бриджит. Эльвира Прохорова подпрыгивала с ними на руках, всматривалась в спускающихся.

– А где мой муж? И сын. Где Толик?

Родители Макса и Ники отводили глаза.

– Они на другую лестницу попросились, – гоготнул Егор.

– Зачем на другую, если я здесь? Как же так?

Эльвира Прохорова поникла и как будто даже уменьши-

лась. Вдруг с надеждой обратилась к Егору:

– Егорушка, а пригласи меня, а?

– Не-не, Эльвира Прохоровна, у меня и так перебор. Вы другого кого попросите.

Родители Макса и Ники поспешили поскорее подняться.

Зато к подножию спускался Алексей. На своих ногах.

– Лёшенька, пригласите меня? – Умоляюще проговорила

Эльвира Прохоровна.

Он отмахнулся:

– Мне своих сперва надо найти.

Дочь с зятем уже бежали к лестнице.

– Следуйте за нами в мир грёз! – выкрикнул им Алексей.

Они миновали невидимую преграду, обняли его, и все вместе отправились к облакам. На Эльвиру Прохоровну даже не оглянулись.

Римма Генриховна провожала взглядом Ольгу, пока её не скрыли облака, затем вернулась к ребятам:

– Вы целы? Вот и славно. Не лезьте туда. Чувствую, это ловушка.

К лестнице важно шествовал Марк Феликсович:

– Ну, кто пригласит мэра?

Стоящие на лестнице и у её подножия рассмеялись. Никто не кинул приглашения. Мэр в недоумении чесал бороду. Тут с улицы донёсся вой сирен. Мэр побледнел, бухнулся на колени перед ступенями:

– Братцы, не погубите! Пригласите кто-нибудь, Христом

Богом прошу!

– Феликсович, пойдёшь ко мне в лакеи? – ухмыльнулся Егор.

– Да хоть в шуты! Какая разница, перед кем прогибаться! Там хоть не посадят.

– Понятливый ты мужик, – смилостивился Егор. – Следуй за нами в мир грёз!

– Туда ему и дорога, душегубу, – фыркнула Римма Генриховна.

По ступеням спускались всё новые люди и уводили с собой ожидающих у подножия. Эльвиру Прохоровну так никто и не позвал. Она уже не просила, только тихо плакала.

– Мама! Где моя мама? – пронеслось над толпой.

Римма Генриховна встрепенулась, охнула, схватилась за сердце:

– Леночка! Живая!

И как замороженная пошла к лестнице. Ника с Максом кинулись за ней:

– Стойте! Туда нельзя! Вы же сами...

Но Римма Генриховна не слышала. Лена, ничуть не изменившаяся, ждала её на нижней ступеньке.

Макс схватил Нику за руку:

– Подожди, не надо её останавливать.

– Почему?!

– Как она будет жить, если снова потеряет дочь? Голуби – плохая замена.

Ника подумала и кивнула.

Вокруг не осталось никого из знакомых. Люди уходили в мир грёз, но толпа не становилась меньше: к лестнице шли всё новые желающие найти лучшую жизнь.

Ника потянула Макса к высотке:

– Давай с балкона посмотрим. Графу здесь не нравится.

Они поднялись на пятый этаж. Исход продолжался до ночи. Уходили поодиночке и семьями. К закату поток иссяк. Толпа становилась всё меньше. Наконец последние, получившие приглашение, миновали преграду и начали подъём. Ступени под ними становились прозрачными и исчезали, как только идущие переносили с них ноги. Внизу осталась одна безутешная Эльвира Прохоровна.

К растворяющейся лестнице мчалась скорая. Завизжали покрышки, оставляя на асфальте чёрные полосы. Машина чудом успела встать у края котлована. Из кабины выскочил человек в белом халате, взобрался на крышу и запрыгал, пытаясь ухватиться за нижнюю прозрачную ступень. Поняв, что проиграл, он сполз на землю и накинулся с упрёками на коллегу:

– Из-за тебя не успели! Дался тебе этот дед. «Не дове- зё-ём», – прогнусавил он, передразнивая. – Надо было с ним сюда гнать.

Товарищ виновато разводил руками:

– Я же не знал, что оно кончится.

– Не знал он, – снова передразнил первый и присел, при-

валившись к колесу.

В кабине надрывалась рация:

– Ребята, меня кто-нибудь слышит? Кто-нибудь, отзовитесь! Вызов с проспекта Победы.

Крикун поднялся со вздохом и ответил:

– Что там?

– Наконец-то! Почему так долго? – обрадованно прошипела рация.

– Больного доставляли. Сами. Водитель ещё до вызова к лестнице сбежал. Только не спрашивай ничего, говори адрес.

– Победы сорок три, пятнадцать. Пациент с высоким давлением.

– Принято. Выезжаем.

Виноватый переспросил удивлённо:

– Выезжаем?

Крикун отключил рацию и обернулся к нему:

– Да, блин! А что нам ещё остаётся?

Ника вздохнула:

– Вот и всё. В целом мире осталось пять человек и три собаки.

– Не драматизируй. Есть ещё диспетчер и пациент с давлением. Ник, думаю, осталось намного больше. Не все же пришли к лестнице.

– Наверное. Пойдём домой. Граф со вчерашнего дня не ел.

– Вообще-то, мы тоже.

– Да? Я и не помню.

Ника вдавила кнопку лифта.

– Плохая идея, – покачал головой Макс. – Если мы застрянем, нас некому будет вытащить. Давай по лестнице!

Высотка с тёмными окнами казалась безжизненной. Ника поёжилась.

– А фонари горят. – Макс показал на освещённую улицу.

– Это значит, что на ГЭС остались люди?

– Не знаю. Сейчас всё автоматизировано.

Эльвира Прохоровна по-прежнему сидела у края котлована. Рядом скулили Моника и Бриджит.

– Может, подойдём? Не ночевать же ей здесь, – предложила Ника.

Макс пожал плечами:

– Ночь на улице – не самое страшное. От неё все отвернулись, даже семья. Мы её не утешим.

– Пожалуй, на её месте я бы тоже не хотела никого видеть.

– Римма Генриховна, наверное, помогла бы. Но её нет.

Идём, Ник.

Ника проснулась от тишины. Светило солнце, чирикали воробьи, шелестела листва, но не было звуков города. Даже по выходным слышался шум дороги, голоса людей, где-то играла музыка. А сейчас ничего.

По полу зацокали когти Графа. Ника ещё не пошевелилась, а безошибочное собачье чутье подсказало ему, что хо-

зьяка не спит. На соседнем матрасе заворочался Макс, открыл глаза и прищурился от яркого света.

– Ну, здравствуй утро новой жизни, – пробормотал он сонно.

– Тебе не страшно? – спросила Ника.

– Страшно. Но пути назад нет. Придётся жить.

Ника налила воды в чайник, чиркнула спичкой и поднесла к горелке. Вокруг неё разбежались голубые язычки. Газ есть, уже хорошо. И электричество. Макс включил телевизор. На экране появилась пёстрая рябь. Макс переключал каналы, но ничего не менялось.

– Похоже, телевидению конец, – усмехнулась Ника.

– Или им нечего сказать. Посмотри, интернет есть?

Ника достала телефон:

– Нет. Тоже умер.

– Придётся самим добывать информацию. Куда пойдём?

– Макс, а вдруг дом вернулся? Давай проверим!

– С чего бы?

– Ну, если всех забрали, то зачем он им? А мне бы хотелось жить в своей комнате.

– Вступила в новую жизнь и цепляешься за старое? – улыбнулся Макс. – И я бы не спешил. Не факт, что зимой будет отопление. Если выбирать дом, так уж с печью.

К дому они всё-таки пошли. Просто потому, что надо было куда-то идти. По пустынным улицам ветер гонял мусор. Ни машин, ни людей.

– Как после апокалипсиса, – пробормотала Ника чуть слышно, будто боясь голосом вызвать недовольство тишины.

Свободный Граф бежал впереди. Вдруг он застыл напротив въезда в один из дворов. Макс с Никой остановились и прислушались. Из-за домов доносилось отчётливое ширк-ширк-ширк. Они заглянули за угол и тихо рассмеялись: дворник, как ни в чём ни бывало, подметал пустынные дорожки.

Чем ближе к котловану, тем плотнее становилось скопление брошенных машин. Встречались даже с распахнутыми дверями.

– Им что, настолько неважно здесь было? – недоумевала Ника. – Вроде не бедствовали. Вон, какие машины оставили.

– Они не от бедности бежали, а за мечтой.

– Интересно, нашли они что искали?

– Думаю, мы этого никогда не узнаем.

У входа в супермаркет толпились кошки всех пород и расцветок. Граф дёрнулся было, но тут же вспомнил о благородном воспитании, сел, отводя взгляд от зверьков и делая вид, что в упор их не замечает.

– Чего это они тут собрались? – удивился Макс.

Автоматические двери открылись, выпуская старушку с ходунками. Перед собой она толкала тележку, полную пакетов корма. Макс с Вероникой подбежали к ней.

– А, ребятки, – продребезжала старушка. – Помогите пакетики открыть, а то у меня руки совсем не слушаются.

Она растопырила раздутые артритом пальцы.

– Конечно, поможем. – Ника принялась открывать пакетики. – Это что, ваши кошки? Все?

– Нет. Их оставили. Не нужны они в мире грёз.

– А вы почему не ушли со всеми? – спросил Макс.

– Меня дети забыли. А сама бы я не дошла.

– Попросили бы кого-нибудь отвезти.

– Зачем? – отмахнулась старушка. – Раз дети обо мне не вспомнили, значит, не заслужила я рая.

– Думаете, там рай?

Старушка замолчала, втянула тонкие морщинистые губы и смотрела на кошек. Наконец тихо проговорила:

– Я думаю, это сама Земля людей с себя стряхнула. Отравили мы её унынием, усталостью, вечными жалобами. Вот она и отправила всех за счастьем.

– Почему же тогда мы остались? – спросила Вероника.

– Я осталась, чтобы о них заботиться. – Старушка показала на кошек. – А вы зачем – сами ответьте.

Макс собрал в тележку пустые пакетики. Сытые кошки разбежались по своим делам.

– Бабушка, вам помочь до дома добраться?

– Чего мне там делать? – хитро прищурилась старушка. – Хватит, насиделась! Мне теперь везде дом.

И пошла по улице, царапая асфальт ходунками.

Макс посмотрел на двери супермаркета:

– Ник, подожди меня здесь. Дело есть.

– Какое дело? Я с тобой.

– Ладно, идём.

В магазине было пусто, но свет горел, на полках в обычном порядке лежали товары. Макс взял на кассе два больших пакета и отправился к прилавкам со вчерашним, уже зачерствевшим хлебом.

– Без Риммы Генриховны голубей некому кормить, – пояснил он.

– Макс, а правда, для чего мы остались?

– Я – чтобы о тебе заботиться.

– А я о тебе?

– Обо мне, о Графе, о голубях.

– Как-то это неправильно. Мои родители всегда знали, чего хотят, но они исчезли. А я, разброд и шатание, здесь.

– Может, Земле и нужны такие. Которые ищут. Ник, я сам ничего не знаю. Идём к голубям, а то они заждались.

Дом не вернулся. Вместе с лестницей из котлована исчезла и паутина. Его стены утратили глянец, стали самыми обычными, с осыпающимся грунтом. Макс подцепил носком кроссовка булыжник и скинул в котлован:

– Скоро он зарастёт чапыжником, и никто никогда не узнает, что здесь был дом.

– И узнавать будет некому. – Ника посмотрела на парковку. Жёлтая машина Егора покрылась слоем пыли, утратила яркость. – Тут всё такое... Будто уже в прошлом. А где Эльвира Прохоровна?

– Не знаю. Давай голубей накормим и поищем.

Голуби ждали Римму Генриховну на прежнем месте. Им было невдомёк, что мир со вчерашнего дня перевернулся. Они так же жадно хватали хлеб из незнакомых рук и ворковали благодарность на своём языке.

Эльвиру Прохоровну нашли во дворе детского сада. В грязном розовом кардигане и в очках с зелёной оправой, она бродила от песочницы к песочнице и собирала забытые со-вочки, ведёрки и формочки для куличиков. За ней понуро плелись Моника и Бриджит. Ребята наблюдали за ними через прутья ограды.

– Интересно, а для чего она Земле? – спросила Ника.

Макс пожал плечами, собирался ответить, но тут к воротам подкатила машина. Из неё выскочила женщина, вытащи-ла с заднего сиденья девочку лет четырёх и побежала к Эль-вире Прохоровне, тараторя на ходу:

– Я так боялась, что все воспитатели ушли. На работу опаздываю, а ребёнка не с кем оставить. – Она опустила де-вочку в песочницу. – Это Даша. Мы в группу к Маргарите Юрьевне ходили.

Эльвира Прохоровна в растерянности смотрела на жен-щину:

– Вы на работу пойдёте?

– Конечно! Лошади сами о себе не позаботятся.

– Лошади?

– Ну да. Я в школе верховой езды работаю.

Даша тем временем выбралась из песочницы и вложила ладошку в руку Эльвиры Прохоровны. Та посмотрела на дочку и вдруг улыбнулась:

– Вы езжайте, чтобы не опоздать. А мы с Дашей сейчас кашу сварим. Вы не переживайте, мы справимся.

Женщина поцеловала дочь и побежала к машине.

Макс улыбнулся:

– Не так уж Прохоровна и безнадёжна. Ник, мне ведь тоже на работу надо.

Ника посмотрела с удивлением:

– У тебя тоже лошади?

– Нет, у меня реставрация исторического центра. Я там, правда, чернорабочим на подхвате, но кое-чему научился. Не знаю, кто из мастеров остался, но я должен идти. Надо же наследие для потомков сохранить.

Ника кивнула:

– Раз надо, то иди.

– А ты куда? В универ?

Ника подумала, покачала головой:

– Нет. Кому она теперь нужна, эта экономика. Я в больницу пойду. Там же остались те, кто не смог добраться до лестницы. Им, наверное, помощь нужна.

– Хорошее дело. Ник, а в больницу с собакой могут не пустить. Пускай Граф со мной идёт?

Ника потрепала Графа по холке и передала Максу поводок.

– До вечера, – улыбнулась она.

Ника шагала в сторону больницы. Потому что сама впервые решила, что ей делать. Растерянность никуда не делась, но теперь кроме неё появилось чувство чего-то важного, нужного для всех и для самой Ники. А над Былинском сияло старое солнце и освещало дорогу в новую жизнь.

Светлана Шахова. Возвращайся

1

– Море! Море!

Даша открыла глаза. Приподняла голову от подушки. Зажмурилась, ослеплённая солнечными зайчиками, весело прыгающими по купе.

– Кто долго спи-ит, тот море проспи-ит! – распевал отец.

– Где оно, пап?! Где-е-е?! – заголосила Даша и устремилась к окну. – О-о-ой! Какое здо-о-ровское! Огромное, другого берега не видно! Только вовсе не чёрное.

– Вечером пойдём купаться. Отпуск короткий. Каждый день на счету, – мама, выложила на столик бутерброды с сыром.

– Чай! Кофе! – слышалось с другого конца вагона.

Вскоре проводница появилась в проёме купе.

– Три зелёных с сахаром, пожалуйста, – попросил отец.

– Пап, а чай будет в подстаканниках?

– Не-ет, – отец хитро улыбнулся.

– Как это? Почему?

– Чай будет в стаканах, а стаканы – в подстаканниках, – отец, усмехнувшись, тронул пальцем вздёрнутый носик дочери.

– Дашенька, иди умойся. Тебя проводить?

– Нет, мамочка, сама справлюсь. Мне уже десять!

Даша деловито взяла полотенце, личный дорожный набор с розовой кружечкой, мылом, зубной пастой и щёткой. Пошла балансируя. Лёгкие, соломенного цвета кудряшки колыхались с покачиванием вагона. В весёленькой пижамке в мелкий цветочек Даша напоминала девочку-колокольчик из мультфильма.

Вернулась сияющая, с розовыми щеками. Принесла в купе свежий запах мяты.

Уплетая бутерброды, она разглядывала резной подстаканник, сквозь который янтарём поблёскивало гранёное стекло, и размышляла: «В поезде было бы скучно, если бы не еда. Так здоровски, когда мама разворачивает курочку с золотистой корочкой и оставляет прямо на бумаге. Обожаю ломать её руками. Здесь родители разрешают даже яйца разбивать об стол и сухомяткой баловаться».

Папа сгрёб постельное бельё, понёс сдавать проводнице.

– Дашенька, не засиживайся. Подъезжаем к станции, – поторопила мама.

Даша положила в рот остаток шоколадной конфеты.

– Пошлeдний глoтoщeк и буду шaбирaтшa.

2

Семья с кучей вещей вывалилась на перрон. Подбежал бородатый толстяк, предложил жильё. Папа отказался.

Кругом толпились местные: одни с табличками на груди,

другие держали картонки как транспаранты.

“Сдаётся комната”, “Лучшие условия”, “Сдам квартиру” – читала Даша, сидя на чемодане. Папа ходил, выбирал что-нибудь подходящее. Наконец, вернулся вместе с великаном, загорелым до черноты.

– Прывэт! Я Вахтанг! – сказал тот, широко улыбаясь.

Подхватил чемодан, сумки. Играючи закидал всё в багажник легковушки, припаркованной неподалёку от станции.

– Здесь савсэм блызко, – объявил великан и на огромной скорости погнал в сторону моря.

Даша притихла, прижалась к маме.

Тормоза заскрежетали у большого одноэтажного дома, типичного для южного городка. Обновлённые стены ослепляли белизной. Виноградная лоза на этом фоне выглядела живописно яркой.

– Прекрасный, ухоженный двор, – отметила мама.

Хозяин показал комнату. Маленькая – но с большим преимуществом перед прочими – она имела два окна. Одно выходило на улицу, другое – во двор с садом, изобилующим абрикосами, алычой и черешней.

Отец окинул оценивающим взглядом добротные кровати, стол на фигурных ножках, окружённый стульями, полированный шифоньер, тумбочку с радиоприёмником.

– Обстановочка скромная, но есть, где оставить вещи и переночевать. Остаемся, – удовлетворённо заключил он.

– Даже ковёр с оленями, как у меня на стене, – поддержала

Даша.

Вахтанг высунулся в окно.

– Вон лэтняя кухня. Там гатовит можно...

Разбор вещей решили оставить на вечер. Спешно достали купальники и полотенца. Переоделись, отправились в разведку.

Спустились по булыжной мостовой на один квартал.

– Вот он – рай! – воскликнула Даша, сняла сандалии, вступила на горячий песок. Побежала к воде, огибая лежаки, покрывала, людей, закопавшихся в песок.

– Какая тёплая водичка! – радовалась она, шлёпая босыми ногами, впервые ощущая ласковое прикосновение моря.

Даша немного умела плавать и нырять. Когда она поняла, что солёная вода хорошо держит, осмелела, принялась погружаться, доставать со дна гладкие камушки и ракушки. Маленькие, прозрачные медузы не шокировали. Даша не боялась ни плавать среди них, ни брать в руки.

“Как чудесно начались крымские каникулы!” – радовалась она.

3

– Подъём! Пора отправляться на пляж, пока нет палящего солнца, – мама легонько потеревала худенькое плечико.

Предвкушение моря помогло Даше окончательно проснуться, наскоро позавтракать и собраться.

День выдался необыкновенно жарким. На пляже некуда было ступить.

Отец предложил пойти вдоль берега. Вскоре он обнаружил освободившийся клочок песка в двух шагах от воды.

Усевшись на покрывале, Даша с любопытством наблюдала за множеством хаотически движущихся в море голов. Отдельные – словно инопланетяне в громоздких очках и со шноркелями – исчезали под водой. Над поверхностью, будто сами по себе, скользили пластмассовые трубочки.

“Забавно! – усмехнулась Даша, когда головы родителей присоединились к прочим. – Сейчас и на меня будет также смешно смотреть”.

Она разбежалась, нырнула, поплыла к маме с папой. Долго резвилась в воде, не замечая, что волны становятся выше и чаще.

– Последний раз ныряем, достаём ракушку и выходим на берег загорать, – весело сказал отец.

– Ура-а-а! Ещё раз ныряем!

Однако удовольствие заняло меньше минуты. Ужасно не хотелось выходить из воды, но пришлось – нарушать условия запрещалось.

Даша обсохла под палящим солнцем и решила попросить того, с кем легче договориться:

– Пап, смотри – дети купаются одни. У берега мелко. Можно с ними поиграть? Я за обедом съем весь суп, правда-правда! Можно? Пожа-а-алста!

– Ну, после такого обещания каждая малоежка получила бы разрешение самостоятельно понырять на мелководье.

С радостным визгом Даша помчалась к воде. Она передумала знакомиться с играющими в мяч детьми и нырнула в набежавшую волну.

“Какой малюсенький крабик на дне! Поймаю”. Подплыла ближе, попробовала ухватить за края панциря. Краб ловко увернулся. Даша повторила попытку. Малыш закопался в песок и скрылся из вида.

Даша почувствовала, что дыхание заканчивается. Подалась вверх. Не успела глотнуть воздуха. Следующая волна накрыла, потащила к берегу и назад. Руки и ноги перестали слушаться, барахтались сами по себе.

Даша рефлекторно вдохнула ртом. Едкая соль обожгла язык, горло. Одолели страх и отчаяние.

“Надо закричать! Не могу, – пронеслось в голове. – Вокруг полно народа, может, кто-нибудь заметит, что я...”

Волна потащила в море.

“Если не вдохну – утону”, – пронзила страшная мысль. Пальчики рьяно цеплялись за песчаное дно, ноги пытались найти опору. Голова на миг оказалась над водой. Даша резко втянула воздух до того, как снова накрыло. Худенькое тельце собрало последние силы, рвануло.

Даша ощутила ногами дно. Поднялась, чуть не упала, но устояла. “Спасена!”

Сделала несколько неуверенных шагов. Плюхнулась на песок у кромки воды. Закашлялась, желая освободиться от горечи, разъедающей горло. По всему телу разлилась мелкая

дрожь, но страх рассказать о случившемся родителям оказался ужаснее пережитого.

Даше всегда говорили, что она – самое дорогое в семье. Но ещё учили никогда не жаловаться. Сейчас это мешало броситься к маме в объятия и расплакаться.

“Накажут... Накажут и никогда больше не разрешат купаться!” – стучало в голове. Терзаемая страхами, она неосознанно лепила что-то из песка и соображала, как поступить.

Немного успокоившись, Даша обернулась. На неё, улыбаясь, смотрели родители.

“Ничего не заметили”, – вздохнула с облегчением, постаралась улыбнуться в ответ.

Мама направилась к дочери.

– Ой, Дашенька! Да ты вся дрожишь! – всполошилась она. – Всё-таки перебор с купанием.

Родители спешно собрали вещи. Отец понёс дочку на руках.

4

Очнувшись то ли ото сна, то ли от обморока, Даша попыталась приподнять веки. Яркий свет слепил. Потолок и стены плыли. Мутило. Во рту стояла горечь. Затуманенное сознание отразило образ человека в белом. Тот двигался, как в замедленном кадре, смысл слов не доходил.

Неведомая сила приподняла голову, в рот потекла тягучая горько-сладкая жидкость. Мамино лицо с опухшими от слёз

глазами – последнее, что увидела Даша, прежде чем погрузилась в глубокий сон.

Утро настало неожиданно. Под действием микстуры температура спала, проснулся аппетит. Даша старательно гнала прочь страшные воспоминания.

Родители светились счастьем.

– Сегодняшнее купание отменяется! – без нотки сожаления заявила мама, накрывая на стол. – Папу отправим за микстурой, потом приготовим что-нибудь вкусненькое к обеду. А ты пока побалуйся крепким чайком да своими любимыми сухариками с маком, – с этими словами она отправилась на летнюю кухню.

После завтрака Даша ощутила прилив сил. Лежать больше не хотелось. Накинув ситцевый халатик, она засемила окну.

Во дворе хозяйские мальчишки играли в “Захват земли”. Один бросал перочинный ножик, другой сидел на скамейке нога на ногу, насвистывая.

Вдруг Даша встретилась с ним глазами. Мальчишка заметно оживился: вскочил на ноги, стал нетерпеливо кружить вокруг соперника. Когда очередь дошла до него, принял актёрскую позу, метко бросил ножичек, вернул только что захваченный, немалый кусок земли. Провёл серию бросков и нарочито громко крикнул:

– Моя взяла!

Покосившись на окно, он победоносно отвесил проиграв-

шему хорошего “леща” и, расплывшись в улыбке, помахал зрительнице.

Даша смутилась, вдруг это приветствие для кого-то другого. Но убедившись, что мальчишка смотрит именно на неё, улыбнулась и помахала в ответ.

Победитель – с виду лет тринадцати – вальяжной походкой направился в сторону дома. Позади вприпрыжку скакал его бывший противник.

– Меня зовут Исмаил. Это брат – Жорик. А тебя мы знаем. Мы всех постояльцев знаем, – важно заговорил хозяйский сын, остановившись у открытого окна. – Ты почему не на море?

– Не разрешили, – ответила Даша и шёпотом добавила: – Я вчера чуть не утонула.

– Ого! Это как?!

Исмаил запрыгнул на подоконник. Жорик подался вперёд.

Даша тихо затараторила, чтобы успеть поделиться историей до того, как родители закончат со стряпнёй.

Жорик хлюпал, готовый вот-вот окончательно раскиснуть. От радости, что история завершилась благополучно, шумно выдохнул и утёр под носом.

– Дай нож, – бросил Исмаил брату.

– Тебе зачем? – буркнул тот и, не дожидаясь объяснения, протянул перочинный ножик, которым недавно играл.

Исмаил срезал спелую гроздь винограда, свисающую прямо в окно, протянул Даше. Лёгкий румянец вспыхнул на её

бледном личике, оттенив выразительные лисьи глаза.

Даша застенчиво отвела взгляд.

– Выходи вечером. На улице собираются и наши, и приезжие.

– Если отпустят, выйду.

К вечеру она вновь почувствовала слабость. Приняла очередную порцию микстуры, легла.

С улицы доносились весёлые голоса. Даше безумно хотелось гулять сейчас там с ребятами. А, главное, с Исмаилом – этим взрослым мальчиком, героем, неожиданно позаботившимся о ней.

Бывало, Даша влюблялась в рыцарей из сказок, став старше – в артистов. Но сегодняшняя встреча изменила всё. Он – настоящий. Красивый и романтичный.

Всплывающие фантазии волновали, не давая уснуть. Даша снова и снова представляла, как играет с ребятами в “цветы”, а Исмаил выбирает именно её. Как другие девочки завистливо косятся и перешёптываются.

Послышался еле уловимый шорох. Даша прислушалась, приподнялась, пристально глядя в сторону окна, край которого заливал мягкий лунный свет. Через мгновение там, как на экране, возникло знакомое лицо.

Даша в цветастой ситцевой пижамке, босиком поспешила к нему. Села на подоконник. Исмаил подал руку, помог спрыгнуть, повлёк за собой в сторону пляжа.

Глубокая ночь демонстрировала свою волшебную пре-

лесть, окутывая лёгкой прохладой, играя множеством разноцветных огней, исходящих из невидимых источников по всему побережью.

Исмаил набрал плоских камешков, стал бросать плашмя вдоль лунной дорожки, распластавшейся на чёрной, застывшей морской глади. Забавляло, как воображаемые лягушки в прыжках скользили по поверхности воды и безвозвратно пропадали.

Парочка уселась на песок. Глядя на падающие звёзды, маленькая мечтательница собралась загадать желание, но... проснулась.

Огорчение оказалось сродни трагедии. Даша спряталась под одеяло, уговаривая себя не разреветься.

5

По обычному расписанию семья отправилась на море. Загорая на песке, Даша украдкой посматривала вокруг, тщетно надеясь на счастливую случайность увидеть здесь своего кареглазого друга с волнистыми, длинными по плечи волосами.

День длился бесконечно. В воду больше не хотелось. Чтобы никто не мешал мечтать, Даша принялась строить песчаную крепость, воображая, что её герой трудится вместе с ней.

“Он, наверняка, умеет возводить из песка самые высокие башни, соединять их подземными переходами, окружать

длинными, извилистыми стенами. Даже может соорудить лабиринт", – с уверенностью думала Даша и представляла, как сначала внимательно наблюдает, а потом строит ещё лучше, тем самым добиваясь уважения своего кумира... За этой приятной игрой воображения застал подкравшийся вечер.

Поспешили в кафе. Отстояв длинную очередь таких же уставших от плавания и голодных отдыхающих, принялись за еду.

Даша на одном дыхании проглотила порцию даров моря и терпеливо ждала остальных. Папа с мамой неспешно смаковали харчо, не подозревая о невероятных ощущениях, тревожащих дочь.

Отец предложил после ужина прогуляться по набережной. Даша не выдержала. Собралась было выпалить выдуманную причину отказа, но на помощь неожиданно пришла мама.

– Нет, нет! Только не сейчас. Надо отдышаться от сверхактивного отдыха.

Папа не стал возражать. Побрели домой.

Войдя в комнату, Даша поспешила к окну. Окинула взглядом сад. Ни души.

“Только бы родители не услышали, как барабанит сердце”, – подумала она, взбираясь на подоконник.

Высунулась, посмотреть, нет ли её героя на летней кухне. Но там лишь молодая парочка, расположившись в плетёных креслах-качалках, потягивала из высоких стаканов,.

– Мам, пап, можно погулять?

– Конечно, – ответила мама, падая на кровать. – Но вернись засветло!

Из шалаша у дома напротив доносился весёлый говор, прерывающийся звонким смехом. Стараясь не выдавать заинтересованности, Даша прошла вдоль улицы с безучастным видом. Села на бревно у калитки. Подняла похожую на указку палку, начала рисовать на земле.

Через некоторое время обитателям шалаша наскучил сидячий образ жизни. Они высыпали наружу, принялись играть в догонялки. С сожалением Даша обнаружила, что Исмаила среди ребят нет.

Рыжеволосая девочка лет десяти с огромными веснушками на круглом лице отделилась от стайки резвящихся сверстников, подбежала, уселась рядом с Дашей.

– Я тебя раньше не видела. Давно приехала? – любопытствовала она.

– Четыре дня назад. Вышла сегодня первый раз. Исмаил сказал, что у вас весело.

– Хм-м, так вы где-есть снимаете, – понимающе протянула девчушка, кивнув в сторону дома. – А где же Исмаил с Жориком? Они обычно выходят раньше всех.

– Зинка, ты играешь?! – пробегая мимо, выпалила бойкая девчонка с косичками, похожими на крысиные хвостики.

– Сейчас, Оль! – звонко ответила конопатая, и, обратившись к Даше, предложила: – Айда с нами!

Даша в замешательстве решала продолжать ли печалиться из-за несостоявшейся встречи или предаться всеобщему веселью. Оля опять пробежала мимо, схватила Зину за руку, потащила, цедя сквозь зубы:

– Да сдалась она тебе! Не хочет как хочет! Пусть сидит тут одна.

Природная бунтарская натура вскипела в Даше. Она решительно направилась к ребятам, крикнула:

– Меня зовут Даша! Буду с вами играть!

– Ты водишь! Ты водишь! – обрадовался мальчуган в широких не по размеру шортах. Их приходилось то подтягивать, то поддерживать руками, чтобы предательски не свалились. Это мешало бегать и превращало мальчишку в вечного водящего.

Даша вошла в игру уверенно. Совсем скоро передала “ваду” самой проворной из компании.

Зло сверкнув глазами на непонятно откуда взявшуюся новенькую, обскакавшую её в игре, Оля начала настоящую охоту на самозванку.

Постепенно ребята выходили из игры, в сторонке наблюдая за захватывающими гонками.

Неожиданно Даше напомнило о себе недавнее происшествие. “Ноги, как ватные”, – подумала она.

Оля заметила, что соперница притормаживает. На полной скорости врезалась в неё, повалила на землю.

– Молодец, Олька! Здорово ты её! – закричала Зина.

– Что делаешь?! – возмутился паренёк из старших.

Возглас Зины, сильная боль в коленке, нависающее сверху, злобно улыбающееся лицо дерзкой девчонки – всё это в миг породило бурю гнева. Даша схватила с земли палку, которой недавно мирно рисовала, наотмашь ударила Олю по ноге.

– Дура-а-а! – завопила та и, прихрамывая, поплелась к дому.

Ребята удивлённо таращились на подругу, перешёптываясь, что та впервые ушла, не дав “сдачи”.

– Гадина! Гадина! – повторяла Оля, всхлипывая и поправляя прядки, выбившиеся из косичек.

Паренёк подбежал к Даше, помог подняться.

Остальные свидетели сцены, возбуждённо переговариваясь, расходились по домам.

Даша стояла растерянная.

– Меня зовут Самвел. Ты молодец, смелая девчонка. Ольку тут все боятся, а ты вон как её. Хм-м! Наверно, часто дерёшься?

– Никогда.

Даша отряхнула короткое платьице, прибрала за уши всклокоченные кудри.

– Садись на бревно.

Самвел сорвал и протянул подорожник. Даша поплевала на листик, приложила к содранной коленке.

– Завтра искупаешься в море, всё пройдёт.

– Знаю – в воде йод... Спасибо, Самвел, – слезая с бревна, сказала Даша. – Мне пора.

– Выйдешь завтра?

– Они меня не примут.

– Примут. Обещаю.

6

“Коленка в шапочке”, – думала Даша, глядя, как капли пенятся и шипят, попадая на ранку. Слегка пощипывало, сродни щекотке. Заёрзала на стуле. Папа смешно надул щёки, со свистом выдохнул на большое место, приговаривая: “А вот и ветер налетел! Кого тут сдуть?”

Родители всегда промывали ранки перекисью водорода, и мудрёное название “волшебного” средства давно засело у Даши в голове, как и то, что это не больно.

– Дочь, а ты молодец – стойко переносишь тяготы асфальтового периода. Но в следующий раз, когда бежишь, нос высоко не задирай, поглядывай под ноги.

Даша кивнула, а сама подумала: “Как это у меня получилось так ловко соврать? И ведь папа поверил, что я просто запнулась и шлёпнулась”.

Она любила рассказывать сверстникам небылицы. Делала это так уверенно, что те слушали, открыв рты. В Дашином воображении существовал сказочный мир, где когда-то, к примеру, жил “настоящий” лев, который везде её сопровождал и в случае надобности расправлялся с обидчиками.

Но то было не враньё, а фантазии.

"Врать-то, оказывается, легко, – продолжала рассуждать Даша, уже в постели. – Надо просто представить, что это – правда, и потом сказать вслух. Сегодня я подралась, а мне за это ничего не было. Значит, плохие поступки тоже иногда выручают", – заключила она и спокойно уснула.

Следующий день выдался пасмурным. После обеда заморосил дождь, разогнал людей по домам.

Папа читал газету. Даша с мамой играли в "виселицу" за столом у окна. Оттуда открывался вид на палисадник с двумя усыпанными солнечными мячиками абрикосовыми деревьями. Даша заметила на земле два бархатных плода с манящими нежно-розовыми бочками.

– Сходи подбери, – предложила мама.

– Не могу – они чужие, – смутилась Даша.

– Зря волнуешься, дядя Вахтанг разрешил брать упавшие абрикосы.

Папа спокойно продолжал читать. Дашу это успокоило. Она выбежала на улицу, ловко просунула тонкую ручонку между штакетником, дотянулась, схватила абрикосы и вернулась. Вся операция заняла меньше минуты...

Вскоре небо прояснилось. Народ повалил на улицу.

Даша уговорила родителей не брать её с собой в кино. Тянул за душу вчерашняя ссора. На чьей стороне ребята, примут ли её теперь в свою компанию? Как поведёт себя Самвел? Будет ли он сегодня так же дружески настроен, как вче-

ра? Для душевного равновесия Даше не терпелось получить ответы на все эти вопросы.

Она выпорхнула на улицу следом за родителями. На лавочке одиноко сидел вечно водящий Боря в шортах не по размеру. Даша хотела пристроиться рядом, но передумала – доски не успели просохнуть.

– На долго приехала? – поинтересовался Боря.

– Дней на десять. Точно не знаю.

Подбежала Зина.

– Мы с родителями уже две недели здесь. Ещё столько же будем, – включилась она в разговор, будто вчера ничего не случилось.

Постепенно компания росла. Вышла Оля. Остановившись в сторонке, жестом позвала подругу. Зашептала что-то, замахала руками.

– Дашка! – взвизгнула Зина. – А ну, поди суда, чево скажем!

Даша засомневалась, надо ли послушаться, но всё же направилась к девчонкам.

– Да ты, оказывается, воровка, – зло бросила Оля.

– Упала, что ли?

– Видела я, как ты хозяйские абрикосы таскала.

– Я не воровала, – попыталась оправдаться Даша, глотая слёзы, подступившие к горлу.

– Сейчас всем про тебя расскажу! – бросила Оля.

Подбежав к ребятам, она принялась во всё горло распи-

сывать, что видела из своего окна.

– Воровка! Воровка! – доносилось до Даши.

Она стояла в стороне, как оплѣванная, не в силах сдвинуться с места.

В начале улицы показался Самвел. Поравнявшись с ребятами, он не остановился. Прямиком зашагал к Даше.

Та заплакала, побежала прочь. Самвел догнал.

– Подожди. Давай прогуляемся, заодно расскажешь.

Даша согласилась пойти, но успокоиться не могла. Всхлипывала, растирала глаза кулаками. Самвел молча шёл рядом. Когда первый приступ рыданий прошёл, Даша рассказала, как её обогнали, и снова заплакала.

– Не реви, разберёмся, – твёрдо сказал Самвел.

Он был одного возраста с Исмаилом. Ниже ростом, но крепче. Ещё вчера Даша обратила внимание на брюки клѐш и яркую рубашку с модными длинными выточками по спине. Сегодня рубашка была другой расцветки, но того же кроя.

Женские наблюдения несколько отвлекли от проблем, помогли успокоиться.

– Даш, а ты в Ялте была? – неожиданно спросил Самвел.

Она, всхлипнув, помотала головой.

– Папа обещал съездить на денёк. Говорит, там много интересного.

– Точно! – согласился Самвел и пустился рассказывать: о храме Александра Невского, строившемся на стыке девятнадцатого и двадцатого веков, о Серебряной беседке на горе

Пендикюль, возвышающейся над морем на огромной высоте, о знаменитом дворце в английском стиле – летней резиденции генерал-губернатора Новороссийского края, графа Михаила Воронцова.

Ребята долго бродили по окрестностям. Свернув на свою улицу, Даша увидела знакомых и сникла.

– Ничего не бойся. Никто тебя не тронет, – заверил её спутник.

Подошли ближе.

– Самвел-то с воровкой гуляет! – закричала Зина.

Парень бросился к ней. Та рванула к дому, едва успела захлопнуть за собой калитку.

Даша побежала домой. Спряталась в простенке у открытого окна, откуда было удобно и слышать, и наблюдать, что творится на улице.

Она знала – Самвел, как и его друг Исмаил, старше других и обладает непререкаемым авторитетом. Поэтому не удивилась, что мальчишки покорно откликнулись на его призывный свист, а девочки, сбившись в кучку, испуганно глазели поодаль.

– Слушайте меня все! Даша ничего не воровала! Ей разрешил брать абрикосы хозяин дома. Девчонку никому не трогать! Кто не понял, будет иметь дело со мной! Ясно?!

Из надёжного убежища Даша видела, как каждый – кивком или словом – дал понять, что ему ясно.

Злая ты, Оль! – крикнул Самвел. – Мне нравилось, что

ты бойкая, но, оказывается, ты злая и подлая. Здесь таких не любят. И послушай меня – больше не трогай Дашку.

Оля побежала к дому.

– Да что ты мне сделаешь?! – крикнула она и скрылась за калиткой.

После её отъезда – на другой день – Даша узнала от Зины, что Оля долго и горько ревела. Ведь ей давно хотелось услышать от Самвела, что она ему нравится. И вот он сказал, но это оказалось в прошлом.

А пока в доме напротив плакала сама Даша. К её счастью, нашёлся утешитель. Самвел заглянул в окно, улыбнулся, поднял большой палец. Помахал и рванул к взрослым мальчишкам.

“Пошёл гулять со старшим братом. Наверное, до зари”, – подумала Даша и умиротворённо вздохнула.

С тех пор отношения с ребятами наладились. Гуляли гурьбой. Самвел по-прежнему проявлял интерес.

Исмаил так и не появлялся. Впечатления от бурных событий на время вытеснили мысли Даши о нём. Но уехала Оля – причина всех зол, и воспоминания всколыхнулись с новой силой.

Даша не желала ни с кем делиться тайными чувствами. Она больше не ждала встречи, но перестать мечтать не могла.

В памяти бесконечно возникала белоснежная улыбка на красивом, смуглом лице Исмаила, протягивающего огром-

ную гроздь винограда. Такое случилось с Дашей впервые. При этом воспоминании она чувствовала, как внутри, то нарастая, то утихая, разливается нечто тёплое и сладостное. Ощущение захватывало, невольно хотелось испытывать его вновь и вновь.

7

Отпуск родителей подходил к концу. И вот он – последний день южных каникул.

– После завтрака идём на пляж, вечером собираем чемоданы, а рано утром отправляемся на вокзал! – бодро огласил план действий отец, подхватил Дашу на руки, закружил.

К радости от игры с папой, которая всегда веселила и забавляла, сейчас примешалось неведомое, щемящее чувство тоски. Оттого смех не получился звонким...

На пляже по-прежнему было не протолкнуться. Даша решила наплаваться на год вперёд. В минуты передышки она смаковала истекающие сладким нектаром персики. Снова бежала в воду.

Наконец, решила заняться важным делом. Разложила на покрывале добытые со дна ракушки, принялась тщательно отбирать те, что планировала увезти с собой. Ненужные собрала в кулак, хотела закинуть в море.

Внимание привлекли мальчишки. Они невероятно шумели, играя на воде. Даша застыла в изумлении, когда в самом центре этой компании, среди галдящих голов и стремящих-

ся за мячом рук, увидела знакомые черты.

Сомнений не осталось – это ОН. Вновь накрыла надежда на встречу, пусть даже последнюю.

Вечером паковали чемоданы. Из сада донёсся свист, напоминающий соловьиную трель. Сердечко у Даши затрепетало. Она высунулась в окно.

На скамейке сидел Исмаил и вдохновенно насвистывал, подражая птице. Увидев Дашу, он расплылся в улыбке. Жестом показал в сторону летней кухни.

– Мамочка, можно немножко погулять в саду? Там хозяйские мальчишки и соседские ребята собираются.

– Конечно, милая. Но за калитку, чур, не выходить. А как позову, бегом домой.

Неслышно прикрыв за собой дверь, Даша помчалась по выложенной плиткой дорожке. Влетела в кухню.

Исмаил качался в кресле.

– Привет, Дашка! Садись напротив, – выпалил он и пустился рассказывать о приключениях, случившихся за то время, что они с Жориком провели у родственников.

Меняя интонации, размахивая руками, Исмаил в красках расписывал, как вместе со взрослыми покупали катер, как рыбачили, ночуя на острове, как наблюдали за стаями дельфинов в открытом море и плавали с черепахами.

Даша не сводила со своего кумира восторженного взгляда.

Волшебство чудесного вечера прервала неотвратимая реальность.

– Доченька! – позвала мама. – Пора спать. Завтра рано на поезд.

– Иду, – с сожалением отозвалась Даша и поднялась с кресла.

– Подожди минутку, – остановил Исмаил.

Из кухонного стола он вытащил огромную витую ракушку, протянул Даше.

– Это тебе. Сам достал. Со дна, – добавил с улыбкой.

Даша догадалась, что слукавил, но сейчас это не имело значения.

Руки на мгновенье соприкоснулись. Полумрак летней кухни скрыл румянец, вспыхнувший на лицах.

Даша уходила, бережно держа драгоценный подарок.

– Возвращайся! – донеслось вслед.

Она оглянулась, кивнула и скользнула в дом.

Чтобы избежать расспросов, спрятала ракушку в дорожную сумку, благо та стояла прямо у порога. Пошла занавешивать уличное окно.

У палисадника мелькнула тень. Через мгновение за штакетником выросла знакомая фигура. "Самвел?"

– Возвращайся! Пожалуйста, возвращайся! – громко прошептал знакомый голос, и фигура растворилась во мраке...

Поезд стремительно мчал семью домой. С верхней полки купе за меняющимися пейзажами наблюдала Даша. Она была прежней, но везла с собой новый багаж – душу, переполненную светлым чувством первой любви, трепетным пере-

живанием настоящей дружбы и мечтой о новой встрече.

Галушина Лариса. Лиходей

...Сани-волокуши болтало и швыряло.

Вдруг лошадь круто повернула, сани накренились, глаза Миньке осыпало ледяным дождём, залепило... Минька не удержался и упал на дно, ударившись носом.

«Вывалюсь! – испугался Минька. – Ой, матушка моя! А-а-а!»

Он слепо замахал руками, ища, за что бы уцепиться... Наконец что-то нащупал и вцепился со всей мочи.

Тем временем тятя хлестал и подгонял Каурку, словно гнались за ним все демоны мира. Лошадь фыркала. Копыта стучали. Комья снега летели со всех сторон и колотили Миньку по спине.

Ему ничего не оставалось делать, кроме как цепляться за дно саней, лежать неподвижно и ждать, когда всё закончится.

«Тук-тук-тук!» – стучали копыта в Минькиных ушах.

«Скрип-скрип-пип-ип» – вторили им сани.

«Бум!» – Ком снега, тяжёлый ком, ударил Миньку по спине.

Сани стали подпрыгивать на кочках, будто качели. У Миньки закружилась голова.

– Матушка моя! Ой, миленькая..! – беззвучно причитал он. – Спаси!

Но к его удаче, удары кнута стали реже. Каурка перешла

на шаг, а потом и вовсе остановилась.

Стало совсем тихо.

Минька подождал немного и поднялся. Он с трудом отцепил руки и протёр залеплённые снежной пылью глаза.

Тятя вытянул шею и напряженно вглядывался назад, откуда они приехали. Его рука была поднята в готовности обрушить кнут на лошадиный круп.

Минька тоже развернулся...

Эта история началась неделю назад.

В избе за занавеской кричала матушка. Давно наступила ночь. Младшие – Далька и Лёнушка – уже заснули, а Минька не спал, слушал и смотрел.

Их, детей, Миньку и двух его сестёр, с приходом морозов не выпускали из избы на волю: не было на их малый рост тёплой одежды. Вот и жили они тихонечко на печи вместе с баушкой.

Но в ту ночь Минька не мог уснуть.

Матушка всё кричала и плакала за тряпкой. Над ней хлопотали баушка и соседка Лександровна. Лександровна считалась в их деревне доктором и однажды вылечила Миньку от лихорадки после купания в речке.

Баушка то и дело выскакивала из избы за разной надобностью: приносила то воду в ведре, то тряпки, то ещё что-нибудь. Холодный воздух из открытой двери обдувал Миньку. От притока воздуха свечи мерцали, а тени прыгали, как живые: от печи, от головы Миньки, от посуды на полках...

Пахло супом и травами.

Через время у матушки родился новый ребенок, и крики прекратились.

Минька наконец заснул. Баушка тоже прилегла на лавку.

А утром она не поднялась, с этой лавки. Напрасно баушку тормошили. Лицо её перекосило, глаза пусто и блёкло смотрели в потолок, а руки, сухие и почерневшие, свисали вниз, как верёвки.

Матушка обмазывала баушку маслом с жиром, поила снадобьём, что принесла Александровна. Снадобье стекало по безжизненным губам бабки. Минька подтирал тёмно-жёлтые лужицы под лавкой и беззвучно плакал.

Александровна забегала каждый день: слушала баушку в груди, заглядывала ей в рот. Она качала головой, показывала на нее пальцем и что-то горячо говорила матушке.

– Рано, – отмахивалась та.

Александровна не отступала:

– Я ничего не могу поделать! Поздно будет!

– Нет, – сердилась мать. – Пожалуйста, не надо. Поднимется она! – и плакала.

Но баушка не поднялась. Она не отвечала и не ела. Смотрела пустыми глазами в потолок и хрипела по ночам.

Теперь Миньке вняли в обязанность менять сено в мешках. Каждый день Минька вытряхивал вонючее сырое сено из специально сшитых холщовых мешков и наполнял их свежим сеном. Мешок поменьше он клал в люльку под ново-

рожденную девочку, а мешок побольше – под спину и ноги бабушки.

Далька пыталась помочь. Да не было от неё никакой пользы. Она только мешала. Чаще всего Далька сидела на полу подле лавки и держала баушкину руку. Но рука была совсем сухая и не двигалась. Далька тихо напевала колыбельную, бормотала что-то на своём языке – ещё говорить толком не выучилась, дурёха

В какой-то день соседка Лександровна привела старосту деревни. Минька запомнил старосту, как остроносого мужчину в богатой пушистой шубе.

С приходом гостя матушка сорвала пелёнки с верёвки, что тянулась из угла в угол через всю избу, и закинула тряпки в угол. Она бросилась к печке и достала горшок с травяным настоем, смахнула со стола крошки, но староста остановил её:

– Лорисса Бориссовна, гм... ну что ты! Не надо...

Они разговаривали недолго. Матушка опять плакала, а тятя согласно.

Тут староста углядел на печке Миньку и посмотрел на него. Минька – на старосту. Далька испуганно ойкнула, и забилась от чужого подальше, за печь, а Миньке любопытно, что он такое скажет. А староста смотрел-смотрел и спрашивает тятю:

– Это твой старший сын? Сколько лет? Шестой год? Гм... Николав, бери молодца в лес... гм, на дело.

– Мал ещё, – заступилась матушка. – И шубы на него нет. Замёрзнет в лесу. Да и на чём же они поедут? У нас нет лошади.

– Ничего, будет лошадь... Пусть едет, пусть... нужно, Лорисса. Пригодится. – отвечает староста. – Одежу ему найдём, скажешь, что нужно... Дело такое... – он поднялся из-за стола. Обратился к тятя, – Николав, лошадь мою возмёмшь, сани-волокуши, как положено... Пора, Николав... Завтра же утром возьми. Гм...

– Ну, прощай, Матвевна, – сказал староста, обращаясь к лавке. На лавке баушку почти не видно – небольшой бугор, накрытый овчиной, – ты это... не поминай, как говорится. Гм, зла тебе не желали. – староста потоптался и попросил отца, – Ты, Николав, сделай, как положено. Надеюсь на тебя! Гм...

Наконец, староста ушёл вместе с Лександровной.

Утром Миньку подняли затемно. Нацепили на него, сонного и вялого, всю его одежонку, сверху в придачу длинный чужой тулуп, и рваные чьи-то валенки. Затем его завернули во что-то мягкое и тяжёлое, вынесли во двор и уложили на сани.

Дорогу Минька помнит смутно. Монотонный бег убаюкивал, как матушкина колыбельная.

Неожиданно сани сильно трянуло. Минька поднял голову и разлепил сонные глаза.

– Заяц! – объяснил тятя. – Выскочил из-под копыт! Сидел

на дороге, чтоб его!

– А? – спросонья Минька плохо соображал.

– Прибыли! – ответил тятя, – Тпру! – крикнул он лошади.

Каурка остановилась.

Только сейчас Минька заметил возле себя длинную груду овечьих шкур, саночки, привязанные к задку больших саней, – вроде тех, с которыми матушка ходит с ведрами на колодец, Тятя, натужно крякнул, старательно обмотал свёртыш верёвкой, пропустил под грудью и затянул узлом на высокой спинке санок. Пальцы его замёрзшие, а оттого непослушные, не сразу справились с верёвкой. Потом тятя потащил санки к оврагу, придавливая чистый снег. Овраг, часто поросшего молодыми деревьями, резко обрывался и дно его Минька не видел.

Тятя нагнулся к самому свертку и стал что-то говорить.

– Матвевна, ты попроси... Попроси там, – услышал Миньке, – прости, попроси... Скажешь: детки у нас. Пусть это... Ну, сама знаешь...

Тятя выпрямился и стянул шапку для молитвы: ... И не будет больше ни смерти, ни плача, ни рыданий, исчезнет бывшее, искупятся преступления, и дом примет тебя...

– ...дом примет тебя, – заученно повторял Минька.

Из свёртыша гулко хрипело.

Тятя оглянулся и жестом подозвал Миньку. Когда Минька подошёл, путаясь в шубе и утопая валенками в снегу, тятя ткнул его в бок:

– Проси баушку! Скажи: попроси!

– Попроси, баушка, – послушно повторил Минька.

– Отчего так тихо? Громче!

– Попроси, баушка! – сказал Минька. Его била дрожь.

Свёртыш молчал. Из окаймленной белой снежной бахромой виднелись открытый рот и пустые невыразительные глаза.

Тут тятя поднялся, засуетился. Развернул сани, крикнул и подтолкнул к обрыву. Те не поддавались. Тогда он неловко сгорбился, уперся широко ногами в валенках и с силой двинул сани.

Те покатались нехотя, но, попавши на склон, прибавили ходу. Покатались резво и даже весело, да недолго: попали под обрыв, черканули сугроб и пропали из виду. Остались в снегу две узкие дорожки.

Тятя вытянул шею и прислушался. Минька тоже замер. Сзади них фыркала Каурка, а вдалеке хрипела какая-то птица «До-ом-мой! До-ом-мой!». В овраге было тихо.

– ...ни смерти не будет, ни плача... – начал было молитву тятя.

«Трах! тах! тах!» – ответил ему лес.

Скрип, громкий и неожиданный, выскочил, прокатился по сугробам, споткнулся и свалился обратно в овраг со злобным и звонким «кри-и-ип!»

Минька задрал голову: «Гром? Зимой?»

Потом произошло странное. Минька и вздохнуть не

успел, как оказался у тяти на руках, а сам тятя неся широко-ми прыжками прочь от оврага. Голова у Миньки болталась, но он переживал за свои валенки: вот-вот свалятся!

Через короткое время тятя, стоя в санях, хлестнул по лошади, и та вздрогнула и рванула по своим же следам обратно.

Сани подпрыгнули и понеслись.

Тут лошадь круто свернула на дорогу, сани накренились, и Миньку всего осыпало ледяным дождём. Минька не удержался, рухнул и больно ударился носом. Сани швыряло на неровной дороге.

«Выпаду! – испугался Минька. – Ой, матушка моя миленькая! Ой..!»

Он вслепую пошарил руками, ища за что уцепиться. Наконец, что-то нащупал и вцепился со всей мочи.

Тятя хлестал и хлестал Каурку, будто гнались за ними все черти мира. Каурка всхрапывала. Гулко стучали копыта. Сани скрипели. С обеих сторон летели снежные комья и били Миньку по спине.

Он решил ничего не делать, а лежать неподвижно и ждать, когда всё кончится.

«Тук-тук-тук!» – стучали Кауркины копыта в Минькиных ушах.

«Скрип-скрип-пип-ип» – вторили им сани.

«Шмяк!» – прилетел к нему на спину особо тяжёлый ком снега.

Сани болтало, будто на качелях. Миньку стало мутить.

– Матушка моя! Ой!

Но к его удаче, удары кнута стали реже. Каурка перешла на шаг, а потом и вовсе остановилась.

Сделалось тихо-тихо.

Минька подождал немного и поднялся. С трудом отцепил руки и протёр от снежной пыли глаза.

...Тятя стоял, вытянув шею и напряженно вглядываясь назад, откуда приехали. Рука поднята в напряженной готовности обрушить кнут на лошадиный круп.

Минька тоже обернулся: увидел заснеженную дорогу, два длинных следа от саней, пляшущие снежинки... Ничего страшного.

Тятя, по-видимому, тоже успокоился. Даже подмигнул Миньке. Неторопливо махнул вожжами.

«Вот так – верно, – подумал Минька. – Каурка – чужая кобыла, разве можно её кнутом..? Не можно!»

Дальше ехали смирно. И от тулупа тятки шёл пар. От крупа и спины Каурки тоже. Минька открыл рот и дунул. Пар поднялся и из его рта.

Зимний лес был так необычен. Светлый, чистый и торжественный, как на праздник. Минька бы наслаждался, но на душе было гадко. Блеклое солнце, голое и белёсое, будто утонувшее в кадке с молоком, лениво цеплялось за стволы и ветви голых деревьев. И вроде бы солнце слепило, но вдоль дороги пошла полоса ёлок и сосен. Те росли так темно и густо, в них яркий свет тонул, лишь зло высвёркивая в проеме-

жутках.

Стая крупных птиц, испуганная санями, вспорхнула прямо из сугроба и с ворчливым «фрррр» полетела в лес. Сани мерно скрипели и покачивались, тятя иногда хлопал вожжами, холодный воздух цапал за щёки.

Сани остановились у старой берёзы. Должно быть, дерево сломалось ещё летом, и толстая замшелая ветвь рухнула на землю.

Тятя слез и достал из-под сиденья топор. Он начал рубить обломившуюся ветвь на плашки, чтобы затем погрузить на волокушу. Дрова – они всегда пригодятся, – так, видимо, подумал тятя. Не пропадать же добру!

Минька спрыгнул с саней – размять ноги, к тому же сильно хотелось «по маленькому».

Минька отошёл с дороги. Он стянул большие рукавицы, но как справиться с пуговицами на шубе? Да с перевязанным крест-накрест большим платком..?

Минька возился с непослушными костяными пуговицами, как тут...

Тут он почувал, будто глядит кто-то пристально, поднял глаза – и замер.

На Миньку смотрел сверху вниз громадного размера великан. Великан закутался в снежные хлопья, раздутый, как хлебная закваска в кадке, и сугробы вокруг обступили Миньку.

– Лиходей! – охнул Минька и не узнал своего голоса.

Лиходей ростом был до неба, из его заснеженного туловища торчали руки – корявые ветки да сучья с острыми пальцами...

Минька застыл.

Сразу вспомнилось ему, как грозила баушка:

– В своём огороде репы мало? В чужой полез? Заберёт тебя лиходей за такие дела!

Это жалобщица соседка Александровна прибежала, да разносила всем, что застучала Миньку в чужих грядках.

– Куда заберёт? – уворачивался Минька от хворостины в баушкиной руке. – Зачем?

– Утащит – узнаешь, неслух! И поделом!

Вот тот самый лиходей уставился на Миньку закрытым снегом лицом.

Тут же вспомнилось Миньке все его проделки: нынешним летом взрослые отправились в поле до вечерней зорьки, а Миньке велели присматривать за сёстрами в избе.

Жарко было, солнце пекло, как в печке от углей. Миньку и разморило. Он даже не заметил, как заснул. Проснулся он от крика. Далька ревела. Она, глупая девчонка, полезла на лавку, а с лавки возьми и упади! Да стукнись большой головой. Не доглядел стало быть, за сестрой. Далька тогда плакала горько, и шишка на лбу вспучилась.

Припомнился еще случай: сбежал Минька из избы на минуточку, да заигрался в «чёт-нечет», потом пинал с мальчишками полый пузырь из бычьих шкур. Очнулся, когда

солнце садилось, а в избе сёстры неразумные одни! Тогда крепко струхнул, думал достанется на орехи, но обошлось – прибежал ранее родителей: Лёнушку с Далькой умыл-передел, сунул обеим по куску хлеба. Успел.

Тем же летом он наткнулся на лесную поляну, всю красную от земляники. Собрал ягоды в холщовую суму, сделал свёрток из большого лопуха и его наполнил. Но пока шёл домой, ягоду за ягодой всю и съел... Как швырял в соседского барана камнями: тот баран был бодучий и рогами грозил. Далька того барана боялась, плакала... А однажды Минька соседке язык показал...

Да мало ли чего! Всего не упомнишь! Мысли в голове путались, а во рту стало сухо и противно.

«Не успели! Догнал! Не вывезла Каурка, – пронеслось в его голове. – Тятя!.. Тут..» – хотел предупредить он, но лишь без звука открыл рот.

Потекла по ногам в штанах тёплая струйка, а Минька и не заметил. Он был уверен, что пришёл ему конец: сию же минуту зацепит его лиходей длинной лапой-веткой за воротник чужой шубы и потащит к себе – в лиходейскую избу. А в той-то избе, ясно, не мёд! Сожрёт не варёного, косточки обгладает. Пропадёт Минька, как битый горшок, поминай как звали! Ой, матушка!

Минька зажмурился и приготовился умереть.

Тут сзади всхрапнула Каурка, прикрикнул на неё папка: – Чтоб тебя! – в ответ заверещали между деревьев глупые пта-

хи.

Минька очнулся. Он судорожно вздохнул и осторожно шагнул в сторону, одна нога, вторая... Легко, чтобы не хрустнул снег под валенками.

Неожиданно лиходей оказался просто мохнатым кустом в снежном сугробе.

Минька выдохнул. Осторожно шагнул туда, где стоял раньше – куст снова выглядел великаном с выступающими руками-ветвями; взглянул Минька с другого боку: как есть торчит зимний куст или дерево, тянет заснеженные ветки.

С каждым шагом Минька медленно отступал, не сводя глаз с обманчивого куста. Ну, как, отвернись – а лиходей снова объявится? Так Минька пятился, пока не уперся спиной в сани.

– Ты что? – тятя складывал в сани берёзовые обрубки. – Что у тебя с носом? Ударился?.. Попадет нам от матери!

– Тятя, а бабушка вернётся? – Минька не сводил глаз с коварного куста. Тот, казалось, просто спал под своим сугробом.

– Отчего не вернётся? – отозвался тятя. – Вернётся..! Духом или призраком, чтоб его!

Тогда Минька притащил к саням сосновую ветку. Выбрал крепкую, с себя высотой. Зацепил сучком к волокушам таким образом, чтоб ехала ветка вслед за санями и царапала дорогу. Аккурат по верху следа от полозьев. Ветка царапала снег иголками тонко-тонко, будто осенняя паутинка на вет-

вях.

«Надо бы ветку погуще – но ничё! – Минька вспомнил блёклые невыразительные глаза в свёртыше, – Сослепу попутает след».

Тятя углядел, что Минька дрожит, удивился и, не слушая возражений, укутал сына в баранью шкуру. Плотно, почти с головой. И они поехали дальше.

Под шкурой было душно; Миньке хотелось пить. Тогда Минька проделал в бараньей шкуре дырочку и стал глядеть на деревья и снежные кучи под ними.

Как уныло! Сани скрипят, покачиваются, а Минька в дырочку видит всё одно и то же – деревья, солнце, снег, снег, снег... сугробы по самое горло ... хоть бы белочка проскакала... И в штанах мокро. Каждое движение царапало ноги замершими изнутри штанами. Минька старался не шевелиться.

Он немного поплакал. Потом ещё поплакал. Но плакать на морозе было неудобно: слёзы – сначала горячие, – быстро замерзали, от чего щипало щёки. Тогда Минька, как смог, вытер лицо изнанкой шкуры и стал думать о баушке, которая спит теперь под горой, в овраге. Он вспомнил, как лежала она на санках, и ноги в обмотках торчали из свёртка и были грязны; как верёвка стягивала ей грудь; припомнился ему и глухой звук санок, катящихся под гору.

Представил он баушку, как поднимается она из сугроба, отряхивается и глядит по сторонам. А глаза её освещены из-

нутри жёлтым. Баушка кричит его, Миньку, тятю, матушку, соседку и, почему-то, остроносого старосту. Не дождавшись ответа, бредёт она прочь по лесу, а снег под её ногами не проваливается и следов не оставляет...

Полуживое солнце повисло на ветвях и поглядывает на баушку из-за деревьев больно и неприятно.

– До-ом-мой! До-ом-мой! – захлёбывается плачем невидимая птица.

«Чтоб тебя, глупая, – обругал её Минька. Потом вспомнил, – А скрип-то, скрип из оврага? Похоже, кто-то колотил топором по железяке... Если это не лиходей, то кто балуется?»

Минька выбрался из шкуры, приподнялся и посмотрел вокруг: ёлки, ёлки, сосны, сугробы, снег... Над тятиной спиной в тулупе клубился малый парок. Между деревьями носились птички, недовольно свистели они вслед саням, на своём языке ругали Миньку.

Молчать и думать не было сил, и Минька попросил:

– Тять! Тять, расскажи!

– Рассказать? – охотно откликнулся тот. – Отчего не рассказать?

– О катаниях!

Тяте, видно, и самому хотелось нарушить лесное безмолвие. Он стал рассказывать охотно. Какие-то слова утаскивал ветер и до Миньки они не долетали. Но ему и не надо было слышать, Минька знал эту историю по памяти – сколько

раз вечерами, когда избу освещала лишь самодельная свеча в баночке, пугали детей этой страшной сказкой!

– Мы верим, – начал тятя, – если человек долго страдает от болезни в старости, то в него вселяются злые духи. После смерти духи вредят живым, могут забрать дитё или ещё кого-го... Отчего не забрать? Утащат! Поэтому важно «помочь» старику умереть до момента, пока его не одолеет болезнь и не сожрет злой дух. Надо старика отвести зимой в лес и скатить с горы в обрыв на санках, и тогда дух его с того света окажется родным: нам с тобой, матушке, сёстрам твоим, всяческую помощь и поддержку. Поэтому и баушку возвращаем в мир, где ей место...

– В мир мёртвых? – Минька знал ответ, но в груди сжалось в предчувствии. Но тятя ответил иначе:

– Мёртвых?... Скорее, в мир живых.

– А бабушка – она какой дух? Злой? – спросил Минька.

– Отчего же злой? Не злой. Мы успели? Успели. Она жива... была. Ты видел, Минька?

Минька кивнул: свёртыш хрипел. Блёклые баушкины глаза – хоть пустые и бесцветные, – двигались и моргали.

– Тятя, а лиходей?... – вспомнил Минька снежный лесной куст-великан.

– Отчего лиходей?

– Лиходей – это тоже чья баушка? Или дедушка? Его не свезли в лес, и он умер в избе?

Тятя что-то пробормотал, но слова унёс ветер. Минька

для себя решил: «Это важно! Позже спрошу».

Он вытянулся под шкурой и подтянулся к краю саней. Стянул зубами рукавицы и сунул их под живот, чтоб не выпали. Еловая ветка сначала не поддавалась, но он подергал так и смяк пальцами, она и отвалилась. Ветка осталась лежать на земле, и чёткий след от обоих полозьев снова тянулся за санями.

Минька на всякий случай позвал:

– Баушка! Ба-уш-ка! Ты добренькая!

Его шёпот и белый пар подхватили снежные завихрения, закрутили, утянули в снежный ворох под полозья саней, и Миньке стало легче.

– Тять, а тять! – закричал Минька. (И как он пропустил столь важное дело!) – Мы санки не забрали!

– Какие санки?

– На которых баушка! Отличные же санки!

– Санки? Чего санки, чтоб их?! зачем?

– А чтоб отвезти вас с матушкой в лес, когда состаритесь! – довольный собой, ответил Минька.

Ничего не ответил тять, только захлопал вожжами, потопливая Каурку. Да та и сама пошла быстрее, почуяв запах дыма и тепла.

Скоро, за холмом и небольшим полем, покажутся крайние деревенские дома.

Николав ехал и думал: «Вот и всё, старуха Матвевна...

Отмучилась. Сейчас уже, небось, в тепле, в больничной капсуле... Вылечат, отчего не вылечить? Срок её вышел, отправят домой. А там жизнь, электричество, интернет... много всякого... Летающие машины, например!»

Николав задумался о том, как на земле продвинулся научный прогресс за те десять лет, как его приговорили к изгнанию. Да что думать?! Он поддал вожжами, будто укоряя лошадь, что она летать не выучилась.

«Как санки скатились, так закрипело. Слышал я скрип-то. Как не слышать? То распахнули люк, чтоб его, старуху Матвевну забрать».

Он живо представил себе, как открылся потайной люк. Вылезли оттуда двое...

Отчего людей? Роботы выехали, специальные сторожевые. Конечно, перво-наперво, ДНК проверили: та ли старуха? Вдруг поддельная? Никому не сбежать... Да и куда бежать? До Земли добраться – космолёт нужен... А вне купола не прожить и десяти минут».

Мысли Николава подпрыгивали вслед за телегой на ухабах:

«Вот и живу... в дикости этой! Всего двух порешил... Ну убил и убил... Так случилось... А присудили пятьдесят лет... Отчего так? Жизнь потому что! Возьмём, случаем, Лександровну... Ей, медсестре в больнице, шутить нравилось. На два десятка людей нашутила... До конца жизни тут... А Матвевна? Что Матвевна? Отчего она здесь? Не го-

ворила, а и не спрашивал. Пришла в избу и осталась... Мы и рады: вместе легче. Вот... тяну ляжку, с такой же каторжанкой... детки рождаются. А зачем рождаются? Здесь что за жизнь... в «свободной» тюрьме, чтоб её... – Николав покосился на Миньку и потупился на мгновенье, как будто хотел доверить сыну некую тайну, потом отвернулся, – Мал еще... После, после...»

Гая Ракович. Бѣрбице

Глава 1

В тазу булькает. Уютный аромат расплывается по маленькой квартире. Снаружи, за натянутой на форточку марлей, беснуется банда ядовито-жѣлтых ос.

– Обожжѣшься, подожди немного. Бѣрбице остынет, на хлеб намажу.

– Я подую, – Ева пододвигает к себе блюдо, приподнимает ложечкой восхитительно пышную, розовую пенку, только что снятую с кипящего варенья. Видит бордовую лужицу – правильная бѣрбице, с сиропом! – Мам, расскажи, как вы меня нашли, много-много лет назад, когда я маленькая была, – ей хочется всего сразу: и лакомится, и слушать историю.

– В сотый раз рассказывать! Ещё не надоело?

Ева дует на пенку, выжидательно смотрит.

– Хорошо, слушай. Мы с папой гуляли по берегу озера.

– Гладкого, как зеркало, – подсказывает Ева, облизывая ложечку.

– Да, как зеркало. По озеру плавали лебеди. Мы бросали кусочки хлеба в воду.

Ева нетерпеливо проговаривает:

– Лебеди подплывали, ели хлеб и вдруг... – замирает в

ожидании самой важной части рассказа.

– И вдруг, мы увидели на спине одного из лебедей маленькую девочку!

– Это была я! – азартно выкрикивает Ева.

– Да. Папа сказал, что всегда мечтал иметь такую маленькую доченьку, завернул тебя в свою рубашку, и мы пошли домой.

– А что спрашивали люди, когда видели меня на руках у папы? – деланно равнодушно интересуется Ева.

– Люди спрашивали, кто эта чудесная малышка, а мы отвечали: «Это наша Евочка».

– С тех пор мы живём долго и счастливо, – заканчивает историю довольная Ева.

Закон двора сурдов – вышел с едой, будь готов дать всем откусить. Через несколько минут от двух ломтей хлеба с бårбице ничего не остаётся. Ни крошки! Липкие пальцы Ева вытирает о платье. Из второго подъезда выходит мальчик с большой долькой арбуза. Дома у Евы, в ванной, лежит полосатый великан, но его разрежут, когда придет папа. Девочка бежит вместе со всеми пробовать сочную сахарную мякоть – чужое всегда вкуснее.

У нарисованных на асфальте классиков очередь. Ева последняя, потому что самая маленькая, зато у неё свой гладкий плоский камушек, только что найденный под скамейкой. Второклассница Катя Бодренкова – взрослая девочка

– просит его поиграть. Ева, не подозревая о людском коварстве, отдаёт, садится на корточки, терпеливо ждёт, когда все отпрыгают. Гладко скользит по асфальту одолженный камень, точно попадая в клетки с цифрами, – Катя ни разу не заронилась. У других девочек свои камушки. Мелькают острые коленки с кругляшами зелёнки; разводы грязи и цыпки на щиколотках – игра в самом разгаре.

Подходит очередь Евы. Катя не хочет возвращать камень.

– Я всё маме расскажу, – грозит, покрасневшая от обиды и возмущения, Ева

– А чё ты свою бабушку мамой называешь? – зло спрашивает высокая худая Катя, надвигаясь на маленькую пухляшку Еву. – Она тебе не мать, а бабушка! БАБКА!

Все замирают с открытыми ртами. Ева видит, что на неё кричит не девочка Катя, а большая крыса:

– Твоя мать тебя бросила. Бросил-а-а. Ты брошенка, брошенка! – исступлённо визжит крыса вслед убегающей Еве.

Сколько ступеней до четвёртого этажа? Не сосчитать! Злые слёзы душат. Каждый вдох, как через мелкую тёрку с зубчиками. Стены кривятся, перила-змеи извиваются, двери стекляшками глазков рассматривают хрипящую, ползущую по бесконечной лестнице девочку. Подъезд злорадно шипит: «Брош-шенка» ... Ева хлопает ладошкой по своей двери – стучать нет сил.

Рассказ о маме-кукушке, бросившей девятимесячную Еву, ради какого-то дяденьки; о том, как папа попросил бабушку оставить дочку у себя, а сам уехал строить новую жизнь, звучит, как неинтересная сказка – послушала и забыла. Уткнувшись лицом в бабушкины колени, Ева вдыхает запах кухонного фартука – запах родного дома. Больше всего волнует вопрос «А лебеди на пруду были?» Хорошо подумав, она решает, что были, а мама появилась позже, и улетела, потому что кукушка. Ева представляет, как тётенька без лица стоит на перилах балкона, взмахивает руками-крыльями, шумно взмывает вверх, и удаляется, уменьшаясь, пока совсем не исчезает в небе. Поёжившись, спрашивает:

– А как мне теперь тебя называть?

Бабушка смотрит в сторону, делает вид, что ей всё равно:

– Называй, как хочешь.

– Я буду, как всегда, звать тебя мамой, потому-что человеку нужно кого-то так называть, – серьёзно говорит Ева и щурится, когда бабушка-мама целует её в лоб.

Глава 2

Две трели дверного звонка разрезали мирную тишину квартиры. Гость приехал, как всегда, ожидаемо-неожиданно и, когда ему открыли, бодро выкрикнул:

– Здравствуйте, мои дорогие, вот и я!

– Наконец-то! Третий месяц ни слуху ни духу. Заждались мы тебя, – мать потянулась к обожаемому сыну, – Ева, ну

что же ты стоишь? Иди, обними папу.

После обеда рассматривали фотографии братика Евы. Мать умильно улыбалась, разглядывая новорожденного внука. Сын с горящими глазами описывал хлопоты с младенцем, переезд на новую квартиру. Вдруг замешкался, потупился, протянул смятую купюру:

– Мам, прости, могу только пятёрку дать. Я уже и в кассе взаимопомощи брал, и аванс выписал – это всё, что есть.

Мать возмутилась:

– Ева в этом году в первый класс идёт. Мне её собрать для учёбы надо: форма, портфель, учебники с тетрадями. Моей пенсии на всё не хватает.

– Не понял, она ведь ещё в детский сад ходит! – искренне удивился сын.

– Наверное, ты забыл, что девочка уже в четыре года читала, писала и знала счёт до ста.

– Помню, конечно, – оскорбился сын, – моя дочь – умный ребёнок!

– Вот поэтому, воспитатель предложила не отправлять её в подготовительную группу, а сразу определить в школу. Я уже с директором разговаривала, он согласен. В сентябре Ева пойдёт учиться с детьми на год старше.

Сын тяжело вздохнул:

– Хорошо, постараюсь ещё рублей двадцать занять. Пришлю переводом.

– Мог бы и чаще навещать. Всего час езды. Девочка на

тебя, как на чужого смотрит. О-ох, забыла! На днях дочка Бодренковых с третьего этажа сказала Еве, что...

Еву всегда обсуждали в её же присутствии, полагая, что она слишком мала, и сказанное не поймёт, а зря...

Девочка не чувствовала особого восторга от редких отцовских визитов. Она больше радовалась за счастливую маму, как теперь выяснилось – бабушку, искренне любящую и скучающую по единственному сыну. Еве нравилось приходиться в гости к подружке Свете, потому что у Светы был весёлый папа. Дядя Толик всегда шутил, играл с девочками в прятки, рассказывал интересные истории. В семье подружки было так хорошо, что иногда Ева мечтала остаться у них второй дочкой.

Пока взрослые общались на кухне, она ушла в гостиную, прихватив одну из фотографий маленького брата. Уютно уютившись на диване, вглядывалась в припухшее лицо младенца. На кого он похож? На папу и... на свою маму – рыжеволосую тётеньку с длинным носом и колючими глазами. Ева хорошо помнила, как папа приехал с **НОВОЙ ЖЕНОЙ**. Знакомиться.

Пили чай, разрезали и разложили по тарелкам торт из высокой круглой коробки. Ева не прислушивалась к разговорам. Восхищённо разглядывая большую, почти настоящую, кремовую розу, девочка представила себя принцессой светлого воздушного замка. Вот она сидит во главе длинного сто-

ла, уставленного красивыми вкусами к чаю. Тут же все подружки и их родители – они пришли поздравить её с днём рождения... Ева не заметила, как кусочек за кусочком съела и розу, и кремовые листья, и половину нежного бисквита.

– Посмотри, с какой жадностью ребёнок ест торт! – не стесняясь, что её услышат, заметила папе **НОВАЯ ЖЕНА**.

– Ешь, солнышко, ешь, – глупо улыбающийся папа, погладил Еву по плечу.

Бабушка посерела лицом, сказала, будто проскрипела, сухими губами:

– У меня нет средств на подобные излишества. Девочка первый раз увидела такой большой, праздничный торт, вот и не удержалась, – строго посмотрев на внучку, отодвинула тарелку, – Больше не ешь! Крем жирный, живот разболеется.

Ещё не начавшиеся отношения были испорчены раз и навсегда. С тех пор бабушка старалась не упоминать имя **НОВОЙ ЖЕНЫ**, делая вид, что не знает его. В жизнь Евы вошло, известное по сказкам, слово «мачеха», которое также старались вслух не произносить.

– Доча, а поехали ко мне в гости на пару деньков? – предложил вдруг папа.

Из-за его спины показалась нахмурившаяся бабушка:

– Что ты придумал? Я категорически против! У вас младенец, требующий внимания, а ты ещё Еву привезёшь. Сам-то уйдёшь на работу – завтра понедельник. Девочка будет

сидеть с чужой женщиной в четырёх стенах?

– Не с чужой, а с моей женой и со своим младшим братом. Постараюсь отгул взять, свожу дочку в Луна-Парк. Отец я или нет? Имею право!

Взрослые препирались, а у Евы, где-то между животом и спиной, чувство страха перед первой поездкой в город и встречей с мачехой воевало с радостным ожиданием похода в волшебное место.

Во дворе дети рассказывали об аттракционах, хвастались жвачкой «Пёдро», самым близким друзьям давали пожевать с возвратом. Еве, как-то раз, даже разрешили понюхать фантик с человечком в сомбреро.

Бой выиграло чувство радостного ожидания. От волнения пересохло в горле. Девочка хрипло спросила:

– Пап, а мы на озеро с лебедями ходим? Ну, туда, где вы меня нашли.

– Какие лебеди? – не понял папа, но под выразительным взглядом бабушки опомнился, – Да, конечно, озеро с лебедями. Мы покатаемся там на лодке.

– Не нравится мне твоя идея с поездкой, – покачала головой бабушка, – надеюсь, что всё пройдёт благополучно. О-ох, ладно... надо собрать сумку... одежду на смену... возьми с собой несколько банок варенья, вряд ли вы варите...

– Не надо, мам. Не хватало ещё объедать вас.

– Возьми, возьми. Я много наготовила и ещё буду. Ты же знаешь, я помогаю людям официальные бумаги состав-

лять. Деньги не беру, так они несут ягоды, картошку, яйца. И это брать неудобно, но они обижаются, если отказываюсь. Помнишь Галю Файзуллину? Она сегодня ведро крыжовника принесёт – я ей объяснила, как на алименты подать, заявление написала, а Галя за эту безделицу и клубнику, и вишню... в этом году богатый урожай на ягоды... – бабушка всё говорила и говорила, складывая внучкину одежду, перекладывая газетами банки с вареньем. Руки тряслись от волнения за ребёнка, впервые покидающего дом.

Посидели на дорожку, помолчали.

– Сумку обязательно верни, не забудь – она у меня самая крепкая, – уже на лестничной площадке напомнила бабушка, – Не вздумай кормить ребёнка мороженым! У неё хронический тонзиллит, но ведь ты об этом не помнишь...

– Куплю трубочки с кремом, – отмахнулся папа, – там, в киоске, на входе в парк, самые вкусные трубочки продают.

Автобус ехал в большой город, в столицу. Сумку засунули под сидение. Папа встретил старого друга, и разговаривал с ним всю дорогу. За окном, как кадры диафильма, мелькали деревья, поля, дома. То, что было на земле, убегало назад, лишь небо и солнце оставались на месте. Ева шурилась и улыбалась, представляя себя на яркой музыкальной карусели с лошаадками – видела такую фильме-сказке; как расскажет обо всём подружке Свете, и, обязательно, подарит ей жвачку «Пёдро».

Глава 3

– Зачем ты её привёз?

– Как зачем? Свожу ребёнка в Луна-Парк. Представляешь, она, умница, в этом году уже в школу пойдёт, а ничего, кроме детского сада и двора у дома не видела.

– Мы договаривались, что она будет жить с твоей матерью, а сам привозишь её, когда вздумается; а я с маленьким сыном, между прочим, твоим сыном тоже; а ты завтра на работу уйдёшь, и что мне с нею делать? И где ты деньги на аттракционы возьмёшь? От родного сына оторвёшь, пойдёшь проматывать на каруселях?

– Деньги на работе займу, попрошу отгул на вторник, а с Евой ничего не надо делать – телевизор посмотрит, на улице поиграет. Живём-то на первом этаже – приглядывай из окна, и хватит.

– Ну да, мне ведь больше делать нечего, только и осталось, что у окна весь день стоять. А деньги ты уже назанимал. Долги раздашь, на что жить будем? Господи, за что мне всё это?!

– Прекрати истерику! Проживём, не в первый раз без копейки остаёмся. Ева мне такой же ребёнок. Ты надеялась, что моя дочь вообще никогда у нас появляться не будет, да? А если мать умрёт, как ты думаешь, где и на что будет жить Ева?

– Вот, у Ивановых, Люда сказала Алексею отдать сына от первого брака в детдом, и он, как миленький, отдал. И ничего, всё у них хорошо, дочь воспитывают.

– Моя Ева в детском доме не будет! Я лучше с тобой раз...

Заплакал, проснувшийся от криков, малыш. Оба побежали к кроватке.

Ева вжалась в самый тёмный угол прихожей. Опять при ней говорили о ней! Пока папа и мачеха ругались, Ева мечтала исчезнуть. Пыф... и нет её. Накрыла тоска по родному дому, старенькой маме-бабушке, классикам на асфальте у подъезда. Девочка ещё не знала, как называется это чувство, просто представилось, что по голове и лицу провели заско-рузлой пыльной тряпкой.

Папа затащил упирающуюся дочку в комнату.

– Не бери в голову, солнышко. Она хорошая, просто устала, потому что маленький не даёт спать. Пойдём, я покормлю тебя.

У Евы онемело под подбородком, стало тяжело дышать. С трудом удалось сказать:

– Е-есть не хочу... домой хочу... не надо парк... не надо озеро... домой... – наконец, то, что застряло в горле надорвалось, выплеснулось из глаз, полилось солёными ручьями по лицу, намочило цветочки на платье.

Папа просил прощения, обнимал, обещал, что всё наладится. Расписывал чудеса Луна-Парка. Ева, вдоволь наплакавшись, уснула. Она спала так крепко, что не слышала разговора взрослых, надрывного рёва маленького брата. Проснулась утром, когда папа уже ушёл на работу.

Мачеха разговаривала с Евой, как с маленькой дурочкой – это раздражало. Девочка стойко ела манную кашу с комками,

стараясь не смотреть в холодные глаза суетящейся на кухне женщины. Обе понимали, что нужно только день простоять, да ночь продержаться.

Малыш, накричавшись за ночь, почти весь день спал, просыпаясь, чтобы поесть и похныкать. Ева осторожно потрогала маленький, крепко сжатый кулачок.

– Не трогай, а то сломаешь ему что-нибудь! – мачеха подскочила к кроватке, – Иди, телевизор посмотри. Новый музыкальный фильм про Красную Шапочку скоро начнётся, только звук потише сделай, или на улице погуляй, но далеко не уходи – мне тебя искать некогда.

– А у вас какие книги есть? – спросила Ева, рассудив, что смотреть телевизор с убавленным звуком или играть в чужом дворе не очень-то хочется.

Мачеха задумалась, посмотрела на пятилетнюю Еву и дала ей несколько журналов «Вокруг света»:

– Вот, полистай. Там и картинки есть, и почитать можно. Что-нибудь, да поймёшь.

Какой скучный день! Поужинав с вернувшимся с работы папой, Ева сразу же ушла спать. Укрывшись одеялом с головой, загибала пальцы – подсчитывала часы, оставшиеся до утра, до встречи с чудесным парком – получилось много... Малыш плакал. Раз-овечка, два-овечка... Кудрявые овечки одна за другой перепрыгивали через заборчик. На двадцатой уставшая Ева провалилась в тёмную пустоту.

Луна-Парк навалился яркими красками и разноголосьем, восхитив и напугав одновременно. Попытка папы нести дочку на плечах чуть не закончилась падением обоих. Ева не смогла удержаться, не знала за что схватиться – волосы на отцовской голове короткие, уши маленькие, да и сама Ева уже не малышка, всё-таки пять лет. Решили просто идти рядом. Она крепко держалась за руку отца и, конечно же, верила в его надёжность, но все-таки боялась остаться одна в этом ужасно-прекрасном ином мире.

Выстояв в очередях, накатались на Ромашке-вертушке, на Драконе, ездившем по кругу. Папа смеялся, как ребёнок, крутя руль маленькой красной машины без колёс, и мягко врезался в другую такую же, но синюю машину с улыбающимися дяденькой и мальчиком. В комнате смеха, в пыльных волнистых зеркалах Ева видела чужую кривую фигуру, и.. было не смешно. В комнату страха идти отказалась. Во дворе один мальчик рассказывал, что он знал другого мальчика, который вошёл в эту комнату и не вышел оттуда – его съел скелет! На карусель с лебедями Ева шла, сжав зубы – весь мир крутился, звенел, кричал, толкался. Она устала, хотела в туалет, пить, есть, а потом лечь и уснуть... дома, там, где мама-бабушка в фартуке, где пахнет вареньем, и на блюде остывает бårбице.

– Идём в кафетерий, он рядом с озером, – предложил папа, когда, покачиваясь, они вышли из аттракциона с кабинками-птицами, – перекусим и на лодке покатаемся.

У Евы открылось второе дыхание – она увидит то место, где много-много лет назад её нашли!

Лебеди на озере давно не жили – об этом узнали от старика с удочкой. На воротах пункта проката лодок висел большой замок. В кафетерии продавали ненавистный берёзовый сок, лимонад «Буратино», холодные беляши и бутерброды с подсохшим сыром. Выбор был очевиден. Сбив сладкой газировкой беляшное послевкусие, пошли к туалету на заднем дворе. Критически осмотрев исписанное ругательствами здание, приняхавшись, папа поморщился и показал на кусты:

– Иди, сходи туда. Не бойся, я рядом, буду караулить.

– Может, я потерплю... до дома? – неуверенно спросила, привыкшая к унитазу Ева. Фантазия рисовала ужасы, но всё обошлось – змеи, кусающие за пòпу, ползали в других местах.

В полупустом домике с кегельбаном Ева лежала на двух составленных стульях и сонно наблюдала за играющим папой. Раз за разом сбивались все кегли, папа радостно кричал. Было немного стыдно за его поведение. Хорошо, что на этом аттракционе мало людей.

Стыд и дремота улетучились, когда папа получил призы – жвачки и пакетики с растворимым соком. Говорят, что от этого сока язык цветной делается! Все тяготы прошедших дней забылись – с таким богатством можно стать непоследним человеком во дворе! Ева нежадная – целую жвачку и

пакетик подарит Свете, а остальное разделит между самыми хорошими девочками из их двора, только крысе Катьке Бодренковой ничего не даст.

Глава 4

– Солнышко, загулялись мы с тобой, идём быстрее. Мне тебя нужно отвести домой и успеть до темна вернуться назад, – папа быстро шёл к выходу из парка, таща за руку запыхавшуюся Еву, – О, наш автобус, побежали!

– А трубочка? – Ева вырвала руку из отцовской ладони и остановилась.

– Какая трубочка? – папа с досадой оглянулся на автобус, подъехавший к остановке.

– С кремом. Ты сам сказал, что вместо мороженого купишь трубочку с кремом. В киоске у входа в парк.

Папа осмотрелся. У всех киосков змеились очереди.

– Ты представляешь, сколько мы здесь простоим? Нам ещё на двух автобусах добираться.

– Ты обещал! – насупив брови, Ева топнула, сложила руки на груди показывая, что никуда не пойдёт.

Подходили к заполненной людьми остановке. Разглядывая трубочку, Ева раздумывала, с какого края откусить – с того, что пустой или с того, где виден крем? Под ноги не смотрела – папа вёл её, держа за руку.

Ш-ших, ш-шух, пу-ух – подкатил автобус. Народ побежал к нему так, будто это был последний шанс уехать. Ринулись

лавиной, сметающей на пути любые преграды. Папа стал частью толпы, понёсся вместе со всеми, резко потянув за собой Еву. Трубочка выпрыгнула из руки, перевернулась в воздухе и упала на заплёванный асфальт...

Время почти остановилось, исчезли все звуки, кроме стука сердца. Еву втягивало в толпу, засасывало в автобус, а она видела волшебным зрением, как под чьим-то грязным башмаком сминается хрустящая вафля, расплзается белый крем, смешиваясь с окурками и подсолнечной шелухой...

– Ева, не спи, держись за меня! Раздавят! – закричал папа, стиснутый со всех сторон в переполненном галдящем автобусе. Двери с трудом закрылись, людская масса качнулась и облегчённо выдохнула. Поехали!

Всю дорогу девочка простояла, вцепившись в брючный ремень отца. Из головы не выходила раздавленная трубочка. Не потому, что не попробовала, нет. Казалось, что тот башмак наступил на саму Еву, вернее, на то хорошее, что у неё внутри, на то, что плачет и смеётся, любит и злится. Если бы девочка была старше, то назвала бы это душой.

На автостанции папа нервничал, ходил туда-сюда по платформе, попросил у проходящего мимо дяденьки сигарету, закурил. Автобус в посёлок поедет нескоро. Ждать целых тридцать минут! Дорога туда и обратно возьмёт ещё часа три. Дома ждут жена и сын, будет скандал.

Ева, чувствуя себя виноватой, тихо сидела на скамейке,

рассматривая цветочки на своём помятом, изрядно замызганном платье. Рядом кто-то присел.

– Евочка, – позвал женский голос, – что ты здесь делаешь?

На девочку внимательно смотрела соседка со второго этажа, тётя Люба. У её ног стояла сумка с городскими продуктами – выглядывали куриные лапы и несколько тёмно-коричневых палок колбасы.

– Я с папой, мы были в Луна-Парке, – ответила Ева и показала в ту сторону, где нервно курил отец.

– Любочка, я тебе так благодарен! Ты не представляешь, как выручила меня! – папа, светясь от радости, протянул соседке матери свой билет. Обнял Еву, ещё раз повторил:

– Солнышко, от тётки Любы ни на шаг не отходи. В автобусе сиди рядом, в посёлке держи за руку, пока не дойдёшь до подъезда. Я поеду, ладно? Мне спешить надо.

Папа махнул рукой, побежал к остановке городского автобуса и вскоре уехал. Жвачки «Педро» и пакетики с растворимым соком, от которого язык становится цветным, остались в кармане отцовских брюк.

Бабушка схватилась за сердце, когда на пороге появились Люба с Евой. Женщины о чём-то зашептались. Ева пошла обходить квартиру – рассматривала новым взглядом путешественника родные стены, вдыхала знакомые запахи. Нет, ничего не изменилось. Как хорошо быть дома!

– Что же они тебя даже не переодели, я ведь вещи давала. Ты хоть умывалась эти дни, что жила там? – допытывалась бабушка, – Тебя ЭТА не обижала?

Ева пожала плечами. Может умывалась, а может и нет. Не запомнила. Про обиды рассказывать не захотела.

– Варенье понравилось? Сумку всё-таки забыл вернуть. Как жалко! – бабушка чуть не плакала от досады.

– Не было варенья, – вспомнила Ева, – мы сумку в автобусе забыли, под сиденьем, – ещё подумала, кивнула своим мыслям, – Да, точно, папа друга встретил, всё время разговаривал с ним, когда в город приехали, из автобуса вышли, сумку не взяли.

– Приедет, я ему задам перца, – злорадно ухмыльнулась бабушка, и, наконец-то, спросила, – В Луна-Парке понравилось? Стоила овчинка выделки?

Ева пожала плечами:

– Папе понравилось.

Старая женщина и маленькая девочка рассмеялись.

– Пойду ванну приготовлю, отмыть тебя надо. Потом поешь. На сытый желудок купаться нельзя.

Бабушка вышла из комнаты. Ева взяла со стола одну из привезённых папой фотографий. В коробке со швейными принадлежностями хранились маленькие ножнички с острыми кончиками. Младенцу на снимке девочка проткнула глаза. Теперь маленький брат смотрел на неё рваными дырами – это было так жутко, что Ева порвала фото на мелкие кусоч-

ки, прокралась мимо ванной комнаты на кухню, выбросила в помойное ведро под раковиной.

Глава 5

Искупанная Ева ужинает. Обычно, в такое время она уже спит, но сегодня особенный случай – день возвращения домой.

Бабушка стоит у плиты, снимает пенку с варенья.

– Мам, а ты когда умрёшь? – обращается Ева к бабушкиной спине.

Плечи старой женщины напрягаются, не поворачивая головы, она отвечает:

– Никто не знает, когда умрёт. А почему ты спрашиваешь?

– Если ты умрёшь, то меня в детский дом отдадут, как Ивановы.

– Кто такие Ивановы, при чём тут детский дом, и, вообще, откуда у тебя эти мысли? – бабушка уже стоит рядом, пылливо вглядываясь в лицо внучки.

Ева по-взрослому вздыхает, и, явно подражая, рассказывает о том, как неизвестная Люда Иванова приказала своему мужу отдать в детдом сына, у которого нет мамы:

– ...и он, как миленький, отдал, и теперь они счастливо живут без этого сына, потому что у них есть своя любимая дочка. Понимаешь?

Бабушка молчит, бледнеет. Ева продолжает:

– Если ты умрёшь, то папа тоже, как миленький, отдаст меня в детдом, потому что у них, – показывает рукой в сто-

рону окна, подразумевая город и, живущих там папу с мачехой, – теперь есть свой любимый сын.

Бабушка надвигается на Еву и сурово, как взрослой, громко говорит, чётко выговаривая каждое слово:

– Запомни раз и навсегда – я не умру, пока ты не вырастешь. Ты н-и-к-о-г-д-а не будешь в детском доме, и больше н-и-к-о-г-д-а не поедешь к папе. Я сама тебя буду возить в цирк, в парк, в театр. У меня есть знакомая в городе, если что, то будем ночевать у неё. И чтобы больше таких разговоров не было! Поняла?

Довольная Ева кивает – она услышала, что хотела. Мир восстановлен.

– Вот, свежую бårбице попробуй с чаем, – бабушка ставит блюдце на стол.

– А почему она белая? – Ева дует на пенку.

– Потому что с крыжовенного варенья.

– А почему ты называешь пенку бårбице? – вспоминает Ева, давно мучающий её вопрос, – Мама Светы тоже варенье варила. Я сказала, что люблю бårбице, а она удивилась, что не знает такого слова.

Бабушка пожимает плечами:

– Так говорила моя мама. Наверное, это какое-то местное слово. Я тоже никогда не слышала, чтобы кто-то так называл пенку от варенья...

Ева хлопает в ладоши:

– А мы называем! Это наше, только наше домашнее слово

Б-А-Р-Б-И-Ц-Е.

Красильников Максим.

Забытое письмо

Когда Рома разбирал вещи и раскладывал их в комод, нашёл в нижнем ящике конверт. Старый, самодельный. Бумага уже пожелтела от времени. На конверте надпись «Открыть через десять лет» и дата «14.05.2004»

– Что это? – Вика выглянула из-за спины Ромы.

– Какое-то старое письмо, – Рома положил письмо обратно в комод.

– Не хочешь прочесть?

– Не сейчас. Давай вечером.

– Да ладно тебе, а вдруг там наследство или письмо о всемирном заговоре? – Вика взяла письмо и стала медленно вскрывать.

– Нет там никаких тайн и наследств, – Рома попытался отобрать письмо, но Вику это только раззадорило. Она смотрела на Рому с улыбкой, в то время как никчёмные попытки Ромы отобрать письмо всё с большим треском проваливались. Рома потянулся за письмом, Вика убрала руку за спину. Он за спину, она вверх, он подпрыгнул. Так продолжалось некоторое время, пока Роме не надоело, и он сказал:

– Ладно, вскрывай.

Вика даже завизжала от радости.

– Вот всегда ты так. Пользуешься тем, что я ниже тебя? – Рома сел на диван и потянул Вику к себе. Она вскрыла конверт и достала несколько листов бумаги и села рядом. – Ну что там?

Вика начала зачитывать письмо:

«Привет. Если ты читаешь это письмо, то возможно, уже прошло десять лет и ты не забыл о нем. А может, забыл и случайно нашёл. Но в любом случае это хорошо. Да, кстати, как твои дела? У меня сейчас всё хорошо. Вчера вернулся домой и вроде всё тихо. Ты наверно спросишь, откуда я вернулся, но начну по порядку».

II

Два дня назад, вернувшись со школы, дома ещё никого не было, я бросил рюкзак в комнате, пообедал и пошёл делать уроки. Отец вернулся с работы пьяный. Не обращая ни на что внимания, он завалился на кровать и тут же уснул. Этой картины было достаточно, чтобы понять, что вечером опять будет скандал. Сейчас отец проспится, сходит в магазин, купит ещё одну бутылку водки, а если денег не хватит, то зайдёт в аптеку, возьмёт боярышник, дома разбавит и опять напётся. А там уже и мама придёт с работы. Чтобы не застать ссоры, я сел делать уроки. Как назло, задали очень много, а с моим желанием закончить побыстрее и пойти гулять, я ещё три раза всё переписывал из-за ошибок и не успел вовремя. Домой вернулась мама.

Отец ещё спал. Время подходило к семи часам, и я знал,

что уже не смогу пойти на улицу. Я принёс домашнее задание маме на проверку, так как я был на контроле. После звонка учителя за несделанные уроки меня наказали и лишили просмотра мультиков и видео игр.

Отец проснулся поздно, когда мы с мамой уже планировали ложиться спать. Мы спим вместе. Не потому, что я боюсь спать один, а потому что мама не хочет спать с отцом и с его вечным перегаром, так мне мама сказала. А мне нравится. Мама меня нежно обнимает и прижимает к себе. В эти моменты я чувствую себя в безопасности.

На следующий день я ушёл в школу раньше мамы. По пятницам у меня проходил дополнительный урок по русскому языку. Ну как урок, учитель выделяла двадцать минут на меня, чтобы понять, насколько я продвинулся вперёд. На самом же деле мне так кажется, что это всего лишь ещё один контроль надо мной. Пришёл ли я в школу или опять прогуливаю.

В начале этого года я сдружился с Саней. Он же научил меня курить.

«Почувствуй себя взрослым» – говорил он мне. После мы стали прогуливать некоторые уроки, а потом и вовсе не приходило в школу, после чего нас поставили на учёт. Я перестал делать домашку да и вовсе с хороших оценок скатился до троек и двоек. Поначалу я во всём винил родителей, из-за их непонимания, пьянок и скандалов.

Учебный день закончился, и я побежал домой. Хотелось

быстро сделать уроки и пойти гулять. Погода на улице была замечательная, майская. Можно уже и на речку сходить.

Когда я поднялся на четвёртый этаж, дверь в квартиру была открыта настежь. Я вошёл в прихожую. Тихо. Бросил рюкзак около вешалки и не разувшись, прошёл в комнату. На диване сидела мама. Она плакала. Я хотел спросить, что произошло, но с балкона вышел отец. На его лице виднелись свежие царапины и я понял – была очередная драка. Мои глаза наполнились слезами, и я выбежал из квартиры. Выбежал из подъезда. Пробежал мимо футбольной коробки, мимо школы, дальше через дорогу, а потом к старому заброшенному, двухэтажному зданию. Мы там часто гуляли, и я думал, может, кто там есть. Мне хотелось с кем-то поделиться, рассказать, что произошло, пожаловаться на свою жизнь.

Когда я поднялся по бетонной лестнице на крышу, там сидел Саня. Рюкзак на плечах, белая футболка, синие джинсы и дым. Он сидел и курил. Я подошёл ближе и увидел, что у его ног лежит маленький щенок. Он поднял свою коричневую мордашку, и весело завилял хвостом. Я взял щенка на руки, прижал к себе, а щенок лизнул меня в щеку. Мне стало так спокойно, я уже и забыл о произошедшем дома. Щенок продолжал лизать мою щеку, отчего я засмеялся. Саня же сидел хмурый и о чём-то думал. Он смотрел в одну точку, сигарета в его руке медленно тлела, пока не обожгла ему пальцы.

– Сань, ты где такую прелесть нашёл?

Саня продолжал сидеть молча. Я подошёл поближе и легонько дёрнул его за плечо. Он повернулся. Под левым глазом фингал, под носом запёкшаяся кровь.

– Кто тебя так?

– Да с Ванькой сегодня сцепился, – он достал из кармана сигарету и закурил. В подробности даваться я не стал, да и не хотел, мне своих проблем хватало. Саня встал с места и подошёл ко мне, взял щенка и прижал к себе.

– Так где ты нашёл этого малыша?

– Малыш... Классное имя. Да здесь гулял. Когда я пришёл, сперва спустился в подвал. Какой-то шум доносился, я думал там Тёма с друзьями, а оказалось вот, – Саня кивнул на щенка. Я стоял и гладил Малыша, а потом предложил:

– Слушай, пойдём на озеро, тебе всё равно умыться надо. Да и жара вон какая стоит.

– Пойдём, может кто из наших там ещё есть.

Мы спустились с крыши, вышли на улицу и пошли мимо частного сектора. Малыш сперва не пошел. Я его то и дело звал и наконец он увязался за нами.

До озера идти довольно далеко. Мимо новой школы, рынка, где зачастую Саня воровал разные мелкие брелки, сигареты. Они находились в таких маленьких коробках, и когда люди толпились, он незаметно брал и клал себе в карман. Саня ещё это называл заимствованием. Но я-то знал, что он ворует.

От рынка шла дорожка до заправки. От неё, если повер-

нуть налево, то будет длинная дорога мимо гаражей и вела она в лес, за которым было озеро и деревня.

Когда мы пришли, на пляже никого не было. Только где тарзанка, рядом с оврагом на другой стороне озёра, купались деревенские ребята. Туда мы не ходим. Глубоко и много битого стекла. Как-то раз я себе там ногу поранил, да так сильно, что обычным подорожником, дело не обошлось, и Тёма порвал свою футболку, чтобы перевязать мне рану.

– Кто первый? – Саня бросил рюкзак рядом с кустом и начал раздеваться. Футболку и джинсы он бросил на рюкзак, обувь поставил рядом. Я же всё повесил на куст, кроссовки поставил рядом с рюкзаком. Малыш бегал рядом.

Мы встали на берегу. Саня сделал шаг в воду и тут же вышел.

– Холодная!

– Да ладно тебе, – я сделал шаг в воду. И правда, холодная. Я шёл в глубь озера, постепенно привыкая к воде. Когда вода была мне по пояс, я нырнул.

– Давай сюда, вода как парное молоко, – крикнул я Сане, а сам стоял и пытался унять дрожь.

Саня сделал шаг в воду и медленно пошёл ко мне. После пары нырков мы вылезли. Губы синие, тело покрылось мурашками. Саня принялся разводиться костёр. Он наломал палок от кустов, я же нашёл сухие палки и приволок их. Когда костёр был готов, мы сели около него уже одетые и постепенно согревались. Малыш лежал рядом.

Саня сидел молча и смотрел, как горит огонь. Когда огонь затихал, я ходил за новыми палками и подкидывал их в огонь. Неподалёку лежала сломанная ветка. Длинная и тяжёлая. Я попытался её приподнять, но ничего не вышло.

– Сань, давай притащим вон ту ветку, а то я уже устал постоянно бегать за палками.

И мы с Саней притащили её. Эта ветка больше походила на маленькое дерево. Ветка, а на ней ещё много-много веток.

Так, за за костром мы просидели до самого вечера. Солнце уже заходило и нужно было возвращаться домой.

– Ну что пойдём? – предложил я.

– Давай ещё чу – чуть посидим. Я ещё не до конца высух, – Саня вытянул руки над костром. Мы сидели так, пока костёр совсем не потух и не остались одни рыжие угольки. Солнце почти зашло, а угли были такими яркими, что я не мог оторвать глаз.

– Слушай, а может, не пойдём домой? – Саня лёг на спину и уставился в небо. – Всё равно сейчас приду и получу по шее, что домой не пришёл, за драку. Сто процентов даю, что мама Вовки уже позвонила моим родителям и пожаловалась. А? – он перевернулся набок, – зато представь, в школу не надо, сами по себе, как в мультике про кота, помнишь?

Я кивнул.

– Да, где-то жить нужно, можно сделать шалаш из подвала, той заброшки. Кстати, там и раскладушки есть, Тёма принёс, кресло старое, они даже диван хотели принести и

сделать что-то вроде комнаты. Мыться? Мыться можно и в озере. Еда, ну поклянчим денежек, нам не впервой. Ну так что? – Саня смотрел на меня, а его глаза блестели от идеи побега. Я же сидел и видел резонный выход от своих домашних проблем. Да и тем более мама всегда на работе, а отцу важна только водка. Тем более, он сам говорил:

«Единственное счастье – это полный стакан водки и томатного сока».

Взвесив все за и против, я сказал:

– Я согласен.

– Вот тогда и торопиться некуда, – ответил Саня и перевернулся на спину. Я лёг рядом, а Малыш положил голову мне на руку.

Когда совсем стемнело и погасли угли, мы начали собираться. Ветер усилился и пробирал до самых костей. Малыш прижимался ко мне всё сильнее, и я чувствовал как он дрожит. Хоть от углей и шло тепло, но его было недостаточно чтобы мы согрелись. Саня взял рюкзак и мы направились обратно к заброшке. Пока мы шли, Саня достал мобильник, вытащил симку и выкинул.

– Зачем ты это сделал?

– Чтобы ни дозвонились, – Саня включил фонарь. Я достал свой телефон и последовал примеру. Мобильник я всегда держал на беззвучном. Есть у нас в школе любители звонить во время уроков и меня неоднократно за это наказывали. Когда я включил телефон, то увидел несколько пропу-

ценных звонков от мамы. Но уже было поздно. Симка валялась где-то в кустах, а мы шли в новую жизнь. Без забот, родителей и школы.

Когда мы пришли на заброшку, то сразу спустились в подвал. Саня осветил место телефоном. На полу валялись тряпки, ими мы завесили дыры, похожие на окна. У стены стояли две раскладушки и ещё два кресла. Рыжие, потёртые и в дырах. Из одного пружины торчали. Мы легли на раскладушки. Запах сырости и плесени ударил в нос, отчего я лёг на спину. Лучше не стало. Саня же лежал на животе и смотрел в телефон.

– Я оставляю фонарь на всякий случай.

Я кивнул, но он этого не увидел.

В сон я провалился довольно быстро, помню только как Саня разбудил меня. Он стоял рядом с раскладушкой, и от неожиданности я вздрогнул.

– Ром, пойдём в какой-нибудь подъезд, а то собаки воют и холодно.

– Угу, – единственное что я смог ответить и медленно поднялся.

Мы вышли на улицу. Ничего не видно, темно и фонари не работают. Саня первым делом побежал к ближайшему дому, а я медленно брёл по улице и зевал. Рядом со мной шёл Малыш.

– Нашёл, – крикнул Саня. Он стоял возле подъезда с открытой дверью и махал рукой.

– Ты чего орёшь, люди спят.

– Ты знал что ключи от домофона могут подходить не только к твоему подъезду?

Я помотал головой.

– Я слышал про это и всё же решил проверить, – Саня расплылся в улыбке.

– Пойдём уже. Спать охота, – мы вошли в подъезд.

Яркий свет ослеплял. Мы поднялись на лестничную площадку между первым и вторым этажом. Я сел на лестницу, положил голову на колени и провалился в сон.

Проснулся я, когда солнце уже светило в подъездное окно. Рядом, прижавшись к моей ноге, спал Малыш, Сани не было. Я поднялся, щенок проснулся. Мы вышли на улицу, дошли до заброшки, спустились в подвал. Там Саня спал. Развалившись на кресле, нога на подлокотнике, в руках рюкзак. Я подошёл ближе и дёрнул его за плечо. Саня вздрогнул.

– Ты меня напугал.

– Вставай уже утро. Ты чего меня не разбудил, когда сюда пошёл?

– Да мне лай собак спать не давал. Они сперва, лаяли, потом скулили, потом опять лаяли, а после умолкли. Вы с малышом спали, а я всё никак не мог, то неудобно, то руки затекли. Я испугался, что сейчас кто ни будь выйдет и выгонит нас, вот и пошёл сюда.

– А нас то, чего не разбудил?

Саня пожал плечами.

– Ладно. Что делать будем, есть охота, да у нас ещё вот, – я показал рукой на щенка, – он тоже есть хочет.

Саня посидел несколько минут молча, а потом выдал:

– Поехали в Сормово?

– Зачем?

– Там у меня брат живёт, можно к нему навеститься.

– Поехали.

Стоило сперва всё обдумать, а уже после соглашаться, но было не до этого. Мы хотели есть, нам хотелось в тепло и главное у меня было чувство, что что-то я всё же делаю не так. А ведь дома сейчас горячий чай, тёплый завтрак, мягкая постель. От этих мыслей я захотел домой и желудок предательски заурчал.

– Ого, кто-то голоден как волк?

Я кивнул.

Мы выдвинулись на остановку. На автобус мы не пошли, так как там кондуктор нас высадит, а вот в трамвае было попроще. Как правило, трамвай ходит с двумя вагонами и чаще всего только в одном есть кондуктор. И бывает так, что в дальний, прицепленный вагон, кондуктор не заходит. Что и могло сыграть нам на руку. До трамвайной остановки совсем не далеко. Мимо частного сектора и мы там. На остановке было множество людей. Все уже ехали на работу, в сторону московского вокзала. Нам же в другую сторону и на остановке, напротив людей почти не было. Это плохо. Заходить с толпой проще и больше вероятности, что тебя не заметят.

Я взял щенка на руки. Когда трамвай приехал, на остановке уже было человек семь. Мы просочились вместе с толпой в вагон и затерялись в нём. Сеня ушёл вперёд, я же с щенком на руках остался в задней части вагона. Кондуктор зашёл на следующей остановке. Большая полукруглая сумка весела у женщины на шее, синяя жилетка, на носу очки. Кондуктор была довольно больших размеров, что она как дебаркадер прошла по вагону, всех распахивая по сторонам. Когда она дошла до нас с Малышом и спросила за проезд, я сказал:

– Извините, пожалуйста, но я потерялся и еду домой, можно проехать до центра Сормово? – я даже не узнал свой голос. Он был настолько жалостливым, что гляди и сам заплачу. Кондуктор стояла и смотрела на меня. Сперва, когда я начал говорить, её выражение лица было строгим, а когда я уже закончил свой вопрос, то она уже мило улыбалась.

– Можно, – она оторвала билет, протянула мне в свободную руку. Пытаясь взять билет, я слегка прижал малыша, из-за чего послышался скулёж. – Это на тот случай, если зайдут контролёры, – пояснила она. И как в воду глядела. Нам оставалось ехать одну остановку и зашли две девушки. Они шли по вагону, одна проверяла билеты у пассажиров, вторая что-то записывала в блокнот. Саня на тот момент уже пришёл ко мне.

– Что делать будем? – спросил он.

– У меня есть билет.

– Вот ты... Ладно. Надеюсь, что нам повезёт и с нас не

спросят. А если спросят, то ты показываешь свой билет, а я потяну время.

Я кивнул. Мы подошли ближе к двери. Ещё один поворот и будет остановка. Саня же стоял и что-то бормотал, малыш лежал на руках и озирался по сторонам, а я спокойно спустился на ступеньку пониже и ждал открытия дверей.

– Ваш билет? – спросила девушка. Я протянул ей свой билет. Она посмотрела на него одним взглядом и повернулась к Сане. Саня же стал рыскать по карманам и приговаривать:

– Да где же он?

– Что потерял? – спросил я.

– Ага.

– Вы простите моего брата, – обратился я к контроллеру, – он такой рассеянный, как только голову не потерял?

– Нашёл! – воскликнул Саня, – Он просто выпал у меня, Саня протянул билет контроллеру и как раз открылись двери и мы выбежали из вагона. Саня побежал мимо остановки, к площади, а я опустил щенка на землю и медленно пошёл за ним. Когда я его догнал, Саня сидел на заборе, который ограждал клумбы.

– Ты чего сорвался? – спросил я.

– Да билет, который я отдал контроллерам, был недельной давности и вообще из автобуса.

– А ты находчивый.

– Ты тоже. Кто я там? Рассеянный? – Саня улыбнулся.

– Так куда нам дальше? – я оглянулся по сторонам. Мы на-

ходились между двух остановок, напротив продуктового магазина. Мысль о еде снова посетила и желудок громко пробурчал. Люди торопились кто куда.

– Так, а сколько сейчас времени? – Саня достал телефон, – Вот блин, разрядился.

Я подошёл к мимо проходящему мужчине и спросил который час. Мужчина остановился, посмотрел на наручные часы и ответил:

– Половина седьмого.

Я поблагодарил и вернулся к Сане.

– Полседьмого.

– Ого! У нас есть ещё полчаса. Ну что идём? – Саня слёз с забора. Я кивнул. А что оставалось делать, кроме как идти за ним. Местность я не знал, а он как проводник в тёмном лесу. Конечно меня посещала идея – всё это плохо и не стоило ехать сюда, но что сделано, то сделано.

Мы прошли мимо парка, и я вспомнил, как мы здесь с родителями отдыхали. У меня было день рождения, и они меня повезли в парк аттракционов. Как же было весело. А потом мы пошли в кафе, и мне заказали большую порцию мороженого. От всех этих воспоминаний мне снова захотелось домой. В тёплую и мягкую постель и к холодильнику с едой. Еда была на первом месте.

Потом мы прошли мимо памятника судну, больше похоже на самолёт, но с маленькими крыльями, а на борту надпись «Метеор». Свернули во дворы и подошли к пятиэтажному

дому. Саня сел на лавочку возле третьего подъезда и сказал:

– Подождём здесь.

– Кого? – спросил я сев рядом.

– Серёгу, брата моего. Он в это время в лицей выходит.

Из подъезда вышел парень с сумкой, повешенной через плечо. Он остановился возле двери.

– Смотрите-ка! На ловца и зверь бежит, – сказал парень и медленно подошёл к нам.

– Серега! – воскликнул Саня. Я сидел на лавочке, а малыш лежал у меня на коленях.

Серёга схватил Саню за воротник и спросил:

– Ну и где вы были?

– Серёг, ты чего? – спросил Саня. Я встал. Серёга повёл Саню к подъезду уже не за воротник и за шею. Сильно сжимая, Саня скорчил лицо от боли.

– Мы вчера тебя всю ночь искали. Ты хоть понимаешь, как мы переживали за тебя?

– Да мы ничего дурного не хотели. Всего лишь гуляли.

– Гуляли! – Серёга сжал ещё сильнее, и Саня присел на корточки. – И чья это идея была гулять всю ночь?

Саня ничего ответить не смог, а только лишь показал на меня пальцем.

– Твоя? – Серёга отпустил Саню и направился ко мне, – я тебя спрашиваю, твоя идея была?

Я ничего не ответил и только стоял как вкопанный. Даже не знаю, что больше меня удивило. Реакция Серёги или то,

что Саня врёт, а я даже не могу опровергнуть его слова, так как ком к горлу подступил и будто язык проглотил. Малыша я всё так же держал на руках и чувствовал, как он трясётся. Серёга выхватил щенка у меня и швырнул в сторону. Я только услышал визг щенка и сделал пару шагов в сторону, куда Серёга кинул малыша, после чего почувствовал боль в щеке. Серёга ударил меня, потом ещё и ещё. Я не удержался на ногах и сел на асфальт.

– Ещё раз только подойдёшь к моему брату, я от тебя и живого места не оставлю. Ты меня понял? – Серёга повернулся ко мне спиной, и они с Саней скрылись в подъезде.

Я сидел возле подъезда ещё какое-то время. Слёзы текли, не совсем понимая отчего, толи от боли или от обиды. Ведь эта была его идея сбежать, не моя. Я вытер слёзы, встал и пошёл искать малыша. Я искал в палисаднике, ближайших кустах, вокруг дома. Щенка нигде не было. Сев на лавочку, я разрыдался ещё сильнее и в голос.

Когда я уже успокаивался, из подъезда вышла старушка. Она опиралась на трость. На голове платок с красными цветами.

– Ты чего здесь плачешь? – старушка села рядом со мной.

– Я заблудился, потерял собаку и не знаю, где мой дом, – вытирая слёзы, бубнил я.

Не знаю почему, но я всё ей рассказал. И что дома отец пьёт и избивает маму, и что сбежал, и что друг оказался предателем, и что щенка защитить не смог. Старушка сидела и

молча меня выслушивала, а мне с каждым словом становилось всё легче и спокойнее. Когда я закончил свой рассказ, она сказала:

– Дома у тебя страшная ситуация. Любви в доме нет, вот из-за этого и ругань, пьянки и драки. А то что ты сбежал, это поступок труса и эгоиста. Ты не подумал о маме? Какого ей сейчас, рядом с извергом в одном доме, да ещё и ребёнок пропал? – она посмотрела на меня, а я уставился на асфальт. – Стыдно? Ну ничего мама простит, – старушка достала из кармана пятьдесят рублей и протянула мне. – Где ты говоришь, живёшь?

– На Куйбышева.

– Это где? Может метро рядом какое есть?

– Да, метро есть. Бурнаковская, – я даже приободрился.

– Тогда это не далеко. Вот держи, сядешь на автобус и обязательно спроси у кондуктора, доедешь ты на нём или нет. Бери деньги и поезжай, а щенок, если у вас одна судьба, то и он найдётся.

– Спасибо! – я взял деньги и побежал на остановку. Всё как старушка и сказала, щенка я нашёл на остановке. Малыш лежал под лавочкой и увидев меня завилял хвостом. Я подманил его к себе, после чего взял на руки и сел в автобус.

Когда я вошёл в квартиру, дома никого не было. Я первым делом кинулся к холодильнику, достал колбасы, сделал два бутерброда. Один съел сам, второй отдал Малышу. После завтрака я отправился в свою комнату, разделся и лёг в

тёплую и мягкую кровать. Малыш лёг рядом, я его обнял и провалился в сон.

Меня разбудила мама. Вся в слезах она сидела на краю кровати и смотрела на меня. Я кинулся ей на шею и проговорил:

– Мама, прости меня.

Потом вошёл отец и сказал:

– Нагулялся? Да ещё и шавку с собой притащил. Денег и так нет так ещё и эту псину кормить.

Я повернулся к отцу, он не стал проходить дальше в комнату, а остался стоять в дверях.

– Если бы ты не пил, – начал я, – то и денег бы хватило на всё.

– Что ты сказал? – он переступил через порог.

– Даже не смей, – вмешалась мама, – он прав.

– Вы только посмотрите! У кого-то прорезался голос, – отец махнул рукой и вышел из комнаты.

В этот же вечер мы поехали в полицию. Когда мы вошли, я сильно сжал руку мамы, что ей стало больно. Она забрала заявление о пропаже меня, а со мной провели беседу. Я сидел напротив полицейского вместе с мамой в маленьком помещении с одним только столом и рассказывал про побег, Саню, Серёгу, отца, а полицейский всё записывал.

III

«Когда мы вернулись домой, я долго думал над тем, через что прошёл и решил написать письмо. А знаешь зачем? Что-

бы напомнить о том ужасном. Чтобы не совершать ошибок отца с матерью. И если в доме нет любви, не стоит терпеть и ждать, что всё наладится, нужно уходить. Надеюсь мама скоро это поймёт и у нас всё изменится.» – Вика сложила письмо и убрала обратно в конверт и спросила Рому:

– Так вот почему ты не хотел сюда переезжать?

Рома кивнул и ответил:

– Я думал что его выкинули. Прошло больше десяти лет и я до сих пор помню, как ночевал на улице малыша.

– А что было после?

Отец усыпил Малыша через два дня, пока я был в школе. С Саней я перестал общаться, а когда выросли, он сел в тюрьму за кражу. Родители через год развелись, и мы жили на съёмных квартирах. Потом мама познакомилась с дядей Женей и всё в нашей жизни наладилось. Но слова той старушки я запомнил на всю Жизнь. Если любви в доме нет, то и жить в нём не стоит.

Александр Титов. Дед

11 июня 1996 года

Ближе к вечеру, после полдника, единственная летняя группа детского сада «Солнышко» высыпала на улицу. Ребят было немного. Их собрали из разных групп, и они ещё не успели друг к другу привыкнуть. Впрочем, играть вместе это совсем не мешало.

На одной из площадок, которую выбрала воспитательница, дети немедленно нашли себе занятие. Девочки принялись устраивать магазинчик травы. Мальчишки обступили горку и по очереди катались с весёлыми криками.

Один только Ваня отстранился от всех, устроился в песочнице и усердно копал яму. Его непослушные светлые волосы охотно ловили песчинки, а на бледном худом лице проступили крупные капли пота.

Ваня выкапывал гараж. Эта идея родилась у него ещё во время тихого часа, а теперь строительство расширялось, усложнялось и казалось достойным испытанием для шестилетнего мальчика.

Поначалу было трудно. Песок осыпался, и никак не удавалось вырыть подходящую полость. Но вскоре Ваня понял: глубже, под слоем песка земля плотная, и там можно хоть целый бункер выкопать. Но бункер – дело долгое, там подход

нужен, а вот гараж можно успеть закончить и сейчас, пока не пришла бабушка и не забрала домой.

Гараж получался на славу. Большой, с ровной покато́й доро́гой, и помещалась в нём не только синяя спортивная машинка Вани, но и детсадовский самосвал, который почему-то был примерно такого же размера.

– А ты чего делаешь? – заинтересовался один из мальчиков.

Ваня даже не знал, как его звали.

– Гараж, – тихо буркнул Ваня.

– Классно получается. А чего он такой большой?

– Надо.

– А можно я тебе помогу? – не сдавался мальчик.

– Не надо.

– Тогда я буду строить свой гараж.

Мальчик сел в противоположном углу песочницы, начал копать, но очень скоро ему это надоело, и он побежал качаться на качелях.

А Ваня уже примерялся, как бы и для третьей машины место освободить. Самой машины не было, но её мог заменить деревянный прямоугольник из конструктора.

– Мама! – взвился вдруг над площадкой девичий крик.

Ваня вздрогнул и резко обернулся. Сердце заколотилось так, словно случилось что-то ужасное. Но нет. Просто забирали домой одну из одноклассниц. Обычное дело, ничего особенного. Ваня быстро успокоился и, радуясь, что пришли

не за ним, продолжил копать.

Домой ему не хотелось. Там плохо, наверняка дед опять напился и ругается. Уж лучше подольше посидеть в маленькой уютной песочнице с синей спортивной машинкой, которую месяц назад подарил сосед, и детсадовским жёлтым самосвалом. Здесь спокойно и тихо, а большего и не надо.

Ваня уже остался последним из группы, но прекрасно понимал, что скоро придёт и его черёд. Потому каждую минуту он заставлял себя думать только о гараже и о том, как его расширить для четвёртой машинки, роль которой исполнит булыжник.

И вот до Вани донёсся бабушкин голос:

– Юлия Ивановна, вы уж извините, что так поздно. Со всем закрутилась.

– Да, всё в порядке, – отвечала воспитательница.

– Как Ванечка себя вёл? Не хулиганил?

– Вы знаете, Кристина Александровна, он очень пугливый мальчик. Постоянно от чего-то вздрагивает и с другими детьми особо не общается. Мне кажется, у него проблемы.

– Что ж поделать, – развела бабушка руками.

– Ванечка, иди сюда, – позвала воспитательница и снова обратилась к бабушке: – Может быть, вы его слишком сильно ругаете? Я понимаю, иногда детей надо как-то приструнить, но Ваня и так очень послушный. Попробуйте с ним помягче.

– Мы-то его не ругаем. Но есть... Сами понимаете, время сейчас такое...

Ваня отряхнул ладошки, взял машинку и вприпрыжку побежал ко взрослым.

– Бабуля! – звонко закричал он. – Я такой крутой гараж вырыл! Пойдём, посмотришь.

Бабушка погладила Ваню по волосам, попрощалась с воспитательницей и внимательно осмотрела постройку.

– Ну, ты прям настоящий строитель. Вот вырастешь, будешь архитектором, – заключила она.

Но Ваня мотнул головой:

– Не, я буду киллером. Они знаешь, сколько много денег зарабатывают? Я куплю большой дом, много машин, а тебе новое пальто и сумку. А ещё... – Ваня задумался, приложив палец к губам и вглядываясь в лениво проплывающее по небу облако. – А ещё куплю деду лимон. Вот.

– Киллером хочешь быть? А кого же ты будешь убивать? – со смешком спросила бабушка.

– Зачем убивать? Я буду всех спасать, как Джеки Чан, – Ваня попытался изобразить удар ногой с разворота, но потерял равновесие и чуть не упал.

– Хорошо, будешь спасать. А кого?

– Тебя и маму, конечно. Ну и Лору тоже. Вот так ударю по Шелле, – Ваня рассёк воздух ребром ладони, – и она больше никогда к нам не подойдёт.

– Мой ты защитник, – умилялась бабушка.

Они пошли к калитке, и всю дорогу Ваня воодушевлённо рассказывал, что давали на завтрак, обед и полдник, чем за-

нимались, во что играли. Бабушка только кивала и иногда хвалила.

За калиткой ждала собака Лора, привязанная к забору. Она очень отдалённо напоминала лабрадора и была немногим ниже Вани. Её подобрали зимой, полгода назад. Когда заметили, что Лора прячется в подъезде от холода, начали её подкармливать. А потом она протиснулась вслед за бабушкой в квартиру, забралась под кровать, и её решили не выгонять. Так Лора и стала членом семьи.

Пока бабушка её отвязывала, Ваня резко помрачнел. Он долго смотрел на цветастое здание детского садика и понимал, что не хочет уходить.

– Ванечка, ты чего застыл? Пошли, – позвала бабушка.

– А дед спит? – грустно спросил Ваня.

– Пока что спит.

Ваня часто мечтал, чтобы дед спал всегда и никогда не кричал. Иначе возвращаться домой очень страшно.

По пути ненадолго задержались на спортивной площадке. Коричневая железная конструкция, где было полно всяких турникетов, которыми редко кто пользовался. Как заниматься на многих из них, Ваня не понимал. Они казались нагромождением шарниров и рычагов, начищенных до зеркального блеска. Зато отвесные лестницы и большой цилиндр для бега не требовали особого ума. По ним Ваня мог ползать часами и вечно придумывал что-нибудь новое.

Когда бабушка велела закругляться, Ваня привычно зака-

нючил:

– Ну, ба. Ещё пять минуточек.

– Завтра праздник, будешь хоть целый день играть. А сейчас домой. Скоро мама придёт. Надо и тебя накормить, и ей поесть приготовить.

Ваня уронил голову на грудь и поплёлся к дому.

На рынке, что разношёрстными палатками облепил перекры́сток, бабушка купила немножко колбасы, куриную спинку и полбатона белого хлеба. Она выбирала долго, хотя Ваня не мог понять, как она вообще может тут находиться. Вон стояла страшная. Запахи овощей, мяса, рыбы. Всё это сплеталось в нечто отвратительное и совсем неаппетитное.

Потом прошли через двор. С одной стороны на детской площадке играли дети, а с другой в густых кустах лежали странные люди. Ваня называл их чумазики. Всегда грязные, они напоминали деда Вани, только более опухшего. А ещё они так же любили мусор и частенько притаскивали откуда-то забавные вещи. Сегодня, например, возле тропинки стояла клетка, в каких продавцы с рынка хранят арбузы.

– Не трогай, – строго предупредила бабушка, едва только Ваня потянулся к клетке.

Это было обидно. Он ведь ничего сделать не успел, только подумал. А уж с каким удовольствием Ваня бы в эту клетку залез. Но нет, сегодня не успел.

Сразу за сквером начинались гаражи. Хаотично расставленные, все разные, они напоминали Ване жуткий город, где

за каждым поворотом прячутся убийцы. И пахло там ещё хуже, чем на рынке. Мочой, грязью и бензином. Под летним жарким солнцем смрад как будто стал ещё сильнее, и от него мутило. Но другого пути не было. Только если долгой дорогой в обход, и не сказать, что она сильно отличалась.

В гаражах бабушка замедлилась, притянула поближе Лору, взяла за руку Ваню. Так они протиснулись к бойлерной, что была напротив Ваниного подъезда, и остановились. Бабушка выглянула из-за угла. Смотрела, не гуляет ли поблизости Шелла – огромный чёрный ротвейлер, который ненавидел всех собак во дворе.

– Вроде никого, – сказала бабушка и дёрнула Ваню за собой: – Пойдём.

Они перебежали через небольшой асфальтовый пяточок, покрытый глубокими трещинами и выбоинами, потом пролезли между двумя чёрными тонированными девятками перед крыльцом. И вдруг...

Дверь подъезда от удара распахнулась, и на крыльцо вышел сосед Костик с девятого этажа. Вместе с ним, срываясь на оглушительный лай, вырвалась Шелла и напрямик направилась к Лоре.

– Шелла, к ноге, – лениво, с чувством невообразимого превосходства произнёс Костик.

Вот только Шелла и не думала его слушать. Встала напротив Лоры и свирепо рычала, собираясь броситься в атаку. Лора не отступала, скалила зубы, но Ваня знал, что она бо-

ится. Он и сам боялся. И только бабушка без всякого страха топнула ногой с грозным криком «Фу!», достала из сумки свёрток с колбасой и бросила в сторону. Шелла кинулась туда же, подхватила еду и побежала к хозяину, виляя тем, что оставалось у неё от хвоста.

– Брось эту дрянь. Её жрать нельзя, – недовольно произнёс Костик и пошёл за угол дома.

– Пошли быстрее, – потянула Ваню за руку бабушка.

Ваня двинулся на ватных ногах. Шелла – жуткое чудовище, и боялись её совершенно все, кроме бабушки. А бабушка вообще никого не боялась: ни Шеллу, ни деда. Это Ваня знал точно, и лишь потому успокаивался.

В подъезде пахло почти так же, как у гаражей. Свет не работал, хотя уже начало темнеть. Стены исписаны, будто страницы в книгах со сказками, но всё как-то некрасиво и криво. А вокруг забитого мусоропровода росли горы пакетов с мусором, среди которых иногда копошились мыши.

Ваня жил на втором этаже и всегда ходил по лестнице, хотя частенько пол между этажами зачем-то накрывали мокрой газетой.

Пока бабушка искала ключ и открывала дверь, Ваня прислушивался. То ли боялся, что Шелла вернётся, то ли что дед проснулся. Но было тихо.

Наконец бабушка осторожно щёлкнула замком и приоткрыла хлипкую дверь с чёрной дерматиновой обивкой. Полностью её открыть было невозможно из-за выставленных у

стены деревяшек, железной балки и пакета с проводами. Это всё принёс с помойки дед. А ещё то, чем завалил кухню, пустую комнату, где раньше жила прабабушка, свою комнату, кладовку и коридор. Много всего дед тащил домой. Бывший инженер—электронщик он повторял, что будет чинить или использовать, или просто чтобы было. Трансформаторы, пузатые ламповые телевизоры, шины, какие-то детали. Особенно много было проводов. Из них дед доставал алюминий и медь, чтобы потом сдать на металл.

На трезвую голову дед и вправду что-то постоянно мастерил, но редко доводил дело до конца. А когда выпивал, то становился злым, как чёрт, и вечно норовил устроить скандал. Порой даже молотком угрожал или топором, и тогда Ваня пугался до дрожи. Было и третье состояние: когда дед выпивал слишком много и едва шевелил языком. Тогда он становился очень добрым и ласково называл Ваню котёнком.

Как ни странно, дед Ваню любил. Вечно покупал ему мороженое, когда ходил себе за водкой, делился воблой, на трезвую голову чему-то учил. А знал он много. И с музыкой на короткой ноге, и в математике разбирался отлично, обещал показать, как чинить машину, которая стояла в гараже. Даже когда в пылу алкогольного гнева он орал на бабушку, а между ними влезал Ваня, дед резко затихал. Не всегда, но одно было понятно: как бы он не ругался, внука не тронет.

Бабушка не включила в коридоре свет. В темноте прошли в свою комнату, где жили все вчетвером: Ваня, мама, бабуш-

ка и Лора. Здесь было тесно. Двухэтажная кровать, два шкафа, раскладное кресло, стол и тумбочка с телевизором. Был ещё балкон, но туда перенесли всё, что не помещалось в комнате, и свободного места осталось только, чтобы постоять на одной ноге. А зимой балкон использовали вместо холодильника. В приступы дедовой ярости это было очень удобно – не приходилось ждать, когда дед уснёт.

– Кушать будешь? – спросила бабушка, глядя на настенные часы. – Сейчас мама уже придёт.

Ваня кивнул, а сам тут же прильнул к телевизору и начал искать какой-нибудь интересный фильм. Нашёлся только один. Там школьники и несколько учителей вместе со своей школой переместились в параллельный мир, где не было людей. Минут десять они рассуждали, кто пойдёт на разведку, но так ничего и не решили.

– Тебе нравится? – спросил Ваня Лору.

Та из-под кровати тихонько твякнула.

– Мне тоже не нравится. А мультиков нет.

Ваня выключил телевизор и достал из-за шкафа коробку с конструктором. Польый, из мягкого пластика и не особо разнообразный. Из него мало чего получалось сделать, но Ваня старался. Три человечка с ногам в форме подковы, шесть деталей буквой «Г», ещё шесть буквой «Ш», несколько уголков и дисков. Приходилось хорошенько поломать голову, чтобы всё это собрать воедино.

Разложившись на полу, Ваня примерялся, пробовал, ис-

кал вдохновение, пока не услышал, как открывается входная дверь. То пришла мама, и вдруг Ваню охватило нестерпимое счастье. Искрясь от радости, он выскочил, бросился в коридор и, прежде чем мама успела хотя бы положить пакет, обхватил её обеими руками.

– Мамуля, привет! Ты бы видела, какой гараж я сегодня вырыл.

От мамы пахло сладкими духами и чем-то очень родным. Ваня жался к ней, стараясь поделить своим счастьем, и жадно вдыхал её запах.

– Представляю, – сказала мама, потеревшив светлые Ванины волосы. – Дай хоть разуюсь.

– А ты мне что-нибудь вкусенькое купила? – задрав голову, с надеждой спросил Ваня.

– Конечно, куда ж я денусь, – улыбнулась мама.

Она достала из пакета шоколадный батончик с орехами. Тот, который Ваня любил больше всего на свете.

– Только съешь после ужина.

Пообещать это было сложно, но Ваня смирился. В конце концов, до ужина оставалось совсем немного времени.

Будто читая мысли внука, бабушка сообщила, что еда готова. Тарелки перенесли в комнату и ели, глядя по телевизору советскую комедию. Мама с бабушкой о чём-то переговаривались, но Ваня не вслушивался. Взрослые проблемы казались ему слишком сложными. Какие-то деньги, какие-то выборы, что-то там про отца, которого Ваня и не помнил.

Гораздо веселее следить за тремя неудачниками, пытающимися похитить студентку, и уплетать при этом шоколадный батончик.

Фильм часто прерывался на рекламу, и приходилось выключать звук. Много роликов было о том, как всего одним удачным звонком можно выиграть большие деньги. Однажды Ваня в это поверил и позвонил раз сорок, но ему не повезло. А потом бабушка еле оплатила счёт за телефон. Ну и Ване досталось. Как будто он не хотел всем помочь.

В один из рекламных блоков начался ролик, который Ваня видел впервые. Показывали густой зелёный лес, горную речку, медведя. А потом вдруг на экране появился берег моря, заваленный мёртвой рыбой и тюленями. У Вани навернулись слёзы, задрожал подбородок. Он дёрнул маму за рукав.

– О, Господи! – строго сказала та и выключила телевизор. – Всё, хватит.

Ваня расстроился ещё больше. У него появилось ощущение, будто он сделал что-то не так и сам виноват в смерти тех рыбы и тюленей. Скрывая горечь, Ваня залез на второй этаж кровати.

Именно здесь было убежище от всех печалей и напастей. С одной стороны высокий бортик, с другой – стена, украшенная новогодней гирляндой. А за изголовьем, вместо прикроватного столика была верхняя полка книжного шкафа. Здесь Ваня расставлял всё, что ему хотелось. Банку с пучком травы и тараканами, солдатиков, игрушки из Хэппи Мила,

книги. И всегда здесь царил творческий, тщательно распределённый беспорядок.

Ваня осмотрел тараканов и заметил, что один из них умер. Остальные тоже двигались как-то вяло.

– Надо вам ещё травы принести, – прошептал Ваня, решив, что тараканы едят какую-то определённую траву, которой в банке не было.

Потом поставил любимую машинку между плюшевым Винни-Пухом и страшеньким человечком с взъерошенными фиолетовыми волосами, взял книжку и принялся читать. Водил пальцем по строчкам, чтобы не сбиться, шевелил губами.

– Давай, может, новости посмотрим? – предложила бабушке мама и включила телевизор.

От шума читать Ваня больше не мог, да и надоело уже. И так две страницы осилил. Он отложил книгу и принялся возить синюю машинку между расставленными предметами. Вообразил, что внутри сидят он и какая-нибудь красивая актриса из крутых боевиков. А вместо дома у них был блокнот, который Ваня мечтал исписать полностью.

– Ты гляди, как пляшет, – осуждающе произнесла бабушка.

Из любопытства Ваня приподнялся над бортиком и посмотрел в телевизор. Там на сцене скакал какой-то толстый седой мужик в светлой рубашке, а ему на бубне подыгрывал другой, помоложе.

– Ну что ты хочешь, у него же очередной запой, – отозвалась мама.

– Ох, не дай Бог он останется.

– А кто это? – спросил Ваня.

– Неважно, Вань. Не бери в голову.

К бабушкиному совету Ваня решил прислушаться и вернулся к машинкам. А по телевизору рассказывали то об одном ужасе, то о другом. Взрыв в метро, война в Чечне, что-то про достижения Америки, которую Ваня представлял чем-то вроде рая. Но сейчас Ваня пропускал всё мимо ушей. А бабушка и мама хранили молчание.

После новостей начался американский фильм, но его смотреть не стали. А ещё через час решили укладываться спать. Выключили свет.

Ваня долго не мог уснуть. Сначала просто ворочался, потом соседи снизу устроили драку и мерились глотками. Что-то грохало с металлическим звоном, разбивалось. Шум постепенно смещался к балкону, а оттуда вывалился на улицу. Кричали какие-то глупости, будто пересмотрели «Криминальную Россию».

– Мусора, собаки, обложили, твари! – орали там, а Ваня не мог понять, если им так не нравится мусор, почему они просто не уберутся в подъезде.

Не успели замолкнуть вопли, как в коридоре послышался шорох пакетов и сонное кряхтение. Проснулся дед.

Ваня обмер и молился, чтобы дед не вспоминал о них. По-

сидел бы на кухне, поговорил бы с самим собой и похлопал бы в ладоши. Иногда такое бывало, что дед не лез. Но не сегодня.

Дверь приоткрылась, впустив в затаившуюся темноту жёлтый свет. А следом пролезла дедова лохматая голова.

– Кристин, – позвал он, – сикока там время?

Он пытался говорить тише, но получалось плохо. Ваня вздрагивал от каждого слова.

– Полдвенадцатого, – ответила бабушка.

Дед убрал голову и не плотно прикрыл дверь. Остался тонкий луч, который падал точно на лицо мамы. Она цыкнула, встала и закрыла поплотнее.

Ваня знал, что так просто это не закончится. Никогда не кончается. И Ваня ждал. Лежал, задерживал дыхание, чтобы лучше слышать, дрожал.

Минуты тянулись медленно, пусть и подгоняло их тиканье настенных часов. С кухни доносился приглушённый бубнёж, хлопки. Что-то Ваня разобрать мог, но боялся услышать самое страшное слово – «лимон». Это бы значило, что дед выпил достаточно, чтобы превратиться в чудовище и скоро ворвётся в маленькую комнатку, где не спал сейчас никто.

Вот дед уже в коридоре. Стоял у входной двери и ругался: – Какая же ты тварь. Вот возьму тебя, по стенке размажу. Верни мои деньги! Что ж ты издеваешься, гадина...

Он говорил всё громче. Произносил такие отвратительные слова, за которые Ване бы дали ремня. А угрозы пуга-

ли Ваню особенно сильно. Он представлял картину, как дед размазывает бабушку по стене, и хотелось кричать, биться в истерику, звать на помощь. Но ничего это не поможет. Ваня привык, что всем вокруг плевать на то, что он чувствует.

Дед двинулся к комнате хромым неровным шагом, шурша курткой по стене.

– Ну, начинается, – выдохнула бабушка и поспешила подпереть дверь.

Она не успела совсем немного. Дед ворвался с криком, вышибая дверь ногой.

– Верни мои деньги, мандавошка! Чё ты всё, паскуда, издаваешься?!

– Не брала я у тебя ничего! Что ты всё орёшь?

– Тварь ты какая! Гнида! Лимон мой верни, сука, а то я тебя удавлю сейчас!

– Ну, давай, дави! Пошёл вон отсюда! Не мешай детям спать!

Ваня зарылся в подушку и тихо плакал. Он был уверен, что именно сейчас дед сделает всё, что обещал.

– Пап, ну хватит уже, – попыталась успокоить его мама. – У тебя деньги банк забрал, а не мы.

– А ты, мартышка, вообще свой хавальник закрой. Вот ведь адская семейка! Последние штаны отберёте! Я же инженер-электронщик, а вы со мной, как с дворнягой последней.

Дед обернулся, сделал несколько шагов к двери, но вновь остановился. Накинулся на бабушку с кулаками. Вот только

бабушка к этому была готова и прижала деда к стене. Тут и мама вскочила. Они вместе вытолкали его в коридор и захлопнули дверь. Бабушка подпёрла её спиной и держала, пока дед пытался вернуться. Он кричал матом, угрожал, колодил по двери кулаками, но сделать уже ничего не мог.

Когда дед сдался и отправился на кухню пить дальше, Ваня приподнялся.

– Бабуль, может, мы ему дадим другой лимон? – спросил он тихонько.

Бабушка так и стояла у двери. В лунном свете было видно, что её ночнушка порвалась и обнажила плечо. Она долго молчала, и Ване даже показалось, что бабушка плачет. Но этого быть не могло. Бабушка ведь никого не боится.

А потом она произнесла осипшим голосом:

– Спи, мой хороший. Завтра праздник, гулять с мамой пойдёте, на салют посмотрите.

Ваня упал на подушку и с головой накрылся одеялом. Слезы текли сами, а Ваня молился и мечтал, что когда-нибудь станет киллером и всех-всех защитит. Прямо как Джеки Чан. Или Ван Дам. Победит Шеллу и купит лимон деду, чтобы он стал добрым.

Игорь Кондратьев. На круги своя

1. Дела домашние

– Вчера в новостях показывали: в Москве открыли еще одну новую поликлинику. Светлая такая, просторная. Новейшее оборудование. Кругом компьютеры – кнопку нажал и вся подноготная на больного перед глазами. Искусственный интеллект всё проанализирует, поставит диагноз, и выдаст рекомендации по лечению. Врачам ничего и делать-то не надо, – Ирина шинковала капусту и рассказывала новости мужу Алексею, который, согнувшись под раковиной, чистил засорившийся сифон.

– Заставить бы искусственный интеллект трубы чистить, – усмехнулся Алексей, вынимая очередной черный, волосяной, зловонный сгусток.

В детской комнате завывала сирена. Оттуда выбежала пятилетняя внучка Танюшка, размазывая слезы по щекам.

– Бабушка! А Лялька ударила меня прямо по голове!

Баба Ира отложила нож и пошла в детскую, где завывала младшая.

– Ляля, ты зачем бьешь сестренку? – спросила бабушка, попутно собирая разбросанные игрушки.

– Она меня пейвая удаила! – выключив сирену, Лиля ловко перевела стрелки и вновь заревела.

Пухленькая трехлетняя девчушка с белокурыми кудряш-

ками, обливалась нешуточным слезами, размазывая их вместе с соплями маленьким кулачком по щекам.

– Ну, тихо-тихо, – Бабушка присела на диван. – Что вы опять не поделили? – она строго посмотрела на Танюшку.

– Я строю, строю, а она все ломает и ломает.

Баба Ира прижала обеих хнычущих внучек к себе и начала объяснять, как надо играть родным сестренкам. Когда они успокоились, она утерла обеих передником, дала каждой по приске и, поцеловав, опять пошла на кухню.

Алексей закончил заниматься сифоном и уже загружал обратно под раковину емкости с чистящими средствами, какие-то бутылки, пакеты и свертки, что помешали бы работе. Закрыв дверцу шкафа, вымыл руки и подсел к столу. Жена продолжила строгать капусту. Он взял пучок нашинкованной сочной соломки, отправил в рот и смачно захрустел.

– Дедушка, я тоже хочу капустки, – попросила, неведомо откуда появившаяся Танюшка.

– И я хатю, и я хатю, – закричала Лялька, вслед за сестрой.

Пришлось дедушке наложить девчонкам капусты, каждой в свою тарелку, чтоб не подрались. Внучки уселись рядышком и принялись хрустеть, кто громче. Опять началось соревнование.

– Я громче!

– Неть я!

Дед не выдержал и включил телевизор. В новостях повторяли сюжет о поликлинике.

– Вот-вот, про нее, как раз, – бросила взгляд на экран Ирина, – жаль, до нас такое не скоро дойдет.

– Мультики! Хотим мультики! – наперебой заголосили внучки.

Алексей перещелкнул каналы на мультики. Девчонки успокоились и уставились в телек.

– Почему не скоро? Программу вам уже новую поставили. Глядишь, и искусственный интеллект скоро подгонят, – Алексей засмеялся.

– Издеваешься? – улыбнулась Ирина, – Зачем старую программу заменили? Всё работало, все уже привыкли, даже такие, как я, разобрались, а теперь все изучай по новой. Да, хоть бы кто научил, объяснил. Так она еще и виснет. Ты сам-то быстро разобрался, когда списки диспансеризации помогал распечатывать?

– Да..., пришлось поломать голову. Слушай, мать, до сих пор не пойму зачем мы распечатывали эти списки? Это вам надо было, или начальству?

– Начальству, конечно, чтобы мы отмечали даты прохождения диспансеризации и назначали даты следующей, а они нас могли контролировать.

– Не проще ли на компе это делать? Все данные в общей базе, им даже никуда ходить не надо, кнопку нажал всё на экране. Сколько мы..., листов двадцать, распечатали, а в целом по поликлинике? Прикинь, какое количество бумаги извели?

– Безбумажные технологии... называется, – Ирина грустно вздохнула.

– А твоя новенькая врачиха – молодец, если бы не она, весь день бы проковырялся с программой.

– А я про что, – Ирина заправила щи, прикрыла кастрюлю крышкой и уменьшила огонь, – Людмила молодец! И по работе дотошная, все старается до сути докопаться, и с компьютером разобралась. Правда, ей программист наш помог. Он все ее обхаживал, ну она и воспользовалась, только что-то никак у них. – Ирина вытерла руки и озабоченно посмотрела на часы, – Что-то Ленка долго... Никитку кормить пора.

Девчонки доели капусту и куда-то убежали. Бабушка заглянула в духовку, где готовилась курица. Взяла ложку и стала черпать из поддона накопившийся жир, и поливать им курицу, потом картошку вокруг нее. По кухне распространился приятный аромат жареного мяса.

– Ну, вот, минут через десять можно выключать, – сказала она себе и закрыла духовку.

– Бабуска, я покакая! – донеслось из туалета.

– Вот и умница, пойдем попу мыть, – Ирина вышла в коридор, где стояла Лиля с поднятым платьем и спущенными колготками. Взяла её за ручку и повела в ванную, – Леша, сплосни горшок, пожалуйста.

– Иду, – обреченно отозвался Алексей.

Вскоре зазвонил домофон. Танюшка первая подбежала и

взяла трубку.

– Спроси, кто там! – крикнула бабушка.

– Это мама, – ответила внучка и нажала кнопку замка.

– Легка на помине. Лёш, встретить, пожалуйста, и помоги с коляской, – попросила Ирина, выходя из ванной, поставила ребенка на пол, поправила колготки, и малышка побежала к двери встречать маму.

– Уже иду, – Алексей, выключил свет в туалете, затем накинул курточку на плечи и вышел в подъезд.

Когда Лена вошла со спящим малышом на руках, дети радостно запрыгали вокруг нее.

– Тихо! Никитку разбудите, – шикнула бабушка, принимая малыша.

Девочки притихли. Никитку раздели и унесли в комнату, досыпать.

Зазвонил бабушкин телефон, она вышла из детской и ответила шепотом: – Алло.

– Ирина Сергеевна, это Куликина Вера из 57. Вы мне утром диктовали, что и как принимать, я записала, да, потеряла. Не сочтите за труд повторить, я еще раз запишу.

Ирина от безысходности закрыла глаза и помотала головой, подумав, – “Не дай бог, дожить до такого. Третий раз за утро,” – а вслух обреченно сказала: – Хорошо, записывайте.

– Минутку, я тетрадку возьму, – в трубке послышался звук открывающегося шкафа, а затем радостный возглас восьмидесятилетней пациентки, – Нашла, Ирина Сергеевна,

нашла, я в шкаф убрала и забыла. Вы, уж извините, старую калошу...

– Ничего, бывает. Хорошо, что нашли. Принимайте, как записано в тетрадке, – закончив разговор, Ирина с облегчением вздохнула.

Лена сидела в кухне, и девчонки наперебой рассказывали о своих приключениях.

Вошла бабушка и, выключая духовку, спросила: – Что, как долго? Опять очередь?

– Да, ужас! Не протолкнуться. Все кашляют, чихают. Ну, как тут не заразится?

– Мам, мам, смотри, как я умею, – Танюшка закрутилась на одной ножке.

Ляля тоже стала кружиться и чуть не упала.

– Тихонько! – мать ловко поймала малышку, – В кухне это делать нельзя – здесь плитка, упадете и голову разобьете. Ступайте к дедушке, мне с бабулей поговорить надо.

Девочки насупились, но из кухни ушли.

– Прививку сделали. Не плакал, немного покуксился и забыл, – продолжила Лена, – Два дня не мочить, а, в общем, все в норме.

– Хорошо. Смотри, в этой кастрюле щи, я на малый огонь поставила, минут через сорок выключи и накрой чем-нибудь теплым, пусть потомятся. Наше белье, как постирается, развесь в лоджии, а детское на батарее, быстрее высохнет. Я ем и убегаю. Вызовов, наверно будет немного, хочу до приема

успеть.

В коридоре запел соловей дверного звонка.

– Кого это принесло? – Лена удивленно посмотрела на мать и, недоуменно пожав плечами, пошла открывать.

Соседка с первого этажа, тучная женщина лет пятидесяти с сильной одышкой, переваливаясь с ноги на ногу, вошла в прихожую.

– Здра-сьте... Мне бы ... Ирину... Сергевну... – еле отдышавшись, промолвила гостя и плюхнулась на диванчик под вешалкой. Диванчик подозрительно скрипнул.

Лена поздоровалась и, закрыв входную дверь, крикнула, – Ма-ам, это к тебе, – а сама пошла в детскую, посмотреть не проснулся ли малыш.

Ирина поставила чайник на огонь и вышла к соседке.

– Ирочка, уколите, пожалуйста..., я все принесла.

– Да, что же, вы..., на пятый-то... Я бы пошла на участок и к вам заглянула.

– Ну, что мне вас затруднять, я потихонечку...

– Леша! – крикнула Ирина мужу, надламывая ампулу, – Не заходи, пока в коридор, ладно?

– Ладно, – ответил он, загоняя в комнату выбежавших на звонок внучек, – Там нет ничего интересного. Бежим, а то и нас уколют.

Предостережение деда на детей произвело впечатление, и они быстренько забежали в комнату.

– Ирина Сергеевна, какая же у вас рука легкая, не то, что

у Зинки с нашего участка.

– Вы, уж, в следующий раз не поднимайтесь так высоко, я сама к вам зайду, не волнуйтесь.

Уходя, соседка долго извинялась и благодарила Ирину.

Наконец, быстренько перекусив блинами с творогом, что остались от завтрака, не допив горячий чай, Ирина торопливо начала собираться на работу.

– Никитке много спать не давай, минут через десять буди и корми, чтобы распорядок не нарушать. Я ушла. Всем, пока!

– Пока, бабушка! – закричали внучки выбежав из комнаты.

Следом за ними показался Алексей, чмокнул жену в щеку, – Пока, любимая, удачи!

– Пока, мамочка, приходи скорей, – Лена тоже поцеловала маму и закрыла за ней дверь.

2. Назначения на дому

Ирина вышла из подъезда на улицу и остановилась на крыльце. С наслаждением вдохнула прохладный осенний воздух с запахом прелой листвы. Глянула на небо затянутое серыми облаками и подумала – “А, ведь, скоро уже зима... В декабре Никитке, уж, годик будет..., как время-то летит. Как же я устала... Отдыхать совсем некогда. Все отпуска с детьми – пеленки... распашонки... подгузники, – она глубоко вздохнула, – Пройдусь, пожалуй, до участка пешочком, немного успокоюсь, отвлекусь от всего этого, а то с утра как заведенная”.

Не успела она сделать и трех шагов, как в кармане пальто зазвонил телефон. “Уж, не из дома ли?” – мелькнуло в голове. Нет, звонил пациент с ее участка, интересовался, когда она посетит его.

– Иду-иду к вам, к первому. Не переживайте, – Ирина убрала телефон и прибавила шаг.

“Надо бы молока и творога купить,” – подумала она, проходя мимо продуктового магазина.

– Ирина Сергеевна! – окликнул ее знакомый женский голос.

– Тамара Георгиевна? У вас же постельный режим! – Возмутилась Ирина, увидев больную с огромным пакетом.

– Я только за продуктами вышла, сейчас приду и обязательно лягу. Я что спросить хотела? Изжога замучила. Что мне лучше попить? Посоветуйте, – она смешно семенила, вопросительно заглядывая в лицо участковой медсестре.

– Для этого вам специальная диета назначена, а вы опять колбасы, сосисок накупили. А куда столько батончиков? Вам кашку надо овсяную на воде...

– С кашки, уж больно кушать хочется. Так, что мне от изжоги-то?

– Попробуйте “Омез” или “Фосфалюгель”, а лучше диету соблюдайте.

– Спасибоочки, – женщина попрощалась и свернула к аптеке.

Ирина набрала номер регистратуры и уточнила назначе-

ния по участку. Всего пять адресов, но все в разных домах и самое обидное на верхних этажах. В двух высотках хоть лифт есть, а в пятиэтажках...

Первая же высотка огорчила надписью “Лифт на ремонте. Приносим свои извинения.” “Что мне ваши извинения, – возмущалась про себя Ирина, с трудом поднимаясь по лестнице на восьмой этаж, – Что-то не видно никакого ремонта. Им главное табличку повесить, а люди тут мучайся. Посмотрю я, сколько они ремонтировать будут”.

Добравшись до нужной квартиры, Ирина немного отдышалась. Собралась нажать на звонок, но дверь, слегка скрипнув, открылась.

– Здравствуйте. Проходите, пожалуйста, – дедова внучка, видимо, ожидала ее в прихожей.

– Привет, Шурочка, – Ирина скинула пальто, надела бахилы и, помыв руки, прошла к больному.

– Здравствуйте, Семен Иванович, к вам, как обещала, к первому. Как самочувствие?

– Здравствуйте, Ирочка! Чувствую, пока, и ладно. Хуже будет, если чувствовать перестану, – ужасно худой, сморщенный старичок лежал в кровати в майке и трениках.

– Шутите?! Это хорошо, – улыбнулась Ирина, – В какую руку инъекцию делать будем?

– А, пес его знает, давайте в правую попробуем. Шурик, подвинь стул поближе, – попросил он внучку.

– Спасибо, Шура, я сама, – опередила ее Ирина.

Тонкие вены на руках больного напоминали бледно-голубые ниточки. Промучившись несколько минут, Ирина извинилась и попросила дать левую руку. Ситуация повторилась. От напряжения на лбу выступил пот. Наконец, с большим трудом удалось войти в вену на тыльной стороне ладони.

– Ирочка, не переживайте вы так, – видя как расстроилась медсестра, сказал Семен Иванович, – вы молодец, другие вообще отказываются колоть. Мне с этих уколов лучше, таблетки плохо помогают.

Ирина пожелала больному здоровья и пошла по другому адресу. Три назначения оказались несложные, если б не верхние этажи. Последней адрес лежачей больной заставил понервничать. Сначала не сработал домофон, но с помощью соседей удалось войти в подъезд. Затем на звонок в дверь никто не отвечал, словно никого не было дома. Из квартиры напротив выглянула соседка и сообщила, – Дочка Клавдии Ивановны, вроде, дома была. Может, в магазин ушла.

– Ну, мне ждть некогда. Передайте, пожалуйста, что я зайду теперь после приема, после пяти часов. Хорошо?

– Обязательно передам, не беспокойтесь.

Ирина посмотрела на часы, до приема осталось двадцать минут. Спohватившись, она торопливо спустилась по лестнице. “Придется на автобусе, иначе опоздаю,” – подумала она, выйдя из подъезда, и быстрым шагом направилась на остановку.

– Ирина Сергеевна! – мужчина с радостной улыбкой вы-

шел из машины, – Куда спешите?

– Федор Петрович, на прием опаздываю, извините, – она хотела пройти мимо, но мужчина преградил ей путь.

– Садитесь, я вмиг вас доброшу, – он взял Ирину под локоток и настойчиво повел к машине.

– Ой, неудобно... Может, я все же на автобусе?

– Ну, скажите тоже, неудобно. Да, вы для моей семьи столько сделали, вовек не расплатиться. Рад, хоть чем-то помочь, – он завел машину и стал разворачиваться.

– Спасибо, я действительно опаздываю. В двадцать восьмую к Чижовым приходила, никто не открыл, только время потеряла. Теперь вечером придется шлепать.

– Точно, я Любку в магазине видел. Что ж она не дождалась-то?

– Да, бог с ней. Ваша-то дочка, как?

– Спасибо, вам, все в порядке. Скоро выпишут. Если б не вы... – он запнулся и заморгал глазами, пряча слезы.

– Я очень рада, от меня привет передавайте, – Ирина сделала вид, что не заметила минутной слабости собеседника, – У пешеходного перехода притормозите, пожалуйста, я добегу.

– До свидания! Рад был помочь, если что-то надо будет, на машине, или так... Звоните.

– Хорошо, спасибо, до свидания.

3. На приёме у терапевта

Перед кабинетом стояла толпа народу и гудела, словно

пчелиный рой. Ещё издали заметив медсестру от толпы отделилось несколько человек и наперебой принялись объяснять ей свои проблемы.

– Подождите минуточку, дайте хоть переодеться, – взмолилась Ирина.

– Мне только результаты обследования отдать, – молодой человек протягивал какие-то бумаги, но его оттеснили.

– Кузнецов? Давайте, – Ирина забрала бумаги и, открыв ключом дверь, зашла в кабинет.

– Добрый день, Ирина Сергеевна!?! – молоденькая девушка-врач в белом халате сидела за столом и, что-то печатала на компьютере.

– Людмила Ивановна? Добрый день! Вы, давно здесь?

– Давно. Готовлю отчет, вчера-то некогда было. Я специально заперлась и сижу тут, как мышка, чтобы не мешали.

– Ой, давайте отложим. Народ с двух участков, боюсь не успеем принять, – Ирина включила компьютер, пока он загружался, убрала анализы Кузнецова в его карту, добавила бумаги в принтер и, на ходу застегивая халат, направилась к двери.

– Людмила Ивановна, запускаю?

– Да-да, приглашайте, – она убрала все лишнее со стола, закрыла ненужные приложения и, поправив прическу, приготовилась к приему пациентов.

Ирина открыла дверь и, выйдя в коридор, сообщила, что вначале будут приняты те, у кого срочная необходимость.

Сразу выдвинулась семейная пара с горящей путевкой, им нужно было срочно оформить санаторно-курортную карту.

Когда они зашли в кабинет, следом зашла крупная дама лет пятидесяти, опираясь на палочку, и сказала: – Делайте, что хотите, никуда не уйду, мне тяжело и стоять, и сидеть. Меня срочно вызывают на операцию по замене сустава. Я её полгода ждала. Для этого нужны анализы. Вот – она протянула медсестре бумагу со списком необходимых обследований.

– Хорошо. Присядьте на кушетку, пока я буду печатать направления. Это долго, надо подождать, – предупредила медсестра.

Врач по очереди осматривала “курортников” и заносила результаты в компьютер. Ирина распечатала два бланка санаторно-курортной карты. Заполнила от руки шапку на каждого отдельно и положила перед собой.

Нашла в компьютере карточку дамы с палочкой и начала распечатывать первое направление.

“Руки бы обломать этим разработчикам, – ругалась про себя Ирина, – как так можно?! Пятнадцать направлений и для каждого войди в карточку пациента, выйди и снова зайди. Как в анекдоте про даму с корзинкой. Почему оптом не сделать? Указал какие нужны и на печать, минутное дело, а тут минут сорок уйдет, не меньше. Да, нас больные порвут!”

Звонок телефона, прервал поток негодования. Звонил онкобольной. Он просил сообщить, готов ли его анализ крови,

так как завтра ему предстояло идти на химиотерапию. Пришлось выходить из одного раздела программы, заходить в другой и искать необходимый анализ.

Наконец, Ирина перешла к печати следующего направления и продолжила заполнение санаторных карт.

Через пару минут позвонила другая пациентка, после недавней операции коронарного шунтирования, и слезно просила записать ее на прием, так как сама через интернет она не умеет, а выстоять очередь в регистратуру, ей здоровье не позволит. Опять пришлось взад-вперед топтаться в программе, искать пациента и производить запись.

За дверью ожил пчелиный рой. В это время из соседнего кабинета зашла медсестра из новеньких, и стала задавать вопросы по работе с программой.

– Лариса, видишь сколько народа, давай позже, – Ирина посмотрела умоляюще на медсестру.

Девушка смутилась и вышла.

Супружеская чета получила бумаги и, поблагодарив, покинула кабинет. Сразу же, согласно очереди, вошел новый пациент – молодой человек. Он увидел женщину с палочкой, которая с трудом подсаживалась к столу медсестры, и растерялся.

– Проходите ко мне, – доктор указала на стул рядом, – как ваша фамилия?

Медсестра распечатала последнее направление и, выдохнув с облегчением, начала объяснять пациентке порядок

прохождения обследования.

В это время распахнулась дверь кабинета, и вошел возмущенный гражданин, который потребовал немедленно его принять. Изъясняться он сразу начал на повышенных тонах, интенсивно жестикулируя при этом, – Целую неделю я не мог записаться к своему врачу, всё у него занято и занято. Когда, наконец, записался и пришел на прием, оказывается он ушел в отпуск. Теперь там другой врач, который, видите ли, совмещает теперь два участка. Очередь огромная. Запись не соблюдается. Просидел весь прием у кабинета, а меня и не приняли. Оттуда направили к вам. Вот и давайте, теперь принимайте.

– На что жалуетесь? – поинтересовалась врач, спокойным голосом.

– Так на это безобразие и жалуюсь!

– Что у вас болит? – перефразировала вопрос Людмила.

– Да, ничего не болит. Мне бы прививку от гепатита, – сбавив тон, ответил гражданин.

– Понятно, – сказала Людмила, – вам необходимо моё заключение, что прививка не противопоказана. Я должна вас осмотреть. Чуть позже мы вас примем. Подождите, пожалуйста в коридоре. Ирина Сергеевна узнайте, пожалуйста, наличие вакцины в процедурном.

– Да, что же это такое? – опять возмутился гражданин, – Я там отсидел три часа, теперь здесь, “подождите”, – он так разошелся, что дама, которой Ирина Сергеевна объясняла

порядок обследования, не выдержала и высказала все, что думает об этом человеке.

– Я ничего не могу понять из-за вас, из-за вашего крика! – хотя сама кричала таким высоким голосом и, так размахивала палкой, что парень, сидящий рядом, прикрыл голову руками и, тихонько то ли смеясь, то ли кашляя, повторял: – Дурдом какой-то..., дурдом...

Весь красный гражданин махнул рукой и, что-то буркнув себе под нос, вышел из кабинета.

Прием продолжился.

– Так, как ваша фамилия, говорите?

– Семенов Виктор Александрович.

– Виктор Александрович – повторила Людмила Ивановна, заполняя запрос на компьютере.

Ирина, наконец, спокойно объяснила даме с палочкой её дальнейшие действия. Та все поняла и, поблагодарив медиков, попыталась встать со стула, но не смогла. Медики поднялись, чтобы помочь больной, молодой человек, попросив жестом Людмилу оставаться на месте, поспешил медсестре на помощь.

Проводив даму до двери, парень, довольный собой, подошел к столу врача.

– Спасибо за помощь. На что жалуетесь?

– На перебои в сердце..., когда гляжу на вас.

– Молодой человек?! Вы не по адресу, вам к психотерапевту.

Ирина Сергеевна прыснула со смеху, – Очередной ухажер нарисовался!

Людмила улыбнулась и окинула парня оценивающим взглядом, – Не в моем вкусе, – съязвила она.

– Жаль, мне, вы, очень понравились. Но я рад, что разве-селил вас.

– Ну, спасибо. Так, на что жалуетесь? Надеюсь, не на это безобразие, – упредила доктор очередное словоблудие шутника.

– Не-е, на это бесполезно... У меня кашель.

– Поднимите рубашку, я послушаю, – она взяла фонендоскоп и подошла к больному, – Дышите в сторону, пожалуйста.

Парень смутился и повернул голову к стене, – обещаю бросить курить.

Людмила непроизвольно окинула взглядом спортивный торс Виктора и удивленно качнула головой.

– Спиной, пожалуйста, – попросила она, – Вижу, спортом занимаетесь?

– Занимался раньше..., до травмы. Теперь, чисто для себя.

– Ну, что? Легкие чистые, а в бронхах безобразие, похуже нашего. Курить – это, конечно, ваше дело, но, если не бросите – бронхит курильщика вам обеспечен.

– А, что это? – спросил пациент заправляя рубашку.

– Хроническое воспаление бронхов, риск пневмонии, рак

в конце концов.

– Ну, не пугайте, уж так-то! Обещаю бросить..., если согласитесь встретиться со мной, как-нибудь.

– Вот выздоровеете, выполните ваше обещание, тогда посмотрим, – Людмила выписала рецепт и улыбнувшись, попросила: – Пригласите следующего, пожалуйста.

В открывшуюся дверь пихая друг друга, ввалились две пациентки.

– Да, что вы бабушка пихаетесь? Мне же только спросить, – лет тридцати особа в джинсах и вязаной кофте, с телефоном в одной руке, и кожаной сумочкой в другой, вошла в кабинет, пропустив упертую сердитую старушку.

– Моя очередь! Знаю я вас. Вам “только спросить” – всё без очереди норовите, – старушка села на стул возле врача и, поздоровавшись, принялась изливать свои болячки.

– Что вы хотели спросить? Может я отвечу? – поинтересовалась Ирина Сергеевна.

Особа прошла и села на кушетку, – Понимаете, у меня в горле что-то першит и всё время кашлять хочется. Чтобы мне попить?

– Это вам к доктору, послушать надо, посмотреть горло. Но у нее сейчас пациент, как видите.

– Ничего я подожду, – она уселась поудобнее на кушетке, выказывая полное смирение.

– Подождите за дверью, пожалуйста, – чуть повысив голос, попросила медсестра.

– Но там столько народу, – возмутилась особа.

– И, что? Они все пришли на прием и ждут своей очереди.

Фыркнув, дамочка поднялась с кушетки и, не торопясь вышла.

– Есть же наглецы, – Ирина Сергеевна покачала головой.

Людмила Ивановна, включите чайник, пожалуйста, что-то во рту пересохло.

Доктор включила чайник и достала тонометр, – давайте давление посмотрим, сказала она пациентке.

Чайник закипел. Медсестра налила в две кружки кипятка и бросила по пакетику чая. Достала из тумбочки распакованную коробку шоколадных конфет и поставила на стол. Вспомнила указание доктора и позвонила в процедурный кабинет.

– Вот так! – воскликнула Ирина и в панике посмотрела на доктора, – представляете, вакцины нет, поставка ожидается на следующей неделе. А мужик целый день в очереди просидел. Его возмущение можно понять. Как ему сейчас сказать, что все зря, что осмотр делается только в день прививки? – она рукой заслонила открытый в испуге рот, – Он меня убьет.

– Пойдемте вместе, я уже закончила, – Людмила Ивановна улыбнулась, успокаивая Ирину.

Они проводили больную до двери и вышли за ней в коридор.

Доктор обратилась к скандалившему гражданину, что собрался уже войти в кабинет, – Как ваше имя уважаемый?

– Трифонов Аркадий Семенович, – настороженно произнес гражданин.

– Аркадий Семенович, к сожалению из процедурного сообщили, что вакцина закончилась, – далее Людмила попыталась что-то объяснить ему, но, похоже, он ее не слышал.

Надо было видеть лицо Аркадия. Оно сначала вытянулось, потом сжалось так, что линия губ превратилась в тонкую черточку. Он весь побагровел и заорал на всю поликлинику, – Я буду на вас жаловаться! Где ваше начальство! – развернулся и быстро удалился.

По коридору еще долго доносились его проклятья и ругательства.

– Есть еще срочное? – поинтересовалась Ирина у притихшей публики и, увидев молчаливое отрицание, спросила, – Остальные, значит, по записи?

– Я без записи, – заволновалась наглая особа.

– Как появится окошко, так и примем, я вызову, – успокоила ее медсестра.

– Я первая, у меня на четырнадцать ровно, – сказала женщина лет тридцати пяти с красивой прической.

Ирина посмотрела на часы, было без пяти два, – Через пять минут заходите, я карточку подготовлю.

– Ну, хоть не убил, – обрабатывая руки, пошутила Людмила Ивановна.

– Ой, чую, этим дело не кончится, – Ирина помотала головой, тоже помыла руки, – Ладно, бог даст, обойдется. У

нас есть пять минут на чай!

Уже через пару минут позвонила заведующая отделением и взволнованным голосом, начала, – Ирина Сергеевна, сейчас к вам подойдет больной, он написал жалобу на вас с доктором. Запишите его телефон и сделайте , что он просит.

Ирина, даже не успела ничего ответить в свое оправдание. За дверью послышалась ругань, и через секунду распаленный гражданин ворвался в кабинет. Следом вошла его жена, не менее взъерошенная, а далее пациентка, что была первая по записи.

– Так! Они сидят, чай гоняют, а больные ждать должны! – картина чаепития произвела на посетителя то же, что красная тряпка на быка, – Вам приказали записать мой телефон и сообщить, когда поступит вакцина. Жалобу я написал, еще и министру напишу, расскажу, чем вы тут занимаетесь, – далее аргументы посыпались, как из рога изобилия и про отношение к больным, и про чай, и про вакцину. Жена вторила мужу, что они многодетные, что у дочери пятеро детей, поэтому все и во всем должны им помогать.

Ирина Сергеевна посмотрела на доктора. Людмила сидела вся красная от возмущения, готовая сорваться на оскорбления. Поэтому, когда поток обвинений ослаб, спокойно сказала, стараясь опередить врача, – Телефон ваш я могу записать, но вакцину получают медработники из процедурного кабинета, где и хранят ее при определенной температуре. Они только знают, когда поступит вакцина, их старшая мед-

сестра вам и позвонит. Сообщите им свой телефон. Разрешение на прививку даст дежурный врач и сразу привьетесь.

Оба жалобщика в недоумении замерли, переваривая информацию. Затем, что-то бубня пошли к выходу и, уже в дверях, гражданин бросил, – А жалобу министру я все равно напишу.

– Да, пишите-пишите, бумага все стерпит, – выплеснула Людмила своё возмущение и, уже успокаиваясь, обратилась к пациентке, – Присаживайтесь. Что у вас?

За полчаса до окончания приема в кабинет вошла заведующая.

– Девчата, у меня для вас плохие новости. Больной написал жалобу. Чтобы не отправлять ее в министерство, придется вас наказать своими полномочиями.

– Вот это правильно! Главное найти виновных и наказать кого попало, – Людмила Ивановна вскочила, бросив фонендоскоп в сердцах на стол, – Мы же не отказали в приеме, просто попросили подождать. Дурдом какой-то! В кабинете и так уже двое пациентов сидело. У него что, совсем совести нет. Почему он на нас жалобу накатыл, а не на того, кто не принял? Нашел крайних?

Заведующая несколько смутилась, начала объяснять свое положение, что над ней тоже начальство, а там разбираться не будут, но осмыслив ситуацию, – Ладно-ладно, работайте. Разберемся, – и вышла.

4. На круги своя

В пять часов прием заканчивался. Ирина вышла в коридор предупредить об этом оставшихся в очереди пациентов. Там оказался всего один человек, это был невысокий старичок с палочкой, на которую опирался трясущимися руками.

– Дочка, весь день сижу. Примите, Христа ради.

– Людмила Ивановна, примите дедушку, он один в очереди остался, – Ирина умоляюще посмотрела на доктора.

– Ладно, давайте, – махнула рукой Людмила.

– Дедушка, проходите к доктору. Людмила Ивановна, я, пока, к соседям загляну, там Лариса что-то по программе спрашивала, – Ирина вышла.

– Присаживайтесь, дедушка.

– Спасибо дочка, дай вам бог мужа хорошего и деток побольше, – прошамкал дед беззубым ртом.

– На что жалуетесь?

– Я не за себя, я за жену узнать. Уж, больно кашляет сильно, а до поликлиники, боюсь, не дойдет.

– Так что ж, вы, врача на дом не вызвали, ведь супругу посмотреть надо, послушать. Я же не могу по вашим рассказам диагноз ставить, – удивилась доктор и с жалостью посмотрела на старика, – Ладно, я сама оформлю вызов и завтра к вам зайду, ждите.

– Спасибо дочка, спасибо. Прости уж меня старого, не серчай. Не держи на меня зла, что задержал. Уж, больно голуба моя сильно кашляет, – бормоча извинения, то и дело благодаря, старик поднялся и, опираясь на палочку поплел-

ся к двери.

В это время вернулась Ирина и радостно сообщила, – Девки с назначениями совсем запутались, но мозги молодые, слава богу, до чего-то сами додумались, что-то я подсказала. Короче, разобрались.

Когда за дедушкой захлопнулась дверь, Людмила облегченно выдохнула, – Думала, этот день никогда не закончится. Дурдом какой-то. Домой, скорей домой.

– Вам хорошо, а мне еще на участок надо забежать, одно назначение осталось, да в свой “дурдом” возвращаться, – Ирина улыбнулась, помотав головой.

– Там, хотя бы, вас любят, – со вздохом произнесла Людмила и заморгала, сдерживая слезы. Её недавно бросил муж, приревновав к какому-то пациенту.

– Всё у вас наладится, вот увидите, – поддержала врача медсестра, – Вон сколько ухажеров вокруг вас вьется. А ваш бывший просто дурак, счастье свое упустил.

– Ладно, забыли! – Людмила махнула рукой, и секунду подумав, – А, давайте, и я с вами на участок прогуляюсь. У деда этого бабка приболела, посмотреть бы надо так, что откладывать-то.

– Ой, как здорово! Идемте. Вдвоем веселее.

На парковке у поликлиники стоял новенький внедорожник. Молодой человек вышел из машины, как только заметил Людмилу. Достал из кабины букет цветов и направился навстречу.

– Это же Виктор, тот шутник, – шепнула удивленно Ирина Сергеевна, – Ну, не буду мешать, – она уже хотела отойти в сторону, но Людмила удержала ее за рукав.

– Не бросайте меня, – также шепотом попросила доктор.

Виктор преподнес Людмиле цветы и пригласил в кафе, – Я проголодался, пока, вас ждал. Думаю, вы, тоже? Прошу, составьте мне компанию.

Людмила хитро посмотрела на Ирину, – А давайте! Только нам с медсестрой сначала на участок надо, работу доделать. Ну, а потом...

– Отлично! Я знаю одно замечательное кафе, – обрадовался окрыленный “Ромео”, – Дамы, я в полном вашем распоряжении. На участок, значит на участок. Прошу! – он жестом указал на внедорожник.

С участка они проехали к дому Ирины Сергеевны. Всю дорогу Виктор шутил, и у него это неплохо получалось.

Когда машина отъехала, Ирина подумала, – “Да, неплохой вроде парень. Даст бог, у Людмилы все сладится, и на моем участке текучка прекратится. Третий доктор за год сменился. Куда это годится?”

Ирина немного постояла, посмотрела на родные окошки, вдыхая свежий вечерний воздух. “Ох, опять в этот бедлам. Опять все эти крики, вопли, слезы, стирки, готовки... Как же я устала. Скорей бы новый год – буду отдыхать, пусть что хотят делают,” – жаловалась она сама себе. Вдруг в окне показался Алексей, а через несколько секунд и все домашние.

– Ба-бу-шка! – закричали они хором, приоткрыв окно, – До-мой!

Что-то теплое коснулось сердца. Ирина глубоко вздохнула, словно скидывая усталость дня. Посмотрела на семейство, машущее ей руками за окном и, припомнив слова доктора “там, хотя бы, вас любят”, вполголоса сказала: – Да, меня там любят, и я их люблю, – и уже громко добавила, – Иду-иду!

Сергей Волжин. Стремление Иного

Мироздание удивительно в своём разнообразии. Не счесть его миры, непостижимы временные ответвления, а вызванные глобальными катаклизмами параллели бросают вызов логике и иногда просто не поддаются пониманию. Лишь немногим открыта истина. Лишь немногие осознают бесчисленность вселенных.

Мне всегда было интересно и забавно наблюдать, как низишие твари, живые, мертвые, даже те, кого нельзя причислить к этим двум привычным большинству понятиям, но всё-таки существующие так или иначе, обладающие разумом, логикой и волей, пытаются понять всю сложность космических законов, основываясь только на своём собственном мирке. А уж насколько могут быть упрямы они в своих убеждениях. Одни изучают материальное, другие неосязаемое, кто-то изобретает механизмы, помогающие постичь замысел Творца, кто-то использует магию и знания сути Духа. Распыли меня, Зодчий, некоторые из самых упрямых убеждают себя и своих сородичей, что перешли в теперешнее состояние из микроскопических организмов! Забавно, забавно. Мироздание разнообразно, и неисчислимы заблуждения детей его.

Знаете, я ещё не встречал ни один мир, где бы разумные создания не считали себя венцом творения и не выискивали

для своего существования какого-то высшего смысла. Удивительно неутомимы они с своим желанием докопаться до истины: понять, кто они, откуда пришли, каково их предназначение? Что ж, может, когда-нибудь, я удостою мирок-другой особым вниманием и расскажу про это самое “истинное предназначение” их обитателям. Когда-нибудь. Но не теперь.

“Откуда пришли?” Да. Ещё один вопрос, мучающий практически всех, считающих себя разумными. Большие и малые, потерявшие связь с Сутью Миров и идентифицирующие себя Богами – все они равнозначно чувствуют себя очень одинокими. Брошенными. Где-то глубоко в подсознании. Иногда даже не подозревая об этом. Они ищут ответ. Ищут своего творца. Свой дом. Кто-то считает, что домом является породивший его мир и теперь, для полного счастья, стоит просто жить с ним в гармонии, а есть и те, кто уверяет себя, доказывает, что смысл бытия – отыскать тот самый дом.

Пожалуй, мне стоит извиниться. Слишком долго я наблюдаю за великолепием работы Зодчего и часто впадаю в только мне интересные рассуждения. Сейчас я здесь совсем для другого. Меня зовут... Впрочем, у меня нет имени. Никогда не было. Оно мне не нужно. Общаться со мной – всё равно что разговаривать со звёздами. Диалога не получится. Твоя участь – слушать. Признаюсь, мне бывает скучно. Невыносимо, за пределами скучно. Видишь ли, я не имею пра-

ва на действие. Не могу влиять ни на материальное, ни на духовное. Поверь, я пробовал. Я могу только наблюдать, запоминать, анализировать и, с недавнего времени, говорить. Когда-нибудь я расскажу тебе больше, но сейчас я решил поделиться с тобой историями, коих повидал великое множество за миллионы циклов, и раз уж мы заговорили о доме...

Вот мир. Мир Магии, в общем её понятии, мечей и королев. Один из тех, где главенствовал род людей. Я говорю главенствовал, так как теперь этот мир объят огнём. Великий катаклизм разломил планету, и она утонула в поднимающейся из недр магме. Но то теперь, а прежде... Случилось так, что некогда могущественное, претендующее на высокое, но, по-моему, уж слишком избитое и даже в чём-то пошлое звание Бога было повержено. Такое случается, и чаще, чем ты можешь себе представить. Однако я снова отвлекаюсь. Приступим.

Магический свет двух факелов дрожал на каменных стенах, был не в силах достичь уходящего в бесконечность потолка и тщетно пытался разогнать тьму за колоннами. Сырой воздух подземелья нёс вонь гнили, лез под мантию. Тихий писк нетопырей, смешиваясь с шелестом крыльев, представлялся шёпотом, несущим страшные слова предостережения.

Всё это раздражало, но не более – небольшие неудобства на пути к абсолютной власти. Что действительно выводило колдуна из себя, так это постоянное пыхтение, скрежет зу-

бов и мерзкое гортанное бульканье компаньона. Компаньона? Нет. Раба, прихвостня, жалкого подобия человека. Лишь Создателю было известно, как такой сумел избежать смерти. Что за мать могла оставить в живых уродца, кормить его грудью, держать на руках, воспитывать? Скорее всего, он родился в какой-нибудь глухомани на севере: там народ тёмный, неприхотлив и почти не знает цивилизации. В других землях он не прожил бы и дня. Скрюченный пополам, горбатый и хромоногий, с непропорционально длинными руками – подобное уродство просто не должно сочетаться с жизнью. Но колдуну было плевать. Главное, это пугало, притащившееся в замок прошлой зимой, заявило, что знает путь и может отвести сюда, в место, которое было скрыто ото всех вот уже сотни лет, в гробницу Саниэт'ра, последнего Иного.

Теперь, возвращаясь к их первой встрече, он не мог вспомнить, почему тогда доверился столь странному гостю. Была ли то судьба или чья-то злая воля? Нет. Скорее всего, виной его собственная жгучая страсть обладания древней Силой, которую он искал уже более двадцати лет. Неистовое, затмевающее разум желание стать величайшим чародеем из когда-либо живущих.

Так или иначе, он поверил ему. Пусть не до конца, но поверил. Просто хотел, чтобы его слова были правдой. Он дал ему кров, пустил в свои лаборатории и библиотеки. Всего десять дней на подготовку, и они вместе отправились в путь. Горные хребты короля гномов Варрика остались позади. Не

смогли их остановить ни ядовитые пески Дуна, ни ярость диких племен Вечных равнин. Вход в гробницу не без труда, но удалось открыть. Намного сложнее было победить стража и расплести десятки смертельных ловушек. И вот наконец-то он смотрит на огромный саркофаг, где покоятся останки Саниэт'ра. Наконец-то он получит его Силу и станет равным Богу.

Колдун раскрыл книгу, дневник одного из Старших магов, помнящего войну с Иными, и зло улыбнулся. Здесь, на этих страницах, среди воспоминаний и заклятий был записан ритуал Сопряжения. Немыслимо! Чародеи прошлого выяснили, как можно заполучить Силу Иных, но вместо этого отказались от неё. Сами лишили себя могущества. Они ударились в рассуждения, принялись писать трактаты об опасности, якобы поджидающей любого, кто возжелает заполучить «запретный ресурс», философствовали о нравственных нормах и чародейской чести. Трусы и ретрограды! Слабаки, скованные цепями бесполезных законов морали. Но он им не ровня. Он истинно свободен и видит, на что может быть способен чародей его уровня с такой Силой. Разумеется, нужна будет война. Погибнут десятки, если не сотни тысяч, но он-таки станет повелителем Двадцати семи королевств. Обязательно станет. И кто знает, может, его правление в конечном итоге станут считать благом. Может, он даже будет радеть за своих подданных. Да, он будет справедливым Властителем. Строгим, но справедливым.

– Господин, Дангул выполнил обещанное, – прошипел за спиной горбун. – Перед вами лежит великое будущее. Прочтите слова и возьмите Силу Старшего из Иных.

Улыбка колдуна стала шире. Ему безусловно нравилось подобное обращение. Пусть этот лебезящий уродец и раздражал всю дорогу, но своё место знал. Возможно, лишь возможно, он оставит этого несчастного в живых и выполнит свою часть сделки.

– Никогда не торопи меня, если ещё хочешь прожить остаток своей никчемной жизни моим подданным. Ты не сведущ в магии и не в состоянии понять всей сложности ритуала Сопряжения.

– Прошу прощения, мой Господин. Я лишь раб, допущенный проведением до созерцания вашего величия.

– Сказано... великолепно. Ты не перестаешь меня удивлять. Однако к делу!

Колдун достал из сумы Книгу Предков, безошибочно открыл страницу с нужным заклятьем и, пробежавшись глазами, наверное, уже в тысячный раз, швырнул её в темноту: за долгие годы этот здоровенный талмуд ему порядком надоел. Вскинув руки, он повернулся к саркофагу и принялся читать нараспев. Его голос дрожал. Каждое слово приближало столь вожеленное непостижимое могущество. Он читал всё громче и громче, переходя на крик. Факела, словно стесняясь будущего властителя мира, смиренно гасили своё пламя, а тьма нарастала, сгущалась, ликовала, приветствовала его.

Гробница выдохнула. По стенам и колоннам побежали трещины. Саркофаг засиял сотнями, невиданных прежде ни одним живым этого мира, рун и содрогнулся. Нетопыри сорвались со своих мест и унеслись в темноту коридора. Их шепот сменился паническим гомоном. Миг – и всё стало как прежде. Лишь вновь усилился магический огонь факелов. Будто специально, издевательски чётко, освещали они недоумённое лицо колдуна.

– Я... не понимаю. Не может быть. Ритуал Вайлехта проверен неоднократно. Он подчиняет Силу Иных. Притягивает её.

– Быть может, вы что-то упустили, мой Господин?

– Ещё одно слово, и я превращу тебя в груды пепла! Я ничего не упустил! Столько лет... Я изучил труды этих идиотов досконально!

– Прошу прощения...

– Нет, нет. Я не мог ничего упустить. – Колдун принялся расхаживать взад и вперёд. – Я всё просчитал. Стяжка полей, обратный унисон, даже сделал поправку на расхождение языка! Прошло столько лет... Столько лет... Неужели... Возможно ли, что Сила ушла?

– Если позволите...

– Говори. Ну же!

– Саркофаг отреагировал. Это явное доказательство...

– Ты прав! Да! Их магия подобна нашей. Она сохраняется в останках. Пропитывает место захоронения носителя. Она

ещё здесь. Здесь! Но тогда почему? Книга, живо!

– Господин?

– Принеси мне книгу, иначе я заменю твою кровь раскалённым железом! Ну!

Горбун с опаской огляделся по сторонам и исчез в темноте. Колдун закрыл глаза, пытаясь унять неровное сердцебиение.

– Неужели я что-то упустил? Забыл. Фразу, слово, звук. Не может быть. Не может быть! Столько лет. Столько лет! Неужели всё напрасно? Или... Я прошёл полмира. Что, этот никудышный урод притащил меня не туда? Но я же чувствовал Силу. Я почти ощущал её!

– Господин!

– Нашёл?!

Хромая и криво улыбаясь, Горбун спешил к своему хозяину.

– Осторожно, недоумок! Если ты помнёшь хотя бы один лист!

– Она цела, мой Господин!

– Заткнись!

Колдун стал судорожно перелистывать жёлтые листки, ища нужное место. Он зло дёрнул щекой, и свет факелов усилился втрое. Теперь стали отчётливо видны барельефы, выгравированные на стенах гробницы неизвестными мастерами: огромные, гротескные создания о десятках глаз, с длинными, доходящими до колен многосуставчатыми ру-

ками сокрушали стены замков и сметали ряды укрывшихся за щитами воинов; иные, походившие на небывалую помесь волка с лошадей, рвали людей на части и пожирали; с неба лилось пламя, зелёное пламя, однажды чуть не уничтожившее всё живое на континенте. Страшны были сцены давнишней войны, но колдун был слишком поглощён чтением, чтобы оценить искусство древних камнетёсов. Также укрылась от него и издевательская усмешка провожатого, лишь на миг сменившая привычную маску повиновения.

– Что это? – Колдун в растерянности поднял взгляд. – Раньше этого не было. Слова... изменены. – Он повернулся, и растерянность сменилась гневом. – Ты... Ты подменил её!

– Господин?

– Признавайся, ублюдох, там в темноте, ты подменил книгу!

Воздух затрещал и нагрелся от зарождающихся молний. Десятки и десятки огоньков заплясали вокруг трясущегося от страха горбуна. Он рухнул на колени, протянул в мольбе руки и заплакал, как ребёнок.

– Молю, молю, Господин, выслушайте! Моей в том нет вины. Нет моей вины! Прошу, горечь неудачи застилает вам глаза. Как можно? Как мог я подменить вашу книгу? Как такое возможно? Прошу, одумайтесь.

Колдуна трясло. Сейчас он не видел ничего, кроме лица жалкого выродка, посмеявшего его обмануть. Кровь грохотала в голове, мешая услышать мольбы, разум помутился, под-

давшись бешеной ярости. Но внезапно что-то кольнуло из глубины, из той потаённой для каждого человека глубины, где, как принято считать, живёт не объяснимое ни магией, ни наукой предчувствие. Осознание ошибки постепенно разрасталось, прогоняя гнев. Он рассеял заклинание: молнии задрожали и осыпались на пол безобидными искорками.

– Вставай. Мои обвинения.... У тебя просто не хватит мозгов на нечто подобное.

– Позвольте?

– Говори.

– Вы сказали, книга изменилась. Слова изменились?

– Последняя строка. Клянусь духами предков, её там раньше не было. Но ты не причём. Думаю, это магия. Проклятие гробницы.

– Что же там?

– Там?! Х-ха. Условие. Да, да, разорви меня бури, условие! Нужна кровь.

Горбун уже было хотел подняться, но тут снова задрожал и так и остался стоять на коленях. Его голос снова задрожал, глаза наполнились ужасом, руки сжались в мольбе.

– Г-господин... П-прошу.

– Что?! Не трясись – твоя кровь тут не ни к чему. Нужна кровь того, кто намеревается выпить Силу Иного.

– Но... Но, Господин. Я не понимаю. Ведь это столь просто.

– Просто?! Воистину, неведение – благо. Кровь в магиче-

ском мире – сильнейшая из структур. Кровь – это власть. Заполучив кровь чародея... считай, он у тебя в руках. Сама его жизнь у тебя в руках.

– Вы боитесь?

– Я ничего не боюсь! Жалкий раб. Отправляясь сюда... Я либо стану Богом, либо сгину. Другого не дано. Я выбрал путь. Путь господства! И не собираюсь сворачивать.

– Тогда...

– Что-то здесь не так. Неправильно. Не сходится. Откуда... откуда же взялась эта последняя проклятая строка? Кровь... Кровь для ритуала. Я знаю, что может сделать кровь. Я досконально изучил всё, что знали предки об Иных. Ритуал воскрешения? Обман? – Колдун пристально посмотрел на своего провожатого и зло улыбнулся.

– И вновь ваши подозрения пали на меня? – как-то уж излишне гордо вскинул подбородок тот. – Не думаете, что вас, столь искусного, почти гениального, мага, мог провести такой жалкий калека, как я? Как вы изволили выразиться... Мне не хватило бы мозгов.

– Хм. У тебя много личин. Я заметил это давно. Ты был бродягой, исследователем, рабом, слугой. Более всех тебе удаётся роль слуги. Слуги Иных? К чему тогда этот жалкий балаган?

– Прозорливо. – Горбун наконец поднялся с колен. Он быстро и сильно переменялся. Нет, тело сохраняло уродство и немощность, сомневаться не приходилось, ни физической,

ни магической угрозы он не представлял, но лицо... Крючковатый нос теперь напоминал клюв хищной птицы, с губ не сходила ядовитая улыбка, глаза блестели проникающим в самую душу холодом. – Ваш род любит представления. Я решил потешить тебя... На последок.

– Признание? Безрассудно. Считаешь, для меня всё кончено? Пройти такой путь и свернуть в шаге от цели? Всё-таки ты не настолько умён. Мои чары не видят в тебе угрозы. Ты ничто! Раб. Что ж, пора заканчивать.

Нисколько не опасаясь нападения, колдун отвернулся и медленно, словно находясь у себя в замке у камина, вытащил из сумы древний папирус. Решение было принято: если это ловушка, если ему предстоит сгинуть здесь, он примет судьбу, но его ответ будет страшен. Может быть, даже страшнее смерти, или в какое там состояние переходят после физического уничтожения так называемые Иные? Тускло засветилась гексаграмма. Сотни лет не смогли полностью погасить вложенную в неё энергию автора. Она была до сих пор активна и готова исполнить своё назначение.

– Что это за магия? Начертание? – Нисколько не скрывая насмешку, спросил горбун.

– Запасной план. Если произойдет непредвиденное, ты горько пожалеешь, что обманул меня. Как тебе перспектива прожить тысячи лет в заточении со своим хозяином? Не думаю, что ему придется по нраву подобное. Признайся сейчас, и я дарю тебе лёгкую смерть.

– Твои выводы ложны.

– Клянусь кристаллами Найна, тревога?! Ты колеблешься. Ты знаешь, что это за чары, и знаешь – я не поверну. Не откажусь от Силы. Я слишком долго её искал. Она по праву принадлежит мне!

Взмахом руки колдун вытащил гексаграмму из папируса. Запечатывающая Вечность – так называли её праотцы. Ни в одном известном им мире не было силы, способной разбить её. Лишь свободная от принуждения воля сотворившего могла это сделать. Получив приказ, гексаграмма разрослась, прошла сквозь стены и исчезла. Вот так, без лишнего, ненужного пафоса колдун выдернул себя, своего странного спутника и всю гробницу из материального мира. Его воля и магия, создали небольшое, ограждённое от всего существующего ранее, пространство, оставив возможность для возвращения лишь хозяину чар.

– Я... Подобного я не ожидал, – с нескрываемым интересом протянул горбун. – Достоинно.

Колдун улыбнулся. Пусть он попался на обман. Может быть, Дангул соврал лишь отчасти, а может, и вовсе не сказал и капли правды, но Запечатывающая Вечность точно поразила его. Он явно не ожидал подобного, и колдуну это нравилось. Нравилось, что больше не нужно ни притворяться, ни скрывать зреющие дорогой подозрения. Они раскрылись перед друг другом, наконец начали настоящую игру, и преимущество сейчас на его стороне.

– Пришло время узнать, кто из нас поистине гениален, а кого ждёт бесславный конец. Подай мне нож!

По лицу горбуна вновь скользнула улыбка. То была улыбка торжества. Он поднялся, вытащил из-за пояса ржавый, изогнутый кинжал и протянул колдуну.

– Узри рождение Бога.

С этими словами, названный отцом при рождении Кадраком – Чистой Молнией – взял кинжал, подошёл к зловещему саркофагу и полоснул себя по запястью. Струя алой крови окропила древний камень. Руны вновь ожили и заплясали зеленоватым огнём. Глубоко под землёй что-то щёлкнуло, послышалось трение камня о камень. Сделав шаг назад, Кадрак ещё раз прошептал слова ритуала Сопряжения.

Бесконечный, слышимый и днём, и ночью Зов родного Мира звучал в голове. Еле видимые тени умерших, не обретших покой душ этого мира, неустанно преследовали его. Но хуже всего была эта слабая, подверженная старению и болезням оболочка смертного. Всё это раздражало, но не более – небольшие неудобства на пути к обретению самого себя. Что действительно выводило Саниэт'ра, старшего из Истинной Семёрки Иных, из себя, так это самовлюбленное бахвальство глупого колдуна, отчего-то решившего, что он по только ему понятной причине достоин... Нет. Имеет право обладать Силой. Его Силой! Силой, отнятой у него тысячи лет назад. Но довольно. Пусть бахвалится и тешит себя мыслью о скорой победе. Развязка близка, и она очень и очень

разочарует его.

Тут мне стоит кое-что пояснить. Иные, в этом мире, были повержены, но смерть не стала для них концом. Я уже говорил: Мироздание удивительно в своём разнообразии. Невероятными возможностями может наделить оно существ, погибших вдали от своего дома. Так случилось и теперь. Души этих завоевателей, поработителей, как их прозывали все без исключения низшие расы, после уничтожения своих физических тел просто не смогли вырваться из чуждого им мира. Не смогли вернуться в Столб Зодчего и выполнить своё предназначение. Нет. Вместо этого они, сохранив память и разум, раз за разом рождались здесь заново, принося плоти, впустившей их, страшные уродства. И вот, пройдя сотни и сотни перерождений, одному из Иных удалось найти выход. Написать поддельные воспоминания и выдать их за труд одного из великих чародеев прошлого – оказалось ерундой. Намного сложнее было из жизни в жизнь убеждать новые поколения магов в его правдивости. А уж найти колдуна, столь фанатично жаждущего запретной Силы, готового отринуть ради неё себя самого, стать отступником, врагом всех живых, казалось, было попросту невозможно. Но ему удалось. И вот, прожив очередную полную жестокости и горя, жизнь скрюченного калеки, он обманом заманил ничего не подозревающего фанатика в гробницу, заставил добровольно пожертвовать частью себя и провести столь желанный ритуал.

Крышка саркофага слегка сдвинулась, а после, гася магические факелы, превращая всё вокруг в непроглядную тень, из него вырвались пульсирующие волны чуждой этому миру энергии. Сила, почувствовав так долго отсутствующего хозяина, рванулась ему навстречу. Ликование. Экстаз, грозящий лишить разума. Упоение от бушующей вновь, расходящейся в, принимающем свою должную форму, теле энергии. Сын некогда разорившегося северного купца, горбун Дангул, более не существовал: Саниэт'ра, Оглядчик Милов, переродился, и на сей раз не жалким смертным, но, как и прежде, Богом. Его сознание разделилось, обрело новые личности, новые ипостаси. Непредвиденные, а теперь вновь доступные законы тысячи тысяч вселенных возвращались к нему. Он вспоминал. Медленно, но верно он становился прежним. Тем, кем был создан некогда – Сущностью Высшего Порядка. Ему уже не было дела до происходящего вокруг. Однако пока ещё он слышал голос обманутого колдуна. В распахнувшемся перед ним на миг разуме этого смертного он увидел заклятье, заставившее факела вновь зажечься.

«Примитивная магия. Жалкое зрелище. Приводить в действие чары голосом? Дикость».

– Всё-таки обман!

«Что это? Их речь? Я уже и забыл, сколь отвратительны звуки низших. Но... Удивительно. Смертный... Он, кажется... злится? На меня? Удивительно и непостижимо. Он не молит о пощаде, не повредился рассудком от ужаса, он...

зол?»

– Ты и есть один из них! Ты притащил меня сюда только для того, чтобы вернуть себе жизнь!

«Хм... Я отсутствовал столько циклов. Будет интересно увидеть структурные изменения вселенных. Я даже будто бы рад, что так вышло. Нужно внедрить в практикумы. Добровольная изоляция. Стазис, а после – непредвзятая оглядка и рассуждения отлученного о произошедших трансформациях».

– Ты пожалеешь, что обманул меня! Тебе не выйти отсюда. Никогда, слышишь?! Никогда! Ты можешь убить меня, но я ни за что не сниму печать!

– Почему ты говоришь со мной? – Иной наконец обратил внимание на человека, стоящего рядом. Он припоминал его лишь смутно. Какие-то обрывки разговоров, образов. Будто бы этот смертный даже когда-то приказывал ему. Приказывал? Непостижимо! Нет. Хотя... – Ах, да. Разумеется. Теперь я вспомнил тебя. Что ты хочешь?

– Прекрати! Ты расскажешь, как сумел обмануть меня, иначе я оставлю тебя в этом коконе навечно!

– Навечно? Забавно. Если бы ты только мог представить, что означает сие слово.

– Я сказал: заткнись! Признай, я победил! Ты сумел провести меня, но проиграл! Тебе не вернуться в наш мир. Не властвовать в нём. Ты так долго планировал месть, но я остановил тебя! Если я не получу Силу, то покажу верховным

чародеям тебя в этой клетке. Они по достоинству оценят мой подвиг. Меня станут называть спасителем Мира, остановившим второе пришествие зла!

«До чего же мерзкие звуки. Пора».

За спиной у колдуна полыхнуло. На месте, где стоял саркофаг, заискрился и отворился портал. Он издавал тихий гул, открывая вид на родной мир Иных. Это была закованная в вечную мерзлоту планета. На поверхности безжизненная, однако таящая в своей утробе искусственные, глобальные изменения, сделанные её обитателями.

– Как тебе удалось?! Невозможно! Нет! Что это за магия?! Как такое может быть?! Я уничтожу тебя! Я...

Санит'ра ничего не слышал. Его мысли были заняты анализом множества из доступных вариантов будущего, и ни в одном из них не было ни колдуна, мнящего себя одержавшим верх, ни его мира. Ему было незачем оставаться здесь. Единственное, чего он сейчас хотел, это вернуться в свой родной мир и оттуда начать новый Цикл.

Сбросив теперь уже абсолютно не нужную, уродливую оболочку, Иной преобразился. Их родные тела мне трудно описать. Они не имеют костного каркаса, привычной в большинстве миров головы или конечностей. Масса. Бесформенная масса, сгустки биологического материала, удерживаемые вместе магнитными полями ионизированных газов, чудовищной гравитацией субатомных частиц и энергией одного из Источников, несущего жизненную эссенцию трёх су-

ществ высшего порядка, питающего его. Приняв свой истинный облик, Саниэт'ра двинулся к portalу. Ему не было дело до проклятий, несущихся в его адрес. Не заметил он ни заклинаний, брошенных в него колдуном, ни хруст его костей, ни предсмертного хрипа. Он грезил о доме и думал только о нём.

Видишь ли, в чём дело. Первый раз Иные объявились здесь почти случайно. Тот конфликт, что жители этой планеты называли чуть ли не войной Добра со Злом, для них был просто одной из стадий существования. С самого сотворения воля Создателя бесцельно водила их из мира в мир. Большинство обитателей воспринимали подобное вторжение – или нет, здесь лучше подойдет слово появление – воинственно. Впрочем, как ещё можно воспринять огромных, наводящих ужас почти на все разумные формы жизни существ? Как можно не обращать внимания, когда эти самые существа убивают и поедают твоих сородичей? Но для Иных, это было всего-навсего кормёжкой. Необходимостью. Вот так смешно создал их творец. Я, кстати, знаю его и, может быть, когда-нибудь расскажу тебе и его историю. Ну а Иные... Они никого не воспринимают как врага. Да и не могут. Они вообще не испытывают злобы. Откуда ей взяться? Разве бык испытывает злобу к зелёной траве или к стогу сена? Нет. Он просто ест.

Так погиб Кадрак. Один из тех, кто считал свой мир, да и свою жизнь чем-то важным, значимым, чуть ли центром

всего Мироздания. Такие не допускают даже мысли о ничемности, ничтожности себя перед бесконечным временем и необъятностью космоса. Я не виню их. Крупицы знаний, коими оперируют подобные, не могут дать и слабого представления о бесконечном множестве вселенных и о разнообразии разумных существ, живущих в них. Да ну и пусть. Меня это не особо заботит. Никогда не заботило. Не поднимать же мне каждого из непроглядной бездны скудоумия?

Знаешь, в одном захудалом мирке, маленьком, ничем неприметном, гбнущем от действий своих недалёких обитателей, сформировалось мнение, что дескать каждая история должна нести в себе некий смысл. Хоть крупицу смысла. Иначе ими ставится под сомнение сама логика существования такой истории. И даже более. Ознакомившись, они всенепременно рвутся оценивать, высказывают мнения и принимают решение, корректировать ли своё дальнейшее бытие с учётом новой полученной информации. Очень может быть, ты именно так и поступишь. Но напoмню, что причина, по которой я поведал историю старшего Иного, тебе была известна с самого начала – мне просто бывает невообразимо скучно.

Луковская Анастасия.

Проклятый старый дом

Колени мёрзли и Лера в очередной раз пожалела, что надела тонкие капроновые колготки. Ледяной весенний ветер задувал под бомбер и прижимал к ногам не по сезону тонкую юбку. Парни неприятно смеялись, из блютус-колонки басила габба. Лера хотела взять под руку Полину, чтоб согреться, но та одёрнула рукав.

Хорошо, что они уже шли обратно. Стемнело, но было не поздно – даже мама ни разу не позвонила. Лера мыслями уже была дома, под пледом, с кружкой чая в одной руке и планшетом с дорамой в другой. Она так давно хотела затусить с Петей и Данилой, а в итоге пожалела. За весь вечер в её сторону почти не смотрели, а если и обращали на неё внимание, то с плохо скрываемым пренебрежением. Нет, она, конечно, найдёт о чём записать штук десять войсов Маринке, пускай завидует. Детали прогулки Лера никому рассказывать не собиралась, и надеялась, что Полина тоже не станет отчитываться, особенно перед родителями. Полина жила в том же подъезде и их мамы дружили. Её отпустили исключительно под Полинину ответственность, иначе она свалила бы домой сама, сразу после того, как они вышли с заброшки, а лучше – ещё раньше.

Лера было четырнадцать, а Полине, Даниле и Пете – семнадцать. В школе они не раз обсуждали с одноклассницами, как было бы круто с заобщаться с этой компанией из 11 «В». Маринка как-то раз даже рискнула подсесть к ним за стол в столовке, но была довольно жестко послана. А чё ещё она ждала, если одета, как колхоз? Вообще, первой лезть к старшеклассникам это лютая дичь, понятно, что пошлют. Леру, например, Полина сама позвала. Только вот теперь непонятно зачем. Вообще не надо было туда ходить.

– Ну всё, давай, до завтра, – Петя махнул рукой уже у подъезда. Полина переминалась с ноги на ногу.

– Давай Полин, – хмуро сказал Данила. Старшеклассница вяло кивнула с кислым лицом.

– Пока, – сказала Лера.

– Малолеток с собой больше не таскай. И проследи, чтоб эта не трепалась, – он развернулся и ушёл вслед за Петей.

– Не будет, – сказала Полина ему в спину. Лера покраснела, в глазах защипало – офигеть вообще, он попутал так хамить. Вдвоём они молча поднялись на четвёртый этаж, Полина постучала в дверь, мама открыла.

– Привет девочки, что, как погуляли? – мама улыбнулась.

– Здравсьте, тётъ Лен, нормально, – глядя исподлобья пробубнила Полина и ушла.

Мама закрыла дверь.

– А чего это вы? Поругались что ли?

– Да так. Норм. Сделай чаю, пожалуйста.

– Ты замёрзла? Вон синяя вся... – мамин голос стал тише, она ушла на кухню. Лера переоделась в домашнее, вымыла руки, залезла на кровать в своей комнате и почти успокоилась. Дома привычно и уютно. Мама чай сейчас принесёт.

Лера воткнула в уши капельки и переключила звук со смартфона на планшет. Так, «Учитель Ким, доктор-романтик 2», «Хроники Асдаля» или «Остров»? Нет, точно не «Остров», на сегодня с неё достаточно всякой жути. Ещё придурки эти... Нафиг, нужно что-то полайтовее, чтоб не грузило. Пуш-уведомление любезно сообщило о выходе нового ролика на канале Мити Кытоники.

«Привет-привет, лисятки и лисички, с вами я, Митя, и наша еженедельная подборка лютой пятничной кринжатишки. Про лайки и подписки напоминать не буду, сами всё помните, правда? Итак, погнажи. Вадик Хоста-Рика слил Милу Давыдову прямо посреди стрима из Крокус Сити...»

Мама принесла чай, печенье и пару бананов.

– Кушай, солнышко.

– Спасибо, – Лера кивнула и уставилась обратно в планшет.

Митя разливался об унижениях, доставшихся Давыдовой, осуждал Вадика. От осознания того, что не её одну оскорбили, а обидчика – и вовсе раскритиковали, Лере стало куда как легче. И не важно, что до этого дня она понятия не имела, кто такие Вадик Хоста-Рика, Мила Давыдова и что такое Крокус Сити.

Чай был вкусный, с чабрецом и сахаром. Митя перешел сначала к обзору дурацкого клипа на кавер какой-то старой песни, потом к очередному провокационному высказыванию популярного психолога. На Леру, которую уже порядком разморило в тепле, вдруг накатил неясная тревога. Она прислушалась к прыгающей речи любимого блогера. На фоне раздавался глухой повторяющийся звук, как будто при монтаже в ролик попал кусок записи трека со сбитым ритмическим рисунком.

– Лерочка, – мама зашла в комнату, – ты же не спишь ещё? Зубы не забудь перед сном почистить.

Лера сначала раздражённо закатила глаза, а потом с внешне пришедшим облегчением выдернула наушники.

– Мам, я не маленькая. И умоюсь, и с зубами разберусь.

– Молодец, – мама села на край кровати и погладила Леру по голове. – Слушай, тут в родительском чате все на ушах, ищут какую-то Катю из одиннадцатого класса. Тебе случайно ничего Полина про неё не говорила?

У Леры вспотели ладони. Она же была уверена, что её никто и никогда не спросит о том, куда делась Катя Гнилорыбова.

Полина подошла к Лере, по дороге из школы домой.

– Привет, слушай, мы на заброшку собираемся, – Полина растянула губы, продемонстрировав блестящий стразик и полоску розового блеска на зубах, – пойдёшь с нами?

– Привет? Когда? – Лера хотела ответить спокойно, но голос от волнения всё равно прозвучал неестественно высоко.

– Сейчас домой, форму переоденем, и парни за нами зайдут, – Полина улыбнулась ещё шире.

– А надолго? Меня мама надолго не отпустит, – Лера злилась на самую себя. Ей хотелось выглядеть взрослой, а говорила она, как маленькая девочка.

– Не переживай, – совершенно слащаво ответила Полина и взяла Леру под локоть, – я тебя у тёти Лены отпрошу.

– Хорошо, – кивнула Лера.

– Давай, я за тобой зайду минут через двадцать.

Лера сунула ключ в дверной замок, услышала знакомый с раннего детства скрип, два щелчка. Дверь открылась. Лера влетела в квартиру, повесила куртку поверх маминого зеленого пальто. Скинула рюкзак и ботинки, прошмыгнула к себе в комнату. С кухни раздвались звуки шкварчащих на сковородке котлет и голос, до скрежета фальшиво выводивший что-то из старого русского рока: мама опять готовила в наушниках. Лера терпеть не могла старый русский рок, а мама – мамбл-рэп, поэтому музыка из колонок в квартире была под негласным запретом.

Лера распахнула гардероб и зависла: все джинсы и другая «не форменная» одежда была в стирке. Она встала на цыпочки и подцепила с верхней полки лавандовую юбку из фатина, которая неплохо смотрелась с чёрным бомбером. Пение смолкло. Мама ответила на звонок, звонила Полина.

– Лерочка, ты идёшь гулять? А уроки на завтра ты все сделала? – мама заглянула в комнату, когда Лера уже натянула колготки.

– Ага, вчера ещё.

– Только не поздно, хорошо? Ты обедала? Я котлеток пожарила. Будь на телефоне, Полина сказала, за тобой приглядит, никуда от неё не уходи.

– В школе поела, ага. К девяти буду, мам.

Лера быстро начесала корни волос, чтобы они казались пышней, намазала губы гигиеничкой с шиммером, положила в сумочку ключи, телефон и карточки, вышла из дома.

Перед подъездом было пусто, поэтому Лера села на лавочку. Достала смартфон, раздумывая, написать Полине в телегу или нет. Стрёмно было навязываться, как это делала Маринка, но руки сами тянулись к мессенджеру.

– О, ты уже тут. Пойдём. – внезапно появившаяся Полина потянула со скамейки.

– А ты говорила, за нами Петя с Данилой зайдут.

– Мы сами зайдём кое за кем. Петя с Данилой там уже.

Они шли минут пятнадцать. Полина пару раз спросила Леру о том, как у неё дела в школе, но старшеклассница слушала рассеянно и невнимательно. Они остановились у дома на улице Дружбы, в барачном районе, готовящемся под снос.

Петька, высокий, с короткой стрижкой, стучал в пыльное стекло на первом этаже покосившегося дома. Рукава его чёр-

ного худи, с белой надписью «за деньги да», были закатаны до локтей, открывая жилистые предплечья.

– Чё так долго? – спросил Данила и сплюнул на землю. Он стоял, облокотившись на бетонный забор, его лицо было наполовину скрыто мантией, расписанной каллиграфией под Покраса-Лампаса.

– Эт чё за паль? – Полина брезгливо потрясла его за плечо.

– Так мы на больничку пойдём, чё я, дурак по такому говну в нормальном шмоте лазить?

– Тихо вы, – шикнул Петя, – Кать! Кать!

В мутном стекле возник абрис бледного лица.

– Кать! Кать! – Петя, чтобы не производить лишнего шума, надсадно шипел.

Заскрипела рассохшаяся рама, окно задёргалось и распахнулось. Катю Гнилорыбову, наглухо тронутую одноклассницу Полины, терпеть не могли ни соученики, ни даже учителя. Тощая, заикающаяся, всегда какая-то немытая Катя через раз понимала обращённую к ней речь, а разговора о полноценном обучении даже не шло. На родителей Гнилорыбовой, по слухам сектантов и алкоголиков, несколько раз пытались натравить опеку, но три проверки не выявили никаких явных нарушений. В школе надеялись, что она вылетит после девятого, но Катя каким-то сверхъестественным образом сдала ОГЭ и перешла в старшие классы.

Катя выглянула на улицу, свесив наружу худые сероватые

руки с проступающими синими жилками.

– Выходи!

Катя замотала головой.

– Да выходи, чё ты. Мы вон – он указал на Леру – ей больничку показать хотим. Пойдёшь больничку с ней смотреть?

Катя повернула к Лере приплюснутое лицо. Её верхние веки были слишком сильно натянуты во внутренний угол почти круглых глаз, что делало её похожей на рыбу.

– А она что, с нами? – Лера сделала большие глаза. Полина молча ткнула её локтём в бок.

– С-сейчас, – сказала Катя и закрыла окно.

Это же просто какой-то прикол? Эта чокнутая выйдет, постоит с ними чуть-чуть, а они потом просто будут нормально тусить? Но Гнилорыбову никто не продинамил и на заброшку они отправились впятером.

Разваливающееся здание старой больницы находилось на пустыре между гаражным кооперативом и парком Комсомольцев. Они пролезли сквозь здоровенную дыру в заборе, обогнули главный корпус, и остановились напротив разбухшей коричневой двери. Петя посмотрел на Катю, та кивнула. Петя открыл дверь. Воняло мочой. Пол был усеян битым бутылочным стеклом, стены покрывали граффити.

– Ну что, Катюша, покажешь нам, куда вы по ночам на свои ритуалы ходите? – ласково спросил Петя. Данила переминался с ноги на ногу от нетерпения. Полина закусила губу. Катя посмотрела на Леру, медленно склонив голову на бок.

Жуткий, какой-то липкий взгляд рыбьих глаз заставил Леру сделать шаг назад.

– Л-лера п-пойдём, – она махнула своей длинной рукой, и двинулась в глубь здания. Лера не двинулась с места. Вся эта затея с больничкой, Катей и «ритуалами» нравилась ей меньше и меньше. Ей вдруг захотелось вернуться домой, прямо сейчас, пока ничего действительно страшного ещё не произошло. Чья-то ладонь мягко ткнула её в спину, от неожиданности Лера подпрыгнула на месте и обернулась. Прямо за ней стоял Петя.

– Иди, нормально всё будет, зато приколемся, – уверенно сказал он и подтолкнул Леру. Она пошла.

Под ногами хрустел мусор, стены покрывали истёртые от времени граффити. Света, падавшего из битых окон, перестало хватать, когда они вошли в коридор. Все, кроме Кати, достали смартфоны. Лере чем дальше они продвигались вглубь старого здания, тем больше становилось не по себе. В конце коридора они спустились по лестнице, пролёт, ведущий наверх, был разрушен. Ступеньки вниз, кривые и разбитые, белели в темноте под лучами фонариков. Катя легко сошла на цокольный этаж, будто делала это уже тысячу раз. Придерживаясь за стену дрожащей рукой Лера, медленно и осторожно, шла за ней. Следом, тихо переругиваясь, спускались остальные.

В центре комнаты, на удивление чистой, мерцала крышка железного люка. Катя, без видимых усилий, нагнулась под-

няла её и поманила за собой Леру. Лезть туда Лере категорически не хотелось, она обернулась. Ей в лицо били три ярких луча, она заслонила руку.

– Чё трясешься? Мы же здесь, давай – подбодрил Петя.

– Да не ссы ты, – сказал Данила.

Катя нырнула в проем. Лера шмыгнула носом и подошла к открытому люку, посветила вниз. В темноте блеснули страшные Катины глаза.

– Давай, Лер, ну что, зря пришла? – в голосе Полины прозвучал укор. Лера убрала телефон в сумочку, неуклюже присела, придерживая юбку, и спустилась по железной лестнице. В подвале стояла крошечная тьма. Послышались шаркающие Катины шаги. Над люком склонились Петя, Данила и Полина.

– П-подойди, п-подойди сюда. Ко мне, – Катин силуэт белел в центре подвальной каморки с низким потолком. Теперь Лере стало по-настоящему жутко, – Н-ну же, иди.

Вдруг вспыхнул свет, посреди пола Лера увидела пентаграмму, окружённую свечами. Чёрный воск стекал на пол. Катя, тяжело дыша, сначала подняла верхнюю губу, потом опустила нижнюю. Растянула рот в стороны, обнажая маленькие зубы с внушительными промежутками между ними. Лера оцепенела – в жуткой гримасе, искажившей лицо Кати, она распознала улыбку. Хриплым, грубым голосом Катя начала выкрикивать какие-то слова, значения которых Лера не понимала. Она так и простояла на месте ещё несколько се-

кунд, а потом заорала так, что заложило уши, и кинулась обратно к спасительной лестнице. Сильные Петины руки подхватили её запястья, Лера почувствовала холодные пальцы в последний момент коснувшиеся её лодыжек. Данила с шумом захлопнул крышку люка и, смеясь, уселся сверху. Снизу забарабанила Катя.

– Выпусти меня! Выпусти! – надсадный крик чередовался с громкими, неритмичными ударами о железо. Дима и Петя хохотали, Полина рылась в сумке. Наконец она достала здоровый навесной замок, сунула его в проушины люка и защёлкнула дугу. Катя внизу завывала, но вой быстро перешёл в хрип.

– Всё, погнали, – сказал Петя, Полина схватила Леру за руку, и они побежали вверх, потом по коридору, и выскочили на улицу. Темнело.

– Ну чё ты, как, совсем обосралась? – участливо спросил Данила. Капюшон его слетел, обнажая слипшиеся светлые волосы, и неприлично счастливое выражение на лице. Лера замотала головой. Сердце стучало где-то между ушами, руки тряслись.

– Да не ссы ты, нормально всё. Чеканушка эта получила, что заслужила, меньше надо в классе вонять. А родки её помешанные вечером отопрут, когда опять кошек сюда резать припрутся.

– У них в подвале конкретная дичь, – со смешком сказал Петя, – внатуре сектанты.

Из окна второго этажа послышался звук, будто что-то упало. С крыши больницы выпорхнули птицы. Лера взвизгнула.

– Валим! – резко сказал Данила, и они быстро пошли в сторону парка.

На следующее утро Лера до последнего оттягивала момент, когда придётся выходить из дома. Она поглядывала из окна, ждала, когда уже выйдет из дома Полина, чтобы ни в коем случае с ней не пересечься. Но Полина не появилась до последнего, поэтому Лера, скрепя сердце, собралась и почти побежала в школу.

Первым уроком стояла история, что совсем не радовало. Дарина Васильевна имела большой успех у своих учеников за счёт непедagogичной привычки гонять чай в учительской, оставляя класс переписывать параграфы на протяжении всего урока. Но именно сегодня Лере безумно хотелось, чтобы историчка вспомнила о своих обязанностях преподавателя и не дала Маринке возможности устроить Лере допрос с пристрастием. Ещё вечером Лера была готова наврать подруге с три короба. Безбожно приукрасить половину событий, а вторую просто пропустить. Может даже рассказать, как Петя её обнимал. Не пойдёт же Маринка проверять, кто перед ней отчитываться будет? Но после того, как мама стала спрашивать про Гнилорыбову, разговаривать о вчерашнем дне ей не хотелось. Ни с кем и никогда.

Дарина Васильевна подвела. Маринка надела с вопроса-

ми.

– Ну что, – драматическим шёпотом спросила она, – куда вчера ходили? Как прошло? Кто был?

Лера сделала вид, что чрезвычайно увлечена параграфом об общественной мысли эпохи Просвещения. Ладони неприятно потели.

– Слушай, а правда с вами Гнилорыбова ходила? – Маринкин голос выдавал крайнюю степень нетерпеливой заинтересованности.

– Не видела я никакой Гнилорыбовой. Это та стрёмная, с одиннадцатого класса? Да я бы сразу навалила, если бы она с нами пошла, фу. – Лера скривилась. Правда, существуй возможность отмотать время назад, она бы развернулась и ушла сразу же, как увидела Катю. А лучше, вообще бы никуда не ходила.

– А говорят, вас всех вместе видели. Ну а Данила?

– Что – Данила?

– Он же тебе нравился. Может он, – Марина хитро прищурилась и наклонила голову, – тебе предложил встречаться?

– Нет, – Лера скривилась. И как Данила вообще мог казаться ей крутым, взрослым и интересным?

– Так что, Катю Гнилорыбову вы не встречали? Мне маман вчера все уши просвистела.

– Дай параграф допишу, а? Я в четверти хочу нормальную оценку.

– Они к тебе приставали что ли?

– Фу, нет. Мы просто прошлись до Комсомольцев и обратно.

– И всё?

– Марин, всё. Отвали.

Марина состроила оскорблённую мину и уткнулась в учебник.

На большой перемене Лера спустилась в столовку. Школьники шумели, на раздаче толпилась чудовищная очередь. Из дальнего угла столовой раздался свист, она обернулась – Данила махал ей рукой. Лера посмотрела на Марину, но та демонстративно отвернулась. На негнущихся, ватных ногах Лера подошла к старшеклассникам. Полины за столом не было.

– Ты же никому ничего не сказала? – тихо сказал Петя, – слышала, хай подняли из-за Гнилорыбовой, узнают, что из-за нас, в ментовку потащат.

– Где Полина? – спросила Лера.

– Да мы хэээ, шкерится наверное. Ждёт, пока завуча попустит. Короче, если тебя спросят, мы вчера на Комсомольском были, ничё не видели.

– Повтори, – хрипло сказал Данила. Лера заметила, что глаза у него были красные.

– Мы вчера были в Комсомольском парке, – послушно сказала Лера. Петя с Данилой вот так запросто вломили её завучу. Теперь маму в школу вызовут, без вариантов. У Леры вспыхнули уши. Аппетит полностью пропал. В голове по-

очередно мелькали два слова «опека» и «полиция».

– Чё примёрзла опять? Иди, – Данила махнул рукой. Лера поставила поднос на стол и пошла прочь из столовой. Мир вокруг будто оплыл. Что подумают одноклассники, учителя? Что скажет мама? Лера зажмурилась.

– Брагинец! Брагинец! – она обернулась, не сразу сообразив, что завуч выкрикивает её фамилию. Плотная, невысокая Лариса Сергеевна схватила Леру за руку и потащила к себе в кабинет. Ноги стали совсем ватными, тело похолодело.

– Садись. – Лера присела на краешек мягкого стула. Ни с учёбой, ни с поведением проблем у неё никогда не было, поэтому в кабинете завуча она оказалась впервые.

– Ты вчера видела Гнилорыбову?

Лера замотала головой. Щёки Ларисы Сергеевны покрывали неровные, ярко-малиновые пятна, лицо блестело от выступившей испарины.

– Куда и с кем ты вчера ходила после школы?

– В парке К-комсомольцев. С П-петей, Данилой и Полиной из одиннадцатого, – от волнения Лера стала заикаться.

– Что вы там делали?

– Гуляли... – Лера почувствовала, как уши стали совсем горячими. Из глаз полились слёзы.

– Зачем тебе понадобилось со старшеклассниками по паркам шляться? Пили?

Лера отчаянно затрясла головой.

– Полину Звягинцеву видела сегодня?

– Н-нет, не кричите п-пожалуйста, – дрожащей рукой Лера вытерла губы, противные и мокрые мокрыми от слёз и соплей.

Завуч тяжело поднялась с кресла и подошла к сейфу. Она достала тонкую зелёную тетрадку. Лера увидела надпись: «для контрольных работ по русскому языку, Гнилорыбовой Катерины 11“В”». Лариса Сергеевна открыла последнюю страницу.

– Ты можешь объяснить, что это такое?

Последняя страница была сплошь исписана кривыми буквами, наползающими одна на другую. Сквозь пелену слёз было не разобрать, Лера сморгнула, и всмотрелась в текст. «ЛераЛераЛераЛераЛера». Её затрясло мелкой дрожью, то ли от рыданий, то ли от ужаса.

– Я... я не знаю, отпусти-тите меня пожалуйста.

– Будет-будет, – завуч со вздохом погладила её по голове, налила из графина стакан воды. Лера, шумно глотая, выпила, – Пойди в туалет, умойся, в понедельник жду тебя с мамой. Будем с директором разговаривать. И не бойся так, мы тут за вас сами переживаем.

Весь пятый урок Лера просидела на батарее в туалете, математичка несколько раз заходила к ней. Предлагала бумажные платки и тщетно уговаривала не пропускать занятие.

Хорошо, что урок был последний. Она несколько часов бродила по городу, бездумно рассматривая витрины магази-

нов. Похолодало. Закатное солнце било сквозь тучи, оставляя розовые пятна на серых зданиях. Пора возвращаться домой.

В подъезде Лера встретила маму. Она стояла у почтовых ящиков, одёргивала пальто и перебирала скопившиеся письма.

– Мам... – Лера не знала, что говорить. Позвонила ли зауч, рассказала про понедельник, или нет ещё? Ей безумно хотелось отложить неприятный разговор на потом. Сейчас замёрзшая и вымотанная до предела Лера как никогда нуждалась в уютной комнате, чае и привычной маминой заботе.

– Поднимайся, – сухо сказала мама. Видимо, уже знает.

На четвёртый этаж вело бесконечное количество ступенек. Лера вставила ключ в замок, дважды провернула, но не услышала ни скрежета, ни щелчка. Ей показалось, что дверь поскребли. Звук шёл изнутри квартиры. Она прислушалась. Раздался стук, уже отчётливый, в дверь забарабанили с чудовищной силой. «Выпусти меня!» Лера отшатнулась назад, больно ударившись о перила. Волосы на руках поднялись, уши будто стянуло к затылку, в груди ухало. «Выпусти меня!» Голос Кати, надрывный, срывающийся, перемежался с гулкими ударами о мягкую обивку входной двери. Зазвонил телефон. Лера сунула руку в карман, посмотрела на экран телефона. Мама! Руку трясло так, что она едва смогла сдвинуть зелёную полоску на экране.

– Алло мама! Мамочка! Поднимайся быстрее, у нас в

квартире...

– Лерочка, что у тебя? Почему ты кричишь? Я у бабушки, думала остаться до завтра, но хочешь я сейчас приеду?

Лера в ужасе отняла телефон от уха и медленно посмотрела направо. На лестнице ведущей вниз стояла женщина. В мамином зелёном пальто и оливковой шапочке. Женщина с маминым лицом. Она улыбалась.

Артем Чепкасов. Прощай, Чечня

С постановкой отмытой до блеска техники в холодные боксы, а по большей части различными докладами всем и вся да обо всём, управились аккуратно после полуночи. Про отбой, положенный мирным воинским частям в столь позднее время, никто в этот стылый мартовский вечер и не вспомнил. Так уж повелось в армии, когда каждый, исполняя приказ вышестоящего начальства точно и в срок, любил-таки беззаботно усмехнуться или недовольно пробурчать: "Что положено, на то наложено" или "Служи, сынок, как я служил, а я служил, как дед служил, а дед на службу положил". К тому же, всё равно никто бы не уснул. Эдакое событие – дивизия, про которую пугали, что её всю в Грозном сожгли, вернулась почти в полном составе. Живая и невредимая. И тихой, безмолвной радости не было границ.

Но как только вокруг стихли работы, и все замерли в строю чумазые, вымотанные, а всё одно счастливые да попыхивая паром изо ртов, от неё не осталось и следа. От радости, захлестывавшей всё больше и больше и уже не позволявшей ровно дышать по мере того, как длиннющий состав с надписями едва ли не на всех вагонах и платформах: «Прощай Чечня» невыносимо медленно подтягивался к заветной станции, умиротворённо гремя сцепками на стыках рельс. А потом до вечера разгружали с платформ тяжёлые, непово-

ротливые боевые машины да, сменяя друг друга на короткий перекур, выносили ящики с боеприпасами и прочей матчастью, после чего триумфально двигались нескончаемой колонной через весь городишко в сопровождении гаишников к пункту постоянной дислокации воинской части.

Полторагода года назад, в сентябре, день в день, на вокзал отсюда уходили тоже ночью. И самыми первыми из округа, потому как не просто мотострелки, а гвардейцы. Война тогда ещё только – только началась и кому, коли не им во главе федеральных сил, вновь следовало заходить в пугающую свежей памятью о последней мясорубке Чечню? Однако уезжали скрытно и без проводов. Лишь матерям, и то не всем, да жёнам, у кого они имелись, и шепнули, мол, на учения. И никто из родных, само собой, не поверил – с августа ведь все первые новости только из Дагестана и шли. Но, всё понимая, дорогие офицерам и контрактникам с прапорщиками их женщины промолчали, не дав воли и слезинке. Потому-то каждый и изнывал теперь в шеренгах от нетерпения, и Виталий сразу же, как только услышал: «Вольно, разойдись», обратился к ротному:

– Товарищ капитан, мне тоже надо бы...

– Что?

– До дому. Соскучился.

– Не понял, сержант. У тебя же нет никого. Тебя же и не встречает даже никто...

– Да, есть у меня, мать, – перебил Виталий. – А не встре-

чает, так мало ли. Вот я и хочу туда – обратно быром сгонять, узнать, что к чему там.

– Нет, сержант, давай-ка уж до утра. Я роту на тебя хотел оставить, а то срочникам куда без догляду-то, наворотят тут делов спьяну...

– Товарищ капитан, – протянул Виталий, но жалобно не получилось.

– Не канючь, сержант. Я же думал ты сирота, все так говорят за тебя, да тебе никто и не писал ни разу, ну, и сам ты тоже никому...

– Товарищ...

– Да, пойми ты, Виталь, я бы и сам с ротой остался, моя же рота, я командир, мне и отвечать, но меня-то встречают. Жена вон, дочка. Ждали, писали. И взводных наших тоже. Давай до утра, а, дружище? А утром разберёмся. Я раненько буду, до подъёма ещё, мне же теперь документации уйму заполнять, до следующей войны хватит писанины... Решили, до утра, да?

– Есть, до утра, товарищ капитан.

Спорить с командиром роты было бесполезно. Виталий это знал и, негодуя сам не понимая на кого больше: на себя ли, на ротного, а то и на мать, быстро пошёл в казарму.

О том, что едет на Северный Кавказ, Виталий никому не говорил.

Матери было всё равно. После похорон отца, что случились перед самым призывом единственного сына в армию,

она с редкими перерывами пила со всеми подряд. Так что, скажи Виталий ей о командировке, и эта весть стала бы всего лишь очередным удобным поводом бухнуть да прослезиться – мать сына на войну провожает. И тут же забыть из-за чего накатила очередной стакан.

Точно так же ведь и на проводах было. Да и потом, зная, что Виталю оставили служить в родном городе, мать за всё лето ни разу его не навестила. И даже на присяге не была. А потому, после всех положенных по случаю воинской клятвы торжеств, Виталю, насилу отпросившись у командира в первую увольнительную, мчался к дому, громыхая тяжёлыми кирзачами на всю округу и уговаривая себя же не волноваться. Впрочем, волноваться было и не о чем – пьяная вдрызг мама спала и когда Виталий кое-как добудился её, отборным матом послала его куда подальше, гордо заявив, сын дал слово, быть Родине верным всегда, везде и во всём, вот она и пригубила винишка чуть-чуть. Имеет право – настоящего мужчину вырастила. Кровинушку свою в солдатской новенькой форме она попросту не узнала, и Виталю к ней больше ни разу не ходил, вызывая тем самым непонимание сослуживцев – служба-мёд: дом за забором, жратвы завались, постель нормальная, человеческая и гуляй не хочу, а он безвылазно торчит в дивизии. Но зато все приняли, как должное, когда Виталий вместо долгожданной демобилизации из опостылевшей вечной своей непролазной грязью Чечни, подписал контракт и остался в горячей точке. Да и не

до того было, чтобы удивляться – в те дни дивизия как раз в полном составе перескочила от Шали, где гнила с поздней зимы, поближе к Шатою. Кругом всегда невидимые боевики, густая зелёнка и горы до самых небес, через которые рукой подать до Грузии.

Друзья: один со школы, другой из технаря. Он их когда-то и познакомил и в армию тоже оба ушли вместе с ним: Миша на Тихоокеанский флот попал, как и мечтал, а Серый в Подмосковьё угодил – в вэвэшники. В самом начале службы, ещё до войны Виталий по разу им написал, и друзья вскоре ответили, тоже день в день, как и призывались. И вдруг стало ясно, писать друг другу не о чем – всё у всех одинаково. Служба солдатская.

Девушка у Виталия, конечно же, тоже была. А как без неё в восемнадцать-то с половиной лет? С грустным, как зимнее море именем Марина и такими же грустными карими глазами. Дружили с техникума. Пару раз целовались, жарко обнимались в тёмном подъезде, но не больше того. Марина была сиротой, жила с бабушкой – колясочницей и практически всегда была занята, а потому не до глупостей ей там всяких с по-настоящему взрослыми отношениями. И можно ли было назвать девушку своей в полном понимании этого слова, Виталий никак не мог решить. Вернее, решил: вернётся с войны, тогда и скажет ей всё, а она пусть отвечает, хочет с ним дальше или нет.

В Чечне на отдыхе между боевыми выходами, он несколь-

ко раз принимался писать ей письмо, но, не зная, что же рассказать на замусоленном листочке в клеточку, ни одного сочинения о своей первой и единственной любви так ни разу и не закончил. В свободные минуты Виталий боялся вынуть из кармана фотокарточку Марины да взглянуть на неё. Казалось, если достанет и посмотрит, то девушка сразу же окажется рядом с ним в ротной палатке и начнёт задавать вопросы, ответить на которые он не сумеет. Однако порою Виталий всё же набирался смелости и неотрывно смотрел на фото, тщетно пытаясь понять, любит или нет? Он её, а она – его? Да и Марина рядом не появлялась и ни о чём его не спрашивала. И в такие самые мучительные для него мгновения, Виталию становилось ясно, девушка о нём и не вспоминает. Но чего он ждал, уехав в неизвестность тайком? А с другого боку, что он должен был ей сказать, уезжая? Чего такого пообещать, если не знал, вернётся ли и не понимал, а есть ли между ними то чувство, от коего люди способны на любое безрассудство?

Но вот пришёл час окончания войны, и он вернулся. Живым. И теперь он больше кого-либо другого имеет право любить. И Виталий ехал по родному городу в колонне да с то угасающей, а то оживающей надеждой выглядывал из кабины Урала. А вдруг и она, Марина, здесь. Среди вот этих вот девчонок и женщин по обочинам, что плача от одновременных радости, горя и жалости, счастливо шепчут, повторяя написанное на бортах огромных военных машин: "Прощай

Чечня" да бросают под колёса охапки цветов. Да, Марина точно здесь, просто он её в толпе не видит. Много хороших людей вышло их встречать – от повальной безработицы и повсеместной невыплаты зарплат, половина городка, если не весь, служат и работают в дивизии. Не сам кто-то, то обязательно родственник или товарищ. Дивизия, по сути, и была всем этим городком. И Марина, верное слово, приходила к КПП, спрашивала о нём, а ей, разумеется, сказали, что он уехал в Чечню. И всё это время девушка верно его ждала. А не писала потому что не знала толком, куда. Да, и никто не знал.

Поначалу дивизии предстояло бить бандитов в Дагестане, вместе с остальными частями, принявшими на себя первый удар хаттабовцев, но уже в пути следования её внезапно перекинули в Кизляр близ Моздока, где до самого последнего дня необычайно тёплого и сухого для сибиряков октября торчали в резерве. И лишь в ноябре, растянувшись на много – много километров от Осетинской границы, походным порядком выдвинулась к северным окраинам Грозного, где и проторчали в холодных окопах половину зимы на Терском хребте под еженощным снайперским огнём чехов. Никто не знал, чем закончится блокада чеченской столицы, но боевики в итоге из города ушли и попали в жуткую ловушку. Война – кто кого обманет, тот и победил в сражении. Честность на современной войне – это для книжек. А дальше были Гудермес, Аргун, Шали и Сержень-Юрт. И везде в гвардейцев

стреляли, а они отвечали. Война – и где уж тут письмам доходить до солдат. Прямо как в той песне. То, что другие бойцы почту получали исправно, Виталия не смущало. Ровно до тех пор, пока колонна не вернулась в часть.

Его одного не встречали. Его одного не ждали. О нём все давно забыли.

Тщательно проверив комнату хранения оружия и сверив все номера автоматов да трижды пересчитав ящики с патронами и гранатами, Виталий провёл ленивую поверку личного состава. Скомандовав «отбой», он приказал дежурному по роте, строго следить за порядком в расположении и ушёл таки в самоволку. Через знакомую ещё с довоенных времён дыру в заборе на дивизионном хоздворе. Контрактник, а как срочник, но ему даже понравилось. Он быстро шагал по улицам обезлюдившего ночью, и что самое небывалое, целого города да постоянно оглядывался, прислушивался. Знал, его не остановят, но так ему было привычнее. Словно и не было полутора лет войны, а его самого только вчера призвали во солдаты. И всю дорогу до дома думать именно так ему было спокойнее и радостнее, пока он не подошёл к кирпичной четырёхэтажке, где в правом окне третьего её подъезда горел свет.

От волнения Виталий не сразу нащупал в карманах бушлата пачку папирос. Трясущимися руками прикурил, но тут же выбросил окурочек и, громко хлопнув дверью подъезда, через две ступеньки взбежал на последний этаж. Свет горит в

кухне. Мама знает, что он вернулся и ждёт его. Наготовила всякого вкусного. И Марина, ясное дело, в гостях у неё. Тоже ждёт, волнуется, почему так долго нет любимого – война-то кончилась, дивизия вернулась, потеряв за всю командировку под сотню лучших своих солдат и офицеров.

Не думая о том, что никогда не говорил Марине свой адрес, Виталий одёрнул форму, поправил шапку и сначала тихонько, а потом громче и ещё громче постучал в обитую облезшим дерматином дверь. И открыли ему сразу. Соседи. Заспанная Антонина Фёдоровна – бывшая учитель химии у Виталия, безразлично взглянула на него.

– Стучи, стучи. Дома она, я видела. С возвращением тебя.

– Спасибо, – всего и успел ответить Виталий уже закрывшейся двери соседей и, понимая, что пришёл зря, со всей злости дважды пнул по двери родной.

Ему опять не открыли, и он снова достал папиросы да, спустившись на пролёт к окну, задымил. Курил долго, а когда в горле нестерпимо засадило, стал медленно спускаться вниз и вдруг услышал до боли знакомый щелчок дверных замков.

– Э, служивый... Слышь, в натуре... Ээ, брат, закурить дай...

Виталий обернулся. На пороге его квартиры стоял незнакомый ему маленький, лохматый мужик в семейных трусах и с голым торсом, сплошь исколотым синющими церквями, да ещё какой-то арестантской живописью.

– Ты кто? – поднялся Виталий обратно. – Мать где?

– Чё? Какая мать?

– Моя мать, – Виталий приблизился вплотную, посмотрел в глаза. – Хозяйка квартиры.

– Ааа, Зинка что ли? – пахнуло сильным перегаром. – Так, тама... Дрыхнет... Закурить, говорю, дай...

– На, – Виталий сунул пачку в растопыренную в готовности руку мужика и бесцеремонно шагнул через порог.

– Ээ, а ты куда в натуре? Ты кто? Стой, слышь...

Виталий не слушал и, не разуваясь, да не найдя матери в двух тёмных комнатах, нестерпимо воняющих чем-то кислым, прошёл в кухню. Да, мама была здесь.

Сидя за столом на краю старой табуретки, она спала, уронив всклокоченную голову на опухшие руки, по которым шустро разгуливал таракан, не в силах принять решение, с какой именно из многочисленных крошек ему стоит приступить к трапезе. Водки, оставшейся на самом дне бутылки, на секомое очевидно не желало и милостиво оставляло её непутёвым хозяевам.

– Мам, – коснулся Виталий родной руки, сняв шапку да убрав её за затвердевшую от грязи занавески. На подоконник, зачем-то застеленный старыми газетами.

– Ты чё тут делаешь, а? – послышалось из-за спины и к тошнотворным ароматам непрекращающихся пьянок прибавился тяжёлый папиросный дым. – Чё ты к ней пристал, в натуре?

– Мам. Мама, это я, Виталья, сын твой. Я вернулся, мам.

– Чё? Витёк, ты что ли? – не веря в услышанное, взвизгнул мужик. – Ты откуда?

– Заткнись, я не Витёк, – процедил Виталий, не оборачиваясь и продолжая легонько тормошить мать.

– Ой, этот... Как тебя тама? Виталик, во, да, Виталик, точно, да... Ну, не обижайся ты, чё ты в натуре... Ну попутал, подумаешь...

– Сыночка, – мать, которую казалось ничем уже не разбудишь, неожиданно подняла голову, но вовсе не удивилась.

– Сыночка, сыночка, – передразнил мужик. – Ты же болтала, его это, того, в натуре... В Чечне кокнули...

– Отстань, – отмахнулась мать. – Значит, ошиблась. Не убили и хорошо...

Она встала с табурета, крепко, по-родственному, обняла Виталия и попробовала заплакать, но у неё ничего не вышло.

– Кушать хочешь, сыночка?

– Можно...

– А я щас быстро, сыночка... У меня пельмешки есть, с майонезом, с кетчупом... Всё, как ты любишь, я помню... Будешь, да?

– Буду, – согласился Виталий и грубо забрал у мужика свою пачку с папиросами. – Только, мам давай в комнате поедим, телек там включим, посмотрим, а то грязно у тебя тут. И этого пассажира, мам, давай, гони отсюда, а с утра мы с тобой тут порядок...

– Эээ, слышь, ты... Кого гони? Меня гони? Тебя гони...

Оборзел, в натуре... Ты кто такой здесь?

– Не ори, – прикрикнула мать на мужика, копошась в морозилке неимоверно тарахтящего холодильника. – Я ща быстро, сыночка, я быстро. А гнать Сеню не надо. Сеня мой муж.

– Который по счёту? – грустно ухмыльнулся Виталий. – Ладно, не суетись, мам, я в дивизии поем.

– Нет, нет, нет, – вцепилась мать в рукав бушлата, швырнув начатую пачку пельменей на стол так, что несколько вывалились на давно немытый пол, и она их тут же кинулась собирать да складывать обратно в пакет. – Ты что это, сыночка, я тебя столько ждала, а ты уже уходишь.

– А я не пойму, мам, ты меня мёртвого что ли ждала? В цинке, чтоб пенсии тебе подкинули, или живого всё-таки?

– Живого, конечно, живого, ты что такое городишь, сыночка? Глупости какие. Сене спьяну послышалось, он и болтает...

– Чё спьяну? Чё спьяну, в натуре? – возмутился новый мамин муж, самодовольно пошкрябывая нестриженными ногтями впалые брюхо и бока. – Сама же...

– Не ори! – снова потребовала мать ртом без передних зубов и принялась безуспешно стаскивать с Виталия бушлат. – Вы, сыночка, с Сеней пока проходите в комнату, проходите. Поговорите там, познакомьтесь. Он хороший, он тебе понравится. Он знаешь тоже сколько всего повидал по тюрьмам-то

да по зонам?

Виталий чувствовал, лучше бы уйти, но взгляд её, маминых, таких родных, таких влюблённых в него и вместе с тем таких обеспокоенных за него серых глаз, остановил. Точно так же она смотрела на него, когда маленького купала в ванной и когда лечила от гриппа, и когда он на той табуретке, где она теперь спала, стоял у новогодней ёлки да громко взахлёб читал стихи папе – Деду Морозу.

Виталий остался и первым прошёл в совершенно пустой зал с ободранными в нескольких местах обоями и до слёз скрипучими полами. Нащупав по памяти выключатель, Виталий ненадолго зажмурился от яркого электрического света, а когда открыл глаза, телевизора на его прежнем месте, как и тумбочки из-под него, не увидел. И нигде их не было. Однако спросить, куда всё подевалось, Виталий не успел – в комнату, крепко зажав подмышкой полную бутылку водки, а в руках держа вилку с двумя вымытыми стаканами и двухлитровую банку с мутным рассолом, в котором барахтался одинокий большой огурец, по-хозяйски вошёл Сеня.

– Ты садись, садись, – указал Сеня подбородком на разложенный промятый диван, который Виталий помнил с детства, хоть со временем тот и стал совершенно неузнаваем. – Не стесняйся, чё ты в натуре... Будь, как дома, не забывай, что в гостях...

Глядя, как Сеня, поставив банку прямо на пол, ловко разливает водку из бутылки по стаканам, Виталий послушно

сел.

– Ты там, в Чечне своей кем служил? – Сеня протянул Виталию стакан.

– Сначала помощником гранатомётчика, а потом, как контракт подписал, замком взвода назначили. А ты давно с матерью?

– Давно. Пятый месяц, – кивнул Сеня и скомандовал. – Ну, давай, за возвращение твоё, солдат, да... Прощай, Чечня, в натуре...

Пить Виталий не хотел. Нет, хотел, даже мечтал об этом и не раз видел во снах, как приходит с войны домой, где ему все искренне рады, где его ждали и где его любят и усаживают его за богато накрытый стол. Но так, как получалось на самом деле, Виталий пить не хотел.

– Ну, ты чё жмёшься, в натуре, сынок? Ты папку слушать должен. Я если с мамкой твоей живу, то папка тебе, – презрительно усмехнулся Сеня, присев на корточки подле Виталия и уже выпив, не закусывая, тут же налил в стакан снова. – Чё ты? Давай, давай, за возвращение твоё, за пацанов твоих убитых. Сам убивал?

На последний вопрос Виталий не ответил и выпил вперёд Сени.

– А я убивал, в натуре. Понял, сынок? – Сеня опрокинул вторую рюмку и, пристально посмотрев в глаза Виталия, как можно зловеще процедил. – Я убивал, слышь, сынок... Мне человеку кишки выпустить, раз плюнуть, понял?

– Понял, – Виталий, уже и в самом деле всё поняв о собеседнике, взял у него бутылку и сам налил себе в стакан до трети. – Мам, пельмешки-то скоро там?

Мать не ответила, и Виталий встал с дивана.

– А ты её ща не зови, не надо, – поднялся и Сеня. – Я ей сказал, не ходила чтоб покудова к нам... Ты вот выпей лучше ещё и со мной поговори, давай, да... По-мужицки, в натуре...

– Давай, – Виталий выпил водку большими глотками и ловко выудил из банки огурец.

Откусив сразу половину, он пережёвывал и внимал собеседнику.

– Как жить будем, сынок? Хату как делить, в натуре? Я, значит, пассажир, ты базаришь? А ты сам кто тут? Ты чё сюда припёрся? Ты где был всё это время, а, в натуре? Не было тебя тут, а я был и как бы пообвыкся уже. Мамку твою люблю, от других там всяких – сяких оберегаю, пока ты непонятно где и за что воюешь... Потому, как я скажу в этом доме, так в этом доме и будет...

– Не, не будет. Я-то вернулся и надобность в тебе отпала, папаша, – ухмыльнулся Виталий, покрепче сжав горлышко бутылки.

– Э, не, ты мне, в натуре, не хамя, щегол...

Костлявой руки до горла Виталия Сеня протянуть не успел. Виталий первым разбил бутылку о голову нового мужа матери и по небольшой комнате стремительно расползся

противный запах сивухи.

– Ты, чёрт, в натуре творишь?! – заверещал Сеня, вытирая одной рукой с пропитой морды кровь вперемешку с водкой, а другой нашарив на полу осколок стекла. – Я тебя порешу ща, сука!

Но встать с пола Сеня не успел. Виталий, словно опять оказался в горячке жаркого боя, схватил мужа матери за волосы, со всей силы рванул на себя и ударил головой об пол. Дикий крик оглушил, но не остановил.

– Я тебе не сынок, – Виталий схватил противника под мышки и выволок в коридор. – Пошёл вон из моего дома.

– Ну, всё, хана тебе, в натуре, отвечаю, – пообещал Сеня. – Я мужиков ща в натуре покличу ...

Страшно не стало, а вот злость обуяла ещё сильнее. Со всего маху Виталий пнул Сеню по голове. Затем опять подскочил к нему, уже предсмертно хрипящему, всё так же легко поднял его под мышки и выволок на лестничную площадку, где, сам не издав ни звука и затаив дыхание, несколько раз ударил безвольной головой соперника о бетонный пол. Чужой крови, что забрызгала его, Виталий уже давненько не боялся и когда Сеня окончательно затих, он спокойно уселся рядом с ним на ступеньку да задымил папиросой, даже не думая о том, что убил человека. Снова убил.

– Никого ты, сявка подшконочная, не убивал. Те, кто убивали, никогда сами об том ни с того, ни с сего не скажут. Уж я-то знаю.

А убивать Виталию приходилось. Ровно год назад, прошлой уже зимой. Под Автурами, когда на очередной зачистке из неприметного окна, заколоченного досками, вдруг автоматной очередью навсегда свалило старшину роты и с ним ещё двух солдатиков. В считанные секунды Виталий, оставшись один и ещё никогда не видевший врага столь близко, выхватил РПГ у корчащегося от боли в простреленных ногах своего первого номера, машинально сунул в трубу заряд и выстрелил в окно. И только потом оттащил раненого, потерявшего сознание напарника в укромное место да там, перевязывая, и осознал, что только что убил. По-настоящему. И ему потом за это медаль ещё дали. И вот теперь мёртвый Сеня для Виталия был просто очередным поверженным боевиком.

Из своей квартиры выглянула всё так же заспанная Антонина Фёдоровна. Мельком посмотрев на обоих, она тяжело вздохнула:

– Ох, и ты туда же, Виталик. За что воевал тогда? Чтобы лакать эту гадость с этим вот... Тоже мне, нашёл себе нового отца...

Но, заметив кровь и, несомненно, обо всём догадавшись, бывшая химичка молча закрыла дверь.

Виталий встал, неспешно вернулся в квартиру, зашёл в кухню, где, вновь сидя на краю табуретки, тихо плакала мать и взял с подоконника свою шапку.

– Он добрый и не убивал никого, – прошептала мать,

всхлипывая. – За кражи сидел. Подумаешь, попонтоваться хотел, себя перед тобой поставить...

– Об этом я и без тебя догадался, – Виталий допил остатки водки из той бутылки, что давно все забыли на столе. – На кого ты вот отца променяла, объясни мне. Лучше бы одна дальше жила.

– Ну, убей меня теперь, сыночка! Убей! – взревела мать. – Убей, ну же! Это же так просто, так легко, человека раз и туда, в могилу, да... И кто вас, убийц, только в мирную жизнь пускает обратно из Чечни этой, проклятой?! Зачем?! Чтобы вы и здесь тоже убивали?!

Виталий хотел сказать матери, что она дура и давно уж пропила все мозги, но не стал, а, напялив шапку да подняв ворот бушлата, вышел из родной квартиры. Наверняка зная, что в этот раз навсегда.

Прекрасно помня родной город, Виталий шёл по скользким улицам и совершенно его не узнавал. Отпиная со своего пути снег, он долго брёл притихшими дворами, сам не зная куда. Много раз останавливался и курил, без особого интереса оглядывая такие знакомые с детства, но уже давно ставшие чужими здания.

Действительно, а зачем он вернулся? О том, что будет дальше, Виталий и вовсе не задумывался, но вот зачем пришёл с войны – этот вопрос, заданный мамой, которая вряд ли знала, для чего живёт сама, безжалостно сверлил обиженное самообманом сердце.

Как Виталий оказался у дома Марины, он и сам не понял, но разглядывая все его сплошь тёмные окна куда с большим трепетом, нежели час назад светящееся окно в родной кухне, узнал он этот дом тоже сразу. Вошёл в подъезд. Второй этаж направо, секундное размышление, надо ли, и уверенный нажим на кнопку электрзвонка. Трель по ту сторону двери не умолкала, пока там не послышались лёгкие шаги.

– Кто?

– Я Виталий. Марину позовите, пожалуйста.

Дверь, прежде чем бесшумно отвориться, будто бы тоже была живой и всё – всё в отличие от Виталия понимала, а потому могла ещё сожалеть о содеянном, о чём-то долго думала, и лишь спустя самую длинную – предлинную минуту в жизни любого человека сказала голосом Марины:

– Уходи.

– Не уйду, пока не поговорим, – резко осадил Виталий.

– О чём?

– О нас.

– Нет никаких нас, Виталя. Я замужем давно.

– А чего же тогда ночью сама к двери подходишь, а не муж, – зло ухмыльнулся Виталий. – Открой, Марин. Нет никакого мужа, я же знаю, бабушка у тебя инвалидка, не до мужа тебе с ней, а я как раз помогу...

– Бабушка давно умерла. Уходи, Виталя, а то милицию вызову. Муж как раз на смене, его наряд быстро приедет.

И больше они не разговаривали. Но и он, и она долго ещё

стояли по обеим сторонам закрытой двери, и каждый верил, что кто-то из них уже сдался первым. Или Марина – любимая жена неизвестного милиционера, пошла досыпать, или Виталий, никому ненужный в целом свете, снова ушёл в холодную предвесеннюю ночь. И первым всё-таки оставил в покое притихшую в нерешительности дверь именно он. Но, спускаясь по ступеням, слышал, как Марина открыла дверь, тихо вышла на площадку и молча провожает его грустным взглядом. Таким же, как и её имя. Оборачиваться и возвращаться Виталий не стал и снова долго курил на единственной целой лавочке в её дворе.

И лишь когда пачка папирос опустела, Виталий решился. Миха – школьный дружок жил в соседней с Марининым домом девятиэтажке, и пока он откроет дверь, ждать не пришлось.

– Вит! Кореш! Ну, ничего себе!

– Да, не кричи ты так, домашних перебудуешь, – с трудом освободившись от неловких, но искренних объятий, Виталий облегчённо выдохнул тому, что хоть кто-то в эту длинную ночь бессмысленного его возвращения домой, по-настоящему был ему рад.

– А нет никого, – заявил Миха, пропуская гостя вперёд. – Предки меня как женили, так дом в деревне прикупили и умотали туда старость коротать, а хату мне оставили.

– Ааа...

– А жены тоже нет. Ушла на временное проживание к ро-

дителям, пока я не повзростею. Ей лучше с ними, чем с моим компом.

– Всё так же геймишь? – опять улыбнулся Виталий, раздеваясь.

– Ну, так, – уклончиво ответил друг. – Знаешь, пока по морям да океанам бороздил, новые геймухи вышли, интересно так погонять. Сейчас игровая индустрия начинает развиваться только, и я боюсь представить, что дальше будет. Одно слово, искусственный интеллект, это тебе не тетрис. Я даже сам подумываю, взяться и создать какой-нибудь крутой шутер, но пока в основном работаю, а играю редко.

– А где робишь? – Виталий оглядел длинный широкий коридор, в котором они ещё первоклашками играли в прятки, с удовольствием прячась друг от друга во встроенных шкафах. – А ничего, смотрю, не изменилось.

– Вит, чтобы что-то изменилось, деньги нужны, а их нет пока. Но ничё – ничё, дайте срок и всё будет, и деньги, и ремонт, и жена тогда вернётся. Да, ты проходи, проходи, чего в коридоре торчать. Я ща организую по-бырому на стол нам...

Виталий прошёл в зал, с удовольствием отметив, что родители друга всегда, даже после дефолта, умели жить на широкую ногу. Квартира кооперативная, улучшенной планировки – некогда мечта его родителей.

– В новой фирме я вкалываю, Вит, по ремонту компов как раз. Не раскрутились, правда, пока ещё, но ничё – ничё, дайте срок, – радостно бубнил Миха из кухни. – Так что, если

надумаешь себе брать...

– Не, я не надумаю. – прокричал в ответ Виталий, поудобнее усевшись в кресло. – Мне больше по старинке нравится. Классика: тачки, тёлки, дискач, дача с шашлычком и банькой. Деньжат привёз немного, посмотрю, на что хватит...

– А ты чего в крови-то весь? И бушлат, и штаны вон, и руки, – беззаботно спросил Миха, вернувшись в комнату и поставив на журнальный столик бутылку коньяку да блюдце с дольками лимона в сахаре.

– Ааа, да, это я подрался только что на улице. – оглядел Виталий свои руки так, как будто впервые увидел на них кровь. – Пошёл до Маринки, а там гопники какие-то прицепились. Закурить им дай... Ну, я и дал...

– Понятно. И не ври. Понятно же, что с мужем её – мен-том вонючим сцепился. Как был ты, Вит, баюном, за любую несправедливость в драку без лишних слов, так и остался. Ладно, дуй в ванную, умойся. И полотенце любое там бери, а я пока пельмени поставлю. У меня майонез, кетчуп есть. Всё, как мы любили до армии...

– Да, и в армии тоже, – Виталий громко засмеялся.

– Ну, не знаю, как в пехоте, а у нас на корабле пельмени только офицеры трескали, хотя и нам, матросам, грех жаловаться, кормили тоже не обидно, – поддержал Миха и вдруг спросил совсем серьёзно. – Вит, а ты же оттуда?

– Откуда? – перестал Виталий смеяться.

– Ну, оттуда... Ну, из Чечни, да? Я слышал, дивизия наша

сегодня совсем вернулась. У меня с работы там бегали все, встречали своих, а мне встречать некого, так я и не ходил. Слух же был, что убили тебя там ...

– Так это только слух, – вздохнул Виталий, направляясь в ванную.

– Это да, всего слух. А вот бы и с Серым также, чтобы тоже только слух, – проговорил Миха тихо, но Виталий резко остановился и развернулся.

– А ты не знал, да, – понял Миха и открыл коньяк. – Я рюмки забыл принести, так давай из горла прям. За Серого. Ты первый давай...

Выпили по очереди. Миха сморщился и закусил, Виталий не стал.

– По весне, в том году ещё. На mine, в ошмётки, а что собрали, то в цинке привезли. Но отец его здесь, в нашем морге просил, чтоб вскрыли гроб, а то бывало же такое, когда не того в гроб ложили. Короче, он это, Серый, точно... Под Шали где-то всё случилось.

– Под Шали? Я тоже там был...

– Да, вы все там были, – вздохнул Миха, наливая по-новой. – Там Чечни-то той, меньше нашей области, а со всей страны туда армию согнали. Зачем? Не могли парой дивизий справиться? Таких, как вот твоя, к примеру, гвардейская?

– Значит, не могли. А что и зачем было, время покажет, – Виталий вдруг ощутил, что совершенно трезв и пить больше не хочет. – Ладно, пойду я, Миха.

– А пельмени?

– Не надо, меня матушка ими досыта уже накормила.

– Заходил? – усмехнулся Миха.

– Да, – усмехнулся и Виталий.

– Так же бухает всё по-чёрному?

– Нет, завязала.

– Врёшь.

– Вру, – кивнул Виталий. – Но это никого не касается.

– Так оставайся, переночуешь у меня. Посидим, закусим,

поговорим...

– Нет, Миха, мне в дивизии надо быть. Я так-то там за старшего сегодня в роте, а сбежал, прям как мальчишка, ей богу. Вас всех увидеть хотел, – Виталий решительно встал с кресла. – Я сильно скучал по вам на той войне, но теперь, извини, понял, разные мы и дальше нам не по пути ...

– Слушай, кореш, ерунду порешь...

Миху прервал неожиданный звонок в дверь, и он машинально взглянул на настенные часы.

– О, а кого это черти принесли в четыре утра? Прям как фашисты в сорок первом...

Миха протопал в коридор, и Виталий слышал, как он открыл дверь. Но ещё раньше отчётливо понял, кто мог прийти и зачем. И не ошибся.

– Вит, я что-то ничего не понял, но тут тебя спрашивают...

– Не волнуйся, дружище, – успокоил Виталий, глядя на

милиционера на пороге комнаты.

– Кутепов Виталий Александрович, тысяча девятьсот восемьдесят первого года? – настороженно уточнил лейтенант милиции, впившись взглядом в Виталия и главным образом в засохшие уже капли крови на его форме.

– Так точно, – ответил Виталий.

– А я участковый здешний, лейтенант милиции Сергуненко. Меня коллеги попросили проверить квартиру на предмет вашего нахождения здесь.

– Арестовывать пришли?

– А есть за что?

Неотступно глядя в глаза напрягшегося милиционера, Виталий лишь ухмыльнулся.

– То есть, вы всё знаете, и всё признаёте? – не поверил милиционер.

– А к чему отпираться? Вам же мать и соседка всё уже рассказали. Свидетели...

– В таком случае, собирайтесь. И побыстрее, пожалуйста, а то у меня заявок ещё много.

– Конечно, конечно, – заверил Виталий и, подмигнув ничего не соображающему Михе, степенно прошёл в коридор мимо мента.

Через секунду он, чтобы прибавилось больше силы, намертво сцепив зубы, да не обращая внимания на оторопевшего друга, страшно рычал и что было силы душил барахтающегося мента сзади, а когда тот обмяк, Виталий осторож-

но опустил его на пол да, нащупав в кобуре пистолет, сноровисто вынул оружие. Привычно проверив магазин, сержант загнал патрон в патронник.

– Миха, ты покуда стой тут и не дёргайся, – направил Виталий ствол на хозяина квартиры, не включив предохранитель. – И этому полудурку помоги, как уйду. Я его не до конца додавил, жить будет. Объяснишь, пусть правила зачистки изучает, а то хватило же ума, запереться одному в хату, где убийца сидит...

Продолжая держать на мушке друга, Виталий сноровисто одной рукой накинул на плечи бушлат, напялил шапку, обулся и, спрятав концы не завязанных шнурков внутрь берцев, спокойно, не суетясь, выскользнул из квартиры.

– Прости, Миха! Так надо!

Изумлённый до крайности школьный друг ничего не ответил, а на выходе из подъезда Виталий увидел милицейский уазик и первым выстрелил в направившегося было к нему милиционера. Но промахнулся и следующий выстрел прогремел уже в него. Меткий, точно посередине распахнутого солдатского бушлата и лёжа в подтаявшем сугробе, чувствуя, как с каждой секундой становится невесомее, Виталий шептал и шептал лишь одно:

– Прощай, Чечня.

И окровавленным ртом, зная, что у него пробито лёгкое, улыбался тому, что наконец-то дома ...

Алексей Грашин. Не стучи в дверь мою, ангел

В волонтеры Киру подписала Ветка. Эта рыжая проныра в любую ммм... дверь пролезала, как говорится, без мыла – отвернёшься, а она уже в курсе всех новостей и, что гораздо важнее, знает все плюсы, минусы и бонусы спускаемых сверху общественно-полезных нагрузок.

– Ты чё, Кирюха, не тупи, – зудела Ветка ей в ухо на паре по сестринскому делу. – Областной онкологический! Ты видела хоть здание? В прошлом году только построили, с нуля всё! Хорошо себя покажем – возьмут после колледжа без вопросов. Там конкурс девять человек на место! Или ты хочешь в Заводской из-под бабок старых до пенсии утки выносить?

В Заводскую – старейшую городскую больницу – Кира не хотела. Старейшая она и есть старейшая: облезлая штука-турка, текущая крыша корпусов, оборудование времён царя Гороха и неопределённые сроки капремонта, в каждом наступившем году сдвигавшиеся на следующий.

– Вет, я не знаю, – прошептала она. – Там, говорят, тяжело, в онкологическом. Угнетает. Я, наверно, не выдержу. Я же впечатлительная.

– Тяжело ей! – поразилась Ветка. – Полы тебе мыть в За-

водской будет легче, что ли?

Ветка всегда утрировала, когда злилась. Медсёстры не могут полы и не выносят утки. Это работа нянечек и санитарок. Хотя попадешь в Заводскую, будешь там и нянечкой, и санитаркой, и ещё фиг знает кем на полставки... Кира шикнула на подругу.

Замдекана Вениамин Аркадьевич, который вёл специальность в этом году, посмотрел в их сторону поверх толстых очков.

– А доктора? – Ветка понизила голос. – Ты знаешь, какие там врачи, Стёпка? Молодые все, из Москвы, из Питера! Там зарплаты за двести! Красавцы! И тачки на стоянке дешевле, чем за два ляма нет ни одной!

С козырей заходит, мрачно подумала Кира.

– Таак, кто это у нас там на шестом ряду? – протянул Вениамин Аркадьевич. – Степанова, Мухина! Ну-ка повторите, что я только что сказал!..

Оформляться волонтеркой (революционерка Ветка принципиально использовала только феминитивы – «докторка», «авторка», «космонавтка») оказалось довольно мутно. Если бы не Веткино неиссякаемое шило в одном месте, Кира бы бросила в самом начале. Анализы, процедуры, медкомиссии, согласования, собеседования, справки...

– Девочки, – строго говорила их куратор(ка), Илона Владьевна, – поймите: у пациентов иммунитет практически на нуле. Мало того, что вы должны быть абсолютно здоровы

– при малейших признаках даже лёгкой простуды вы сами немедленно докладываете мне. Маски, перчатки – носите постоянно, это вообще не обсуждается. Гигиена рук и полости рта, никакого курения – понятно? Если заболел кто-то из близких, или даже в транспорте на вас чихнули – контроль, контроль, контроль! Чуть что сразу на карантин! Ковидная эта зараза неизвестно сколько теперь будет ходить, а для онкологических больных это смерть! Всем ясно?!

Девчонки дружно кивали.

Кира задержалась в аудитории и, выходя из ворот колледжа, застучала курящую Ветку. Подруга, воровато оглядываясь, пряталась за пожелтевшим октябрьским дубом, скрывая модную сигарету «с кнопкой» в кулаке.

– Так, – сказала Кира, неслышно подкравшись по опавшей листве. Но какой-то жёлудь всё-таки предательски хрустнул. Ветка вздрогнула. – Про курение что говорили? Сама меня затащила в волонтерские эти свои движения, а теперь вот, значит, как!

– Принципиальная ты наша, – прошипела Ветка, туша окурок. – Всё, Степанова, бросаю, бросаю!

Она заглянула в сумочку.

– Почти полная, блин, пачка! Неет, выбрасывать не буду! Дома спрячу.

В субботу утром девчонки переминались с ноги на ногу у служебного входа онкоцентра. Магнитный замок пялился на них красным глазком.

– Курить охота, – пробормотала Ветка. Кира показала ей кулак.

Дверь открылась.

– Волонтёрки? – спросила девушка в розовом медицинском халатике. – Заходите, чё стоим, кого ждём?

– Первый день – ознакомительный, – Илона Владьевна придиричиво оглядела девчонок и застегнула пуговку на Веткиной кофточке. – Вы сюда сами вызвались, и значит – пришли работать, а не клеить докторов. Вот, используйте почаще, ковид кругом, – она протянула каждой по баллончику со спреем и маленькие бутылочки геля-антисептика. – Сняли верхнюю одежду и обувь, уличные маски-перчатки в урну, продезинфицировали руки, пшикнули в рот и в нос. Надели сменную обувь, бахилы, новые перчатки и маску. Только потом заходим.

Она провела их от служебной раздевалки сияющим белым коридором к лифту.

– На входе в стерильный бокс нас обрабатывают ультрафиолетом. Закрывайте глаза и стойте спокойно.

– И солярия не нужно, – хихикнула Ветка. Кира хмыкнула.

Лифт, еле слышно гудя, поднял их на третий этаж.

– Детское отделение, – негромко сказала Илона Владьевна.

Салатового цвета покрытие пола скрадывало звук шагов и мягко пружинило под ногами. За прозрачными стёклами па-

лат Кира видела похожих на маленьких инопланетян пациентов в пижамках. Безволосые головёнки с оттопыренными ушами, большие глаза, тонкие руки. Дети спали, кто-то читал книжку, кто-то водил пальцем по экрану планшета, кто-то смотрел мультики по телевизору, расположенному напротив кровати. У некоторых в палатах находились и взрослые – видимо, родители или родственники.

– Поначалу смены – по четыре часа, раз в неделю. – Илона Владьевна провела девчонок в просторное помещение с мягкими диванчиками, столиками для рисования и постоянным телевизором на стене. – Это наш зал хорошего настроения. Ваше рабочее место. Персонал прежде всего заботится о здоровье детей. Родители устают, да и поводов для оптимизма у них часто не так уж много. Но тут появляетесь вы – солнышки, что дарят радость, свет и тепло! Никакого уныния, никаких соплей – только улыбки и смех!

Даже голос у неё стал звонче.

– Вы рисуете, шутите, играете, поёте и танцуете! Здесь вы – доноры, и ваша энергия – то, что нужно для выздоровления пациентов. Осмотритесь пока, а я сейчас позову кого-нибудь.

Ветка уселась на диванчик.

– Ну, Кирюха, а ты ещё не хотела!.. Да здесь же рай!

В дверь заглянула девочка лет двенадцати.

– Здравсьте, – смущаясь, сказала она. – Я Лера.

Голову Леры украшали роскошные золотистые локоны.

– Какая ты красавица! – Ветка проворно подскочила к девочке, ухватила за руки и закружилась с ней по комнате. – Просто сказочная принцесса!.. Я о таких волосах всю жизнь мечтаю.

Мрачноватый и совершенно лысый (даже бровей нет, поразила Кира про себя) мальчик Дима восьми лет от роду рисовал вместе с Кирой часа полтора. Ветка шушукалась с Лерой на диванчике. Сначала Дима и Кира изобразили его маму и младшую сестрёнку, потом наглого кота Барсика, потом дом и улицу. Потом Дима нарисовал дорогу. Дорога была тёмная и уходила среди серых коробок домов в черноту.

– А там что? – спросила Кира из-под маски.

Дима, сопя, рисовал новую картинку. Кира с ужасом увидела длинные ряды крестов. Время, с момента гибели Серёжи год назад меееедленно, тягуче тянувшееся для неё, сейчас будто бы совсем замерло.

– Тут папа лежит, и дядя Коля, – показал Дима. – Тут – бабушка с дедушкой. А меня похоронят вон там, – он ткнул пальцем в угол рисунка. – Там куча свободного места. Я просил маму, чтоб она посадила у меня клён, ну, когда я умру. Тебе нравятся клёны?

Объятая ужасом Кира нашла в себе силы кивнуть.

– У клёнов красивые листья. – Дима отложил картинку с кладбищем и начал рисовать кленовый лист. – Я хотел бы съездить в Канаду. У них кленовый лист прямо на гербе. Наверно, там очень много клёнов. Представляешь: целые кле-

новые леса!

– А давай нарисуем такой лес? – через силу нашлась Кира. – Там, наверно, очень красиво летом. Все зелёное, и солнце светит сквозь листву!

– Осенью. Осенью очень красиво, – сказал Дима. – Хочешь – нарисуй. Я устал. Пойду в палату.

Он медленно поднялся. Кира вдруг обратила внимание на тёмные круги у него под глазами.

– Я нарисую, – быстро сказала она. Дима кивнул и пошел к выходу. Кира взяла в руки оранжевый карандаш.

Неугомонная Ветка после смены ускакала по каким-то делам. Кира в своём еле ползущем времени села в трамвай и воткнула в уши наушники. Улицы в сумерках мелькали за стеклом безликими равнодушными квадратиками окон. Кира нажала на «плей».

Он садится с нею рядом,

Он берет её за плечи

И причудливым узором

Засверкает его речь:

– Слушай, там, далеко-далеко,

Есть земля...

Казалось, кто-то большой и добрый легко коснулся её плеча. Задремавшая Кира вскинула голову. Никого.

Трамвай, громыхая на стыках, повернул направо. Из темноты выплыли бетонная морда коня – памятник конармейцам – и светящийся витринами дискаунтер «Коннект». При-

ехала.

– Ну чё, Стёп? – встретила её утром Ветка у ворот колледжа. – Нормально же было?

– Нормально, – буркнула Кира. И не удержалась, съязвила: – Только вот миллионеров твоих я там что-то не видела ни одного.

Ветка захохотала, запрокинув голову и встряхивая огненной гривой.

– Ничего, Стёпа, – сказала она, беря Киру под локоток. – Я тебя на днях свожу в одно место, если уж тебе так мужика не хватает.

И опять захохотала.

– Хватит ржать, кобыла рыжая, – Кира толкнула её локтем. – Пошли на пары, пока не опоздали.

Веткино «одно место» оказалось двухкомнатной квартиркой без ремонта в новостройке на окраине. Там тусовались какие-то местные оккультисты и ведьмы, непризнанные гении колдунства, порчи и чёрного шарлатанства. В одной комнате курили кальян, на кухне курили, видимо, чего покрепче – такие оттуда долетали ароматы. Ветка сразу куда-то делась, а Кира зашла в комнату с приоткрытым балконом, где на старом ковре кружком сидели несколько парней и девчонок.

– Садись, – ей уступили место, подвинулись. – Чай будешь?

В центре круга стоял поднос с пластиковым электрочай-

ником, заварником и небольшими чашками. На тарелке лежали шоколадные конфеты и печенье.

– Чай? – уточнила Кира. Все засмеялись.

– Чай, чай, – улыбаясь, сказал красивый шатен, похожий на молодого актёра Абдулова – Кирина бабушка в молодости собирала фото киноартистов, и Кира однажды наткнулась на её коллекцию. – Я Гор. А чай хороший, цейлонский.

Он налил заварку в чашку, добавил кипятка и протянул Кире.

– Я Кира, – сказала Кира, и все вокруг снова необидно засмеялись. Понятно, новенькая.

– Так вот, – продолжил Гор, видимо, прерванный Кириным появлением разговор. – У древних иудеев существовало предание об ангелах, спустившихся с небес и вселившихся в тела человеческие. Они вступили в связь со смертными женщинами и породили расу полуангелов-полулюдей, которая затем была истреблена в войнах. Но главное не это – главное то, что каждый ангел отвечал за свою область знаний, и эти науки они старались передать людям. Земледелие, ткацкое ремесло, выделка кож и шкур, кузнечное дело, письменность, начатки медицины, астрология... Отголосок этого мифа мы видим в предании о Прометее, принесшем людям огонь, украденный у богов.

– Но если древние боги до сих пор живы, – лениво протянула сильно накрашенная брюнетка, зятая в чёрную кожу, – значит, и ангелы продолжают спускаться с небес?..

Гор кивнул.

– Несомненно. Только надо понимать, что ангелы иудейского бога Яхве – это не добренькие существа с картинок из детской Библии. Как еще называли Яхве?

– Саваоф, – прогнусавил парень рядом с Кирой. – Бог воинств.

У парня были сальные волосы и неприятно пахло изо рта.

– Саваоф, – повторил Гор. – И ангелы его воинства. Существа безжалостные, огненной и яростной природы. Бойцы. Вселяясь в неподготовленные к их присутствию человеческие тела, они сжигают их изнутри. Огонь бьётся внутри оболочки, словно запертый в клетке дикий зверь. Но, теряя память при перевоплощении, совсем как наши души, они, тем не менее, стараются выполнить заложенную программу. Донести до человечества необходимые нам знания, новые истины, изменить нас. Подготовить к противостоянию света и тьмы.

– В преданиях вроде нет про выжигание изнутри, – сказала брюнетка, ставя пустую чашку на поднос.

Гор кивнул.

– Так и жизнь тогда была короткая, – сказал он. – В сорок лет человек уже был старик. Очень высокая детская и женская смертность, эпидемии, голод, засухи, войны. Никто не знал про большинство современных болезней. Человек умирал часто раньше, чем неукротимая ангельская природа успевала сжечь слабое тело. Сжечь иносказательно, конечно.

И уже много столетий назад поэт сказал:

Вопросом этим, видно, неспроста

Довольно часто задаются люди:

Что человек? Сосуд, в котором пустота,

Или огонь, пылающий в сосуде?

Он сделал секундную паузу.

– А онкология, вирусы, бактерии – всё это открытия лишь последних двух-трёх столетий.

На слове «онкология» Кира поперхнулась чаем.

– То есть, вы считаете, что онкология может быть вызвана присутствием внутри человека такого враждебного ангела? – спросила она.

– Почему же враждебного? – сухо ответил Гор. – Разве огонь враждебен? Он согревает, дарит тепло и свет. Но может и сжечь. Огонь – это огонь, и он таков по природе своей. Как и мы. И не все случаи онкологии, конечно, вызваны присутствием «ангела». Как и не все случаи, например, слабоумия и сумасшествия. Но некоторые – точно.

– Зато демонов сразу видно, – сказала брюнетка и хищно облизнулась. Хромированная пентаграмма на серебряной цепочке, висевшая у неё на шее, сверкнула. Солнечный зайчик заставил Киру на миг прикрыть глаза. – Из некоторых демоны прямо так и лезут.

– А, эмм... – Кира запнулась в поиске ускользнувшей мысли. – Вот! А как же ангелы-хранители?

Все снова засмеялись.

– Это совсем другой вопрос, – с улыбкой сказал Гор. – Я прямо сейчас вижу двоих у вас, Кира, на плечах. Светлый и тёмный, каждый со своей стороны. Ангелы-хранители – существа иной природы. Да и само понятие «ангел» в его традиционном религиозном понимании тут, скорее, иносказание. Но об этом мы поговорим в следующий раз, гут?

Он потянулся, и встал на ноги.

– Перекур, – прогнусавил сальноволосый и поковылял на балкон, разминая затекшие конечности. За ним потянулись остальные. Гор куда-то вышел.

В поисках Ветки Кира прошлась по квартире. В ванной кто-то вздыхал и хихикал. Кира постучала в запертую дверь.

– Веет?..

В ванной затихли, потом принялись вздыхать с удвоенной силой.

– Тут ещё туалет свободный, – щуплый парень, протискиваясь мимо Киры с кухни, шлёпнул её по заду. – Пойдём?

Мысль о том, что Ветка, может, тискается в ванной с Гором, заставила Киру вспыхнуть. Она отпихнула щуплого, выскочила в прихожую, сунула ноги в кроссовки, одновременно натягивая куртку, и выскочила за дверь.

Лифт, громыхая, тащился по шахте вверх, поэтому Кира помчалась вниз по лестнице, перескакивая через ступеньки.

Гор стоял у подъезда, разговаривая с пожилым мужчиной. Он увидел Киру и улыбнулся ей. Кира поспешно перешла на

шаг.

– Уже уходишь? – крикнул Гор.

Кире стало стыдно за её мысли о Горе и Ветке. Она кивнула и бочком проскочила за угол.

Этой ночью ей снились ангелы-хранители: светлый спал у неё на плече, свернувшись калачиком и сложив маленькие белые крылья, а тёмная – это была ангел-девочка, чем-то похожая на Ветку (ангелка, сказала бы та), скучала, болтая ножками. Потом она вытащила что-то из кармана своего чёрного балахона, ткнула в него пальчиком и её лицо озарилось сполохами багрового пламени...

На следующую смену в онкоцентре Кира набрала кленовых листьев. Выбирала самые красивые, отрывала прямо с веток, чтоб не валялись на земле, в пыли и грязи. Некоторые даже ещё не полностью пожелтели, и ворох сверкал буйством цвета – от красно-алого до почти зелёного через все оттенки жёлтого и оранжевого.

– Ты рехнулась, мать? – Ветка аж задохнулась от Кириной наивности, заехав за ней перед сменой. – Кто тебя с такой антигигиеной в отделение пустит? Оставляй всё дома!

Кира всё же взяла с собой пять самых красивых листьев.

– Я их обработаю антисептиком, а потом на входе – ультрафиолетом.

Ветка скептически ухмылялась.

Илона Владьевна всё-таки разрешила Кире пронести листья. Правда, в дополнение ко всем Кириным манипуляциям

она сходила куда-то обдать их горячим паром. Кира боялась, что кленовые листья от этого пожухнут, но они держались бодрячком.

В Лериной плате высокий бледный мужчина собирал вещи. Кира увидела, как он убрал в рюкзак паричок с роскошными золотистыми волосами.

– Илон Владьна, а где Лера? – прошептала Ветка.

– Ох, девочки, – тихо вздохнула Илона Владьевна. – Ох, девочки... Веталина, спокойно! Иди быстренько приведи себя в порядок.

Ветка с покрасневшими глазами шмыгнула в туалет для персонала.

– А вот Дима! – звонко сказала Илона Владьевна, входя в «зал хорошего настроения», и сунула Кире прозрачный файл с кленовыми листьями. – Здравствуй, Дима!

– Добрый день, – вежливо поздоровался Дима. Тут он увидел Киру и заулыбался. – Привет, Кира! Здорово у тебя получилось!

В руке у него был Кирин рисунок – кленовая роща на холме, а сквозь осеннюю листву пробиваются солнечные лучи.

– А это у тебя что?

Кира протянула ему файл.

– Вот, собрала для тебя.

– Ух ты! – Дима порозовел от удовольствия и Кира впервые заметила на его лице веснушки, рассыпанные по щекам. – Супер! Спасииибо!!!

Он по разложил листья на столе, потом поднял один и посмотрел его на просвет. Приложил к нему ладонь, показал Кире.

– Видишь? Он как рука! Клёны машут нам листьями, как руками. Я думаю, – доверительно понизил он голос, – что это как бы руки природы... Или ангелов.

– Почему ангелов? – Кире вдруг стало тревожно.

– Не знаю, – Дима наклонил голову, примеряя к ладони следующий лист. – Может, потому, что они тоже сделаны из света...

Маленькая женщина с такой же россыпью веснушек на щеках, как у Димы, пристроилась в углу диванчика рядом с грустной Веткой. Рисуя, Кира слышала, как они там шепчутся.

– Лерочка, Господи, – тихо говорила женщина. – Ведь пошла уже на поправку... Нефробластома, говорят... Мы тоже уже что только не перепробовали. Вся надежда на микронож, на Святослава Игоревича...

Ветка что-то спросила.

– Да-да, очень хороший врач... Да, давайте выйдем в коридор... Конечно, конечно...

Когда Дима устал рисовать, Кира ещё несколько минут посидела одна над рисунками. Ветка опять куда-то делась. Вдруг в зал вошел высокий подросток лет четырнадцати с седыми вьющимися волосами.

– Привет, – сказала Кира незнакомцу. – Я Кира.

Парень мельком взглянул на неё и присел за стол.

– Свет и цвет, – сказал он, перекладывая Димины рисунки. – Огонь и вода. Зримое воплощение бога в нашем мире.

– Ты думаешь? – осторожно спросила Кира.

– Я не думаю, – веско сказал парень. – Я знаю.

Он сложил рисунки аккуратной стопкой, поднялся и вышел, так и не представившись.

Растерянная Кира вышла вслед за ним. Её такие мысли ещё не посещали. Огонь и вода – зримое воплощение бога, надо же... Мудрые мысли со множеством вложенных смыслов как побочный эффект раннего взросления? Вениамин Аркадьевич у себя на кафедре выдал бы целую лекцию по этому поводу.

– Хороший парень, – сказал знакомый голос у Киры за спиной. – Будет жить. Вторая стадия, обнаружили вовремя.

Обернувшись, Кира уткнулась взглядом в серебристую пластинку-бейдж на груди голубой докторской блузы.

«Горчаков Святослав Игоревич», – прочитала она. – «Врач-рентгенолог, микронож».

Кира подняла глаза. Перед ней стоял Гор, глаза его смеялись.

– Здравсьте, – пролепетала она. – Это... Вы здесь?..

– Здесь, здесь, – сказал Гор. – Вижу, что и вы здесь. Рад встрече.

Он протянул Кире руку и та нерешительно её пожала. Надо будет посмотреть в тырнете, что такое «микронож», ма-

шинально подумала она.

– А Дима? – спросила она. – Дима будет?..

Ей не хотелось продолжать вопрос, будто уже само слово «жить» могло сглазить маленького любителя клёнов, надорвать тонкую струнку, ещё привязывавшую его к этому миру.

– Дима... – серьёзно сказал Гор. – За Диму мы будем бороться.

– Киир, – кокетливо сказали из дальнего конца коридора. – Ты идёшь?

Вертихвостка Ветка сделала Гору ручкой. Он кивнул.

– До свидания, Святослав Игоревич, – сказала Кира.

Дверь Диминой палаты была приоткрыта. Дима спал, а рядом с кроватью стояла на коленях, упёршись лбом в сцепленные руки, маленькая женщина. Мама. Кира машинально прислушалась.

– Ангел божий, – говорила Диминая мама, – прошу, оставь тело сына моего Дмитрия, покинь нас в благости твоей, позволь мальчику моему жить, умоляю тебя...

Почти оттолкнув ничего не понявшую Ветку, Кира влетела в лифт.

Этой ночью ей снился египетский бог Гор, с головой ястреба на мускулистом торсе. Он нёс людям огонь, но огонь был слишком горяч, он выжигал изнутри. Люди не справлялись с божественным пламенем, а над головами у них кричали и кричали хищные птицы...

Неделя пролетела быстро. Кира показала пропуск на входе, сделала все положенные процедуры с гелем и спреем, переделалась и подошла к лифту. Двери открылись и навстречу ей вышла Илона Владьевна.

– Здравствуй, Кира, – она огляделась. – А где Вета?

– Я думала, она уже здесь, – сказала Кира. – Звонила ей, абонент недоступен. Думала, телефон сел.

– Понятно. Идём, – Илона Владьевна приобняла её за плечи и повела обратно к раздевалке. – Ты не слышала, Веталина говорила с кем-то в отделении на какие-нибудь странные темы? Про ангелов, может?

– Нет, – честно сказала Кира. – Не слышала. А что?

– В общем, дело такое. Заведующая отделением пока временно отстранила вас с Веталиной от работы. Тут был один эксцесс, думают на неё. Забывает родителям головы разными идеями, эзотерика какая-то бестолковая. Неважно. Раз её нет, у тебя напарницы пока тоже нет. Я вызвала других девочек, они позанимаются с ребятами. Езжай домой, я позвоню, как что прояснится.

– П-подождите, – сказала Кира. – А Дима? Как Дима? А Святослав Игоревич?..

– Дима, к сожалению, сейчас в реанимации, – жёстко сказала Илона Владьевна. – Святослав Игоревич занят. Все, Кира, я позвоню.

Кира вышла за ограду онкоцентра и плюхнулась на ближайшую лавочку. Ветер сорвал с почти уже голых веток один

из последних жёлтых листьев и уронил его Кире на колени.

Она уткнулась лицом в ладони и заплакала.

Конечно же, Илона Владьевна не позвонила.

– Ну ты, Степаха, даёшь! И так было понятно, что нас попрут оттуда. Зато я Диминой маме про ангелов рассказала. Вдруг это как-то помогло? А если не надо было про них говорить, чего тогда Гор этот сам на квартире про них трепался? – Ветка пихнула подругу в бок. – А?

На этот незамутнённый поток сознания Кире ответить было решительно нечем. Она пыталась звонить в онкоцентр, узнать, как Дима. Дежурная раздражённо отвечала, что информацию сообщают только близким родственникам. Илона Владьевна вообще не брала трубку – в чёрный список внесла, что ли?

Ветка тогда пропала почти на два месяца – смылась на море с каким-то своим новым ловеласом. Телефон отключила, «чтобы предки мозги не выедали». Сессию сдала кое-как, в последний момент, чуть из колледжа не попёрли. Сама Ветка не видела в ситуации ничего экстраординарного, у неё жизнь была ключом постоянно. В основном – по голове.

Январский снежок похрустывал под ногами. Был первый день занятий после новогодних праздников, когда ты уже привыкла сидеть дома, слушая переругивание родителей.

– Но мы ж волонтёрить с тобой не бросим, а? – бодро пыхтела Ветка. – Я тут ещё один вариант нашла. Никакой онкологии, никто не умирает, тишь да благодать!

– И где это? – недовольно спросила Кира. Конечно, она всё ещё дулась на Ветку, как тут не дуться на эту шлындру.

– Где-где! В пээнде! – сострила Ветка и немедленно захотала.

Оказался никакой не «пээнде», а ПНИ. Отличие городского психоневродиспансера от интерната было в том, что в первом пытались лечить, а во втором жили те, кого лечить не собирались – как правило, люди с врождёнными нарушениями психики. Зато здесь всё было не в пример проще. И страшнее. ПНИ и сам был куда как проще и страшнее навороченного онкоцентра – спрятавшееся позади ипподрома на окраине обшарпанное здание в три этажа, укрытое вдобавок от любопытных глаз грязной кирпичной стеной. По верху стены тянулась ржавая колючая проволока.

– Только вот не надо шуточек про «пни меня», договорились? – сказала Кира, когда они выходили из жёлтого интернатского «ПАЗика» у проходной. – И пней я тут тоже не видела.

Ветка покосилась на неё с видом оскорблённой невинности.

В этот раз их собрали в старом актовом зале со скрипучим деревянным полом, потёками на оштукатуренных стенах и расхлябанными сиденьями по три в ряд. Волонтёров было почти два десятка человек – девушки, женщины, несколько парней. Рядом с Кирой и Веткой села Марина, руководитель движения «Надежда», которое работало с этим интернатом.

– Спасибо, что пришли, – сказал главврач, немолодой усталый мужчина в белом халате. – Многие из вас уже бывали здесь, новеньким всё покажут. Главная проблема – нехватка персонала, как вы понимаете. Зарплаты копеечные. А нашим подопечным недостаёт живого общения с людьми «с воли», – он кашлянул. – Хотя здесь совсем не тюрьма. Марина Андреевна, можно вас на пару слов? Остальные могут заниматься.

– Сидите пока здесь, – сказала Марина Ветке с Кирой. – Я сейчас.

Она подошла к главврачу, в то время, как волонтёры потянулись к выходу.

– Как раз тюрьма, – прошептала Ветка. – Даже хуже. В тюрьме отсидел – и вышел. Но ты не бойся, Кир, нам тут недолго. Зато в резюме будет ещё один плюсики.

В отличие от впечатлительной Киры, Ветка всегда была очень прагматичной. Кира уже жалела, что опять подписалась на Веткины заманухи. Атмосфера в ПНИ была гораздо более гнетущая, чем в онкоцентре.

– О чём шепчетесь? – спросила вернувшаяся Марина.

– Да о своём, о девичьем, – сверкнула улыбкой Ветка.

– Ну тогда пойдёмте. Покажу вам одного парня, может, сумеете его раскатать.

У Марины в руках была дверная ручка – здесь они служили вместо электронных ключ-карт. Вставляешь в квадратное отверстие на двери и открываешь. Пациентам таких не по-

лагалось.

Отделение, в которое они пришли, ручкой не открывалось – медсестра открыла им изнутри.

– Здесь тяжелые, – сказала Марина. – Очень внимательно. Спиной ни к кому не поворачиваться.

Они подошли к металлической двери с маленьким окошком.

– Антон Ильин, – сказала медсестра. – Жил с бабушкой, бабушка умерла. Тяжёлый. Дикий абсолютно, всё грызёт, кусается.

Кира заглянула в окошко.

В пустой палате стояли две кровати, на одной валялись грязный матрас и скомканное одеяло. В дальнем углу на ведре сидел абсолютно голый парень лет шестнадцати-семнадцати, стриженный налысо. Он ковырял в носу, смотря в стену.

– Почему он голый? – спросила Кира. – И худющий какой.

– Всё грызёт, – повторила медсестра. – Одежду, бельё. Приходится отбирать. Ест плохо.

Она открыла дверь и показала на изгрызенный угол матраса.

– Видите?

Вонь, хлынувшая из палаты, сбивала с ног. Ветка зажала нос.

– Вы у него хоть убираете? – промычала она. – Проветриваете?

– Персонала не хватает, – огрызнулась медсестра. – Я его в туалет поведу, а он меня придушит. Или вам не сказали? Вы тогда тут зачем? Возьмите и проветрите. А мне тринадцать тыщ платят.

– Нина, принесите Антону одежду, прошу вас, – примирительно сказала Марина. – Здравствуй, Антон. Мы войдём? Только оденься, пожалуйста.

– Ы! – сказал Антон. Он вытянул из-под матраса трусы с носками, натянул их на себя и забрался на кровать, обхватив колени. Кира заметила тёмные синяки от уколов у него на попе.

Говорить он не мог, только мычал. Медсестра принесла одежду – рваную майку и спортивные штаны.

– Антон, это девочки, – сказала Марина. – Это Кира и Вета. Они приберут у тебя. Не обижай их, хорошо? Надо, чтобы он к вам привык, – обратилась она к девчонкам. – У меня ещё дела, я подойду где-то через час. Ничего не обещайте. Если что, зовите медсестру.

– Ы! – сказал Антон с кровати. – Акк!.. Ввы!..

– Музыка включи, – сказала Ветка. Она закатала рукава, подхватила почти полное вонючее ведро и потащила его в туалет.

– Нина, где у вас швабра? А моющее есть? – спросила Кира. Она ткнула «музыку» на экране телефона.

... Там Новый год, ты не поверишь,

Там Новый год два раза в год – вот.

*Там снег, там столько снега,
Что, если б я там не был сам,
Я б не поверил,
Что бывает столько снега,
Что земля не видит неба
И звёздам не видать с вершин...*

– Это у тебя что? – Ветка принесла отмытое ведро и поставила в угол.

– «Високосный год», – сказала Кира, моя пол.

– А, ретро. Но ничего так.

Антон протянул руку к телефону.

– Ы! – сказал он.

– Нет, – сказала Кира. – Пока нельзя.

Гулять Антону тоже было нельзя. «Тяжёлый», бурчала медсестра из-за стола, не поднимая на них глаз. «Запрещено». «А мы посмотрим за ним», говорила Ветка. Кира кивала. «Нас же двое. Мы приглядим». «Не знаю ничего. Только с разрешения главврача. Решайте с ним».

Принесли обед. Вязкая каша пахла хлоркой. «Это запах чистоты», сказала медсестра Нина. У неё над столом висела тройная пластиковая иконка – Богородица, Иисус и Николай-чудотворец. Антон поковырял кашу и есть не стал. Рёбра у него выпирали даже из-под майки.

– Мы пойдём, Антон, – сказала Ветка, когда пришла Марина.

– Мы придём завтра, – сказала Кира. – До свиданья?

Антон молча залез под одеяло и повернулся к стене. Медсестра закрыла дверь.

По дороге домой Кира зашла в «Детский мир» и купила игрушку – маленький грузовик-фуру, мечту будущего дальнобойщика.

Дома опять стоял густой запах перегара. Отец пил уже год, с тех пор, как Серёжа погиб в мартовском наступлении, а с тех пор, как два месяца назад закрылся завод, где отец работал – пил почти каждый день. Он спал на диване в зале. Мать, придя с работы, снова будет ходить молчаливой тенью, а ближе к ночи, когда отец проснётся, они будут ругаться, и Кира из-за закрытой двери своей комнаты будет слушать злое рычание отца и визгливые вскрики мамы. А потом наступит давящая тишина.

Она подошла к дивану и поправила наполовину сползший с отца на пол плед. По небритой отцовской щеке тянулась тонкая нитка слюны.

– Посмотрим, – сказал главврач. Он пролистал карту Антона: – Поступил из дома-интерната. Отец неизвестен, мать умерла. Жил с бабушкой, в семь лет умерла бабушка. В доме-интернате вёл себя агрессивно. Кусал персонал и других воспитанников. Пачкал и разрисовывал стены. Грыз растения и мебель, кричал. Врождённое слабоумие. Временами возможна ремиссия. Ммм... Вы правда хотите вывести его на улицу?

– Он же безвылазно сидит в камере, – сказала Кира. – Как

ему там станет лучше?

– В палате, – поправил главврач. – В палате. Хорошо, разрешаю вывести Ильина на прогулку. Под вашу ответственность.

Антон ждал под дверью, вытягивая худую шею и выглядывая в окошко. Он уже был одет. Медсестра – другая – принесла его куртку и шапку.

– Умница, Антон, – сказала Ветка. – Пойдём гулять?

– Ы! – сказал Антон. – Акк! Ввет!..

Ветка довольно засмеялась.

Во дворе, огороженном решёткой, гуляли ещё несколько больных из «лёгких», кто-то сам, некоторые с волонтерами. Женщины и мужчины жили в ПНИ отдельно, и на прогулке у них выпадала редкая возможность пообщаться. Парочки сидели на скамейках в обнимку. У дверей курили два плечистых санитаря.

Антон ходил, трогая деревья. Пахло подтаявшим снегом и близкой весной.

– Иди сюда, – сказала Ветка. Она достала шоколадку и дала Антону. Тот ловко разорвал обёртку длинными пальцами и вгрызся в плитку, настороженно глядя на девчонок.

– Ешь, ешь, – сказала Ветка. – Никто не отнимет. Есть орешки ещё.

– Я слышала, ты рисуешь, – сказала Кира, и вытащила из кармана блокнот и три цветных карандаша-мелка. – Хочешь порисовать?

Из дверей вышла дородная тётка в сером платье, с цепким взглядом и недобрым лицом. Она принялась поочерёдно присматриваться к волонтёрам.

– Ы! – крикнул Антон, увидев бумагу и мелки. – Ввет!..

Он бросил шоколадку и принялся стремительно черкать в блокноте.

– Эй! – крикнул санитар от дверей. – Нельзя!

Он подскочил и выхватил у Антона блокнот. Другой санитар схватил парня за руку.

– В отделение! – скомандовал он.

Девчонки побежали следом.

– Вы зачем его возбуждаете? – прошипела серая тётка, когда они протискивались мимо неё в дверь. – Рразвели здесь бордель!

– Нельзя, – говорил санитар, заперев кричащего и вырывающегося Антона в палате. – Всё только с разрешения! Он теперь два дня психованный будет! Откуда карандаши? Получите нагоняй!

– А что это за мегера в сером? – спросила Ветка, выходя вслед за Мариной с проходной ПНИ.

– Это Никитишна, инспектриса из областного минздрава. Злая бабища, лучше не попадаться. А вы умудрились ей попасться практически сразу.

– Мы больше не будем, – сказала Кира.

– Конечно, не будете. Хорошо, если через неделю теперь пустят.

В расстроенных чувствах Кира села в девятнадцатую маршрутку, что шла на Северное кладбище, благо, от ПНИ ехать было всего три остановки.

На могиле Серёжи лежали пожухлые прошлогодние гвоздики. Машинка, которую Кира оставляла в прошлый раз, валялась у оградки. Кто-то наступил на неё, раздавив пластиковый кузов. Кира выбросила цветы и сломанную машинку в мусорный бак, а под памятник поставила новую, купленную вчера. Брату нравились грузовики. После армии он думал стать дальнобойщиком.

Серёжа смотрел с фотографии на памятнике, смеясь. Люди из военно-страховой компании, ставившие памятник, хотели его фото в форме, но мама настояла на снимке с выпускного, где старший брат Киры был в белой рубашке с расстёгнутым воротником.

– Вот так, Серёжка, – сказала Кира улыбающемуся брату. – Вот так.

... Тихо-тихо-тихо,

Там Нью-Йорк говорит с Москвой!..

Москва-Москва, забери меня домой,

Долгою упрямою строкой...

Бежит дорога подо мной,

Ещё чуть-чуть

И прощаемся с землёй,

А ей клянётся, что вернётся,

Совру – так с места не сойду...

Врёт, сойдёт...

– Слушай, Кир, я не смогу, – тархтел голос Ветки в телефоне. – Ну съезди ты сама разик, у меня дело вот срочное-срочное, прям пресрочное.

Прошло почти десять дней. Марина позвонила, что главврач сменил гнев на милость, а Ветка опять была в своём репертуаре. Кира, злясь, нажала «отбой».

Главврач разрешил дать Антону лист бумаги и один карандаш-мелок. Кира выбрала оранжевый.

Антон выскочил ей навстречу из открытой медсестрой двери.

– Ы! Акк!.. В-вета!..

– Я Кира, – сказала Кира. – Веты сегодня не будет.

– Ыыыы! Акк!

– Ничего, – сказала Кира. – У тебя получится. Хочешь порисовать?

– Идите на улицу порисуйте, – ворчливо сказала медсестра Нина. – Сегодня погода хорошая. Я тут приберусь пока, проветрю.

Светило солнце, снег почти стаял, дул свежий весенний ветер. Антон рисовал оранжевые солнышки, переходящие в странные изогнутые эллипсы и окружал их непонятными значками. Кира включила ему музыку – «Високосный год», детские песенки. Другие гуляющие подходили, с удовольствием слушали. Антон криво растягивал губы. Пытается улыбаться, поняла Кира.

– Мне нравится твоя улыбка, Антон, – сказала она.

– Вы это, – сказала Нина, выпуская её из отделения. – Вы приходите, девчонки. Он преобразился просто. И не психовал почти в тот раз, быстро успокоился. Не кусается, не грызёт. Кушать стал лучше. Он вас ждёт.

– Конечно, мы будем приходить, – сказала Кира.

– Это дело серьёзное, – кивнула медсестра. – Они очень тоскуют, когда их бросают. Могут и помереть.

На проходной Кира чуть не столкнулась с Никитишной. Та кольнула её недобрым тяжёлым взглядом.

– Лазют тут! – проскрипела Никитишна. – Шаболды!

Автобус уехал с остановки прямо у Киры перед носом, обдав её фонтаном брызг из лужи.

– *****! – в сердцах бросила она ему вслед. Почти сразу возле неё остановился большой оранжевый внедорожник. Сидящий внутри Гор наклонился через пассажирское сиденье и открыл дверь.

– Рад снова видеть вас, Кира! – крикнул он. – Вам куда? Садитесь, подвезу!

Водил Гор аккуратно, не красуясь.

– Если не секрет, откуда едете? – спросил он через пару минут молчания.

– Из интерната, – ответила она.

– Волонтёрите? – догадался Гор. – Хорошо, что не бросили.

– Да это не я, в общем-то, – буркнула Кира. – Это Ветка.

– Да? – удивился Гор. – А где же она сама?

Кира сделала неопределённый жест.

– У неё дела сегодня срочные.

– Аа, понятно.

– Послушайте, Святослав Игоревич, – набралась духу Кира.

– Гор, – поправил он.

– Послушайте, Гор. Вот вы тогда рассказывали про ангелов... Ну, этих, обжигающих изнутри. Я всё думала про них. Ангел – это же «вестник» по-гречески? Неужели действительно есть такие ангелы, у которых не получается ужиться внутри людей? И они сводят с ума, вызывают болезни, убивают своим присутствием? Получается, ангелы приносят и дурные вести?

– Смотрю, зацепил вас тот разговор, – улыбнулся Гор. – А сами вы что думаете?

– Я не знаю, что думать, – призналась Кира. – Ведь не дай бог такой «ангел» посетит.

– Когда я разговариваю с молодыми людьми вроде вас, – медленно сказал Гор, – я не пытаюсь вложить им в головы какие-то непреложные истины. Я стараюсь заставить их думать. Ведь думать надо. А ангелы... Ангелы совсем не такие, как мы их себе представляем. Или как нам их пытаются представить.

Он постучал пальцем себе по лбу.

– В этой волшебной коробке сокрыто столь многое. Что

там внутри? Как открыть её, не повредив содержимого? Почему кто-то сияет, кто-то быстро сгорает, освещая всё вокруг, кто-то еле мерцает в тиши? Почему кто-то тлеет, а у кого-то внутри только пепел? И что же нам делать с этим? Задавали себе такие вопросы?

– Нет, – покачала головой Кира. – А как такие взгляды вяжутся с профессией врача?

– Ох, Кира, знали бы вы, какие суеверия и совершенно дремучие верования ходят среди врачей, – усмехнулся Гор. – Но профессионалы не позволяют личным убеждениям мешать им заниматься своей работой. Независимо от взглядов мы продолжаем спасать людей – детей в моём случае. Это мои ангелы. Я видел вас в отделении, вы продолжаете помогать людям в беде. Вы не сдаётесь – разве вы не ангел?

– Я точно не ангел, – сказала Кира.

Гор, улыбаясь, повернул направо.

– Конармейская, возле площади, – сказал он. – Вы говорили, вам сюда?

– Да, – спохватилась Кира. – Спасибо.

– Подождите. Когда у вас практика, на следующем курсе?

– Да, на следующем.

– Проситесь ко мне. Я с удовольствием с вами поработаю.

И Ветку вашу берите, хотя на её успеваемость надо будет посмотреть, конечно.

Кира растерянно молчала.

– Спасибо, – наконец, снова выдавила она.

– Вы не хотите?

– Нет, я хочу, я очень рада... Просто так не бывает – бац и вдруг!

– Бывает по всякому, – сказал Гор. – Хотя порой ангелы посещают нас в очень непривлекательных обличьях. Но и то, что мы себе представляем, отображается через нас. Бывает хорошее, бывает – не очень. К счастью, практически всё можно исправить, кроме смерти. Каждый день может принести нам счастливый билет. Верьте, Кира – по-другому никак.

Только подходя к дому, Кира вспомнила, что забыла спросить про веснушчатого Диму из отделения Гора. Обернулась, но оранжевый внедорожник, конечно, уже уехал.

Ну что, ангелочек, подумала она, зацепила себе богатенького на крутом авто? Ветка обзавидуется.

Кира взглянула на окна своей квартиры на четвёртом этаже. Отец наверно, уже успел накатить с утра.

Есть и другие вещи, кроме смерти, думала Кира, поднимаясь по лестнице. Есть и другие вещи, которые исправить нельзя.

...Какая глупость, право -

Верить его словам.

А не поверить грех

Тому, который веселей

И светлей их всех...

Эх!..

Она молчит и улыбается ему,

Тому,

Который возвращается...

Два месяца ПНИ был закрыт на карантин.

– Ты же понимаешь, Кира, – говорила Марина по телефону, – такая вспышка ковида, никаких посещений, всё закрыто-перекрыто. Извини, ничем не могу.

– Нет посещений, – бубнил дед-охранник на проходной. – Даже родственников не пускают, а ты не родственница, ты вообще никто. Волонтерка! Развелось тут волонтеров, в прошлый раз какие-то дуры статью в газету написали, как у нас всё плохо, всех медсестер с нянечками премии лишили, иди отсюда, пока полицию не вызвал!

Ветку Кира встретила на Конармейской возле «Коннекта». Моросил слабый дождик.

– Всё закрыто, представляешь, Вет, – жаловалась она. – Не представляю, как туда попасть. Почему ничего не клеится, а?

– Ну ты чего такая лопушистая, Кир? – Ветка прищурилась. – Не, ну вот реально Степашка, из «Спокойной ночи», с тетей Таней. Витаешь в своих облаках розовых. Откроют твои пни, да так пнут, что полетишь со свистом над пнями. Передачку передай, записку напиши, сунь охраннику двести рублей, наконец, он отдаст, кому надо. Если сильно надо, сунь пятьсот! Вот прям Хрюши тебе не хватает. Лучше бы «бэби шарк» в детстве смотрела.

– Хватает мне Хрюши, – Кира хотела всхлипнуть, но забитый нос хрюкнул, и они с Веткой засмеялись одновремен-

но. Кира ещё и подхрюкивала, это было вдвойне смешнее. – Есть тут одна хрюша рыжая-конопатая... А ты где опять попадаешь?

– А что мне, в сундуке этом запертом сидеть, что ли? Что тут за жизнь? Ты вон себе Гора зацепишь, и будешь балдеть, а я?

Кира собралась стукнуть Ветку в плечо, но та сама вдруг схватила её за рукав.

– Слушай, кого я видела! Помнишь Диму, в онкоцентре? С веснушками? Иду я вчера по улице, а он с мамой мне навстречу, прикинь! Узнали меня, обрадовались! Он выздоравливает, лечение дало неожиданный эффект. Прогноз благоприятный, мать!

– Правда? – внезапное облегчение было настолько сильным, что Кира аж присела на стоящую рядом скамейку.

– Правда! Про тебя спрашивали, передавали привет! Ветка села рядом.

– Сундук-то он сундук, но даже в старом сундуке могут лежать любимые игрушки, Кирка. А иногда и что поценнее. Так что не дёргайся, Кирюх, прорвёмся! Рыжая кобыла борозды не испортит!

Они засмеялись. Ветка потянулась и обняла Киру, похлопывая её по спине.

Тучи над площадью разошлись. Сквозь прореху упали вниз широкие полосы солнечного света, будто кто-то большой и прозрачный в небе, сотканный из воздуха и белых об-

лаков, вдруг обратился к земле своё лицо.

– Да не возьму я передачу вашу! – другой охранник, помоложе, но такой же упёртый, смотрел на Киру оловянными глазами. – И нет у нас никакого Ильина!

– Как нет? – Кира вдруг охрипла. – Как – нет?

– Вот список! – он помахал перед её лицом несколькими листами бумаги, сшитыми степлером. – Нет никакого Ильина!

– А как? А куда?.. – заикалась Кира.

– Ну вспышка же была, – понизил голос охранник. – Может он, того... Хоронили их вроде на Северном, знаешь, там крайние ряды возле леса?

Сквозь зарешёченное стекло двери Кира увидела идущую по интернатскому двору к проходной Никитишну. Она подхватила пакет с передачей и выскочила на улицу.

Кладбище было огромное, и Кира полчаса только добиралась вверх от остановки до крайних участков. Вдоль леса тянулся забор из ржавой сетки-рабицы. Снова начал накрапывать дождь.

Могилы у леса были заброшенные, бесприютные. Здесь коммунальщики хоронили «бесхозников», бомжей, неопознанные трупы, найденные где-нибудь в лесу или в реке. Иногда вместо крестов стояли просто деревянные столбики с табличками. А иногда и без табличек.

– Неопознанный мужчина, – читала Кира. – Неопознанная женщина... Биоотходы, господи!..

Дождь хлынул так, словно господь решил устроить потоп и снова смыть весь грешный людской род. Кира моментально промокла до нитки.

– Мураев П.И., – продолжала читать она и слёзы на её щеках исчезали в льющихся сверху струях дождя. – Неопознанный мужчина...

Снизу по дороге между участками катил, сигналив, синий жигулёнок-«семёрка». Кира оглянулась, и продолжила вглядываться в таблички, медленно переходя от одной к другой. Холодная вода текла ей за шиворот, в ботинках хлюпало, джинсы мокро облепили ноги.

– А ну в машину! – рывкнула на неё Никитишна из «жигулей», распахнув дверь. – Совсем девка дурра, заболеешь напрочь!

Кира обессиленно упала на сиденье, захлопнула дверь. С неё текло, тело била крупная дрожь.

– Щас согреешься, – Никитишна вывернула регулятор печки на максимум.

– Ввы к-как т-тут?

– Тебя ищу, бестолковую, незаметно, что ли? Ты же Кира?

– Д-да, я Кира. З-зачем я вам?

– Узнаешь.

Никитишна вывернула руль, разворачиваясь на асфальтированном пяточке.

– В-вы знаете, где он... – Лежит, чуть не сказала Кира,

но не сказала, опять умолчав о страшном и важном.

– Антон? Знаю, – хмуро сказала Никитишна.

Вблизи Кира увидела, что она уже довольно пожилая и не вполне здоровая женщина – лицо изрезано морщинами, под глазами мешки, на шее складки дряблой кожи с пигментными пятнами. «Прекратите рычать на меня», хотела сказать Кира по-хамски ведущей себя Никитишне, но запоздало сообразила, что у инспектрисы просто дефект речи.

От Кириной мокрой одежды тонкими струйками начал подниматься пар.

Умолчания, думала Кира. Вся наша жизнь состоит из лицемерия, вежливой лжи и умолчаний: о смерти, и о том, чего мы не хотим видеть и знать. Мы прячем это – в шкафы, коробки, на чердаки, убираем в долгие ящики и закрываем на ключ. И только существа, состоящие из ярости и огня, следят за нами с небес, и сходят вниз, чтобы вести нас, неразумных и испуганных, к свету. Но в пути – калечат наши слабые тела, стучат изнутри грудных клеток, выжигая нейроны и распространяя метастазы в неподатливой плоти, и никому, никому не суждено... Такая сущность сожгла красивую девочку Леру, такое создание чуть не убило веснушчатого Диму – если это правда, что он выздоровел и Ветка не наврала, чтоб успокоить подругу. Такая тварь вселилась в Антона и лишила рассудка, сломала ему всю жизнь, выплёскиваясь в странных рисунках и дурацких, никому не понятных иероглифах. Если это ангелы, то какая разница между ними

и демонами? Зачем они тогда нисходят сюда – мучить нас, ломать и калечить? Что же это за дорога к свету?..

Жигулёнок выехал с кладбища на трассу и покатил к городу. Дождь лил уже не так сильно, но скрипучие «дворники» «семёрки» всё равно еле справлялись с потоками воды, заливавшими ветровое стекло.

– Куда вы меня везёте?

– На кудыкины горры! – огрызнулась Никитишна. Она неприязненно окинула Киру взглядом и снова вперилась на дорогу. – Вот смотрю я на вас: начинаете ходить, а потом пропадаете! Чего тогда начинали? Своих детей сначала заведите, вырастите, а потом уже к чужим ходите! Ведь хуже нет, когда вот так бросают. И в детдомах так же: придут, помянут пальчиком и смываются, только их и видели! Или того хуже: возьмут, поиграются с игрушкой и привозят обратно, заберите, мол, нам не подошло! А там живые люди, дети, они надеются, они ждут, они умиррают! Хуже нет смотреть, когда они умирают от тоски!

Никитишна зло стукнула по рулю.

– Карантин же был, – прошептала Кира.

– Каррантин, тоже мне. А кому легче от твоего каррантина?

Они замолчали. Никитишна протянула руку и включила радио.

... Посреди огней вечерних и гудков машин

Мчится тихий огонёк его души...

Посреди огней вечерних и гудков машин

Мчится тихий огонёк моей души!..

– Выключите! – крикнула Кира.

– Ну, ну, – сказала Никитишна и выключила музыку.

Дождь перестал. Верней, в городе он уже прошёл, и тучи ушли дальше на север. Проглянуло солнце.

«Семёрка», разбрызгивая воду из луж, свернула к стоящим особняком нескольким старым заводским двухэтажкам. Никитишна припарковалась перед одним из подъездов и заглушила мотор. Деревянные створки дверей подъезда с облупившейся зелёной краской криво висели на петлях.

– Он сильно мучался? – прошептала Кира.

– Он не мучался, – буркнула Никитишна. – Хотя болел тяжело. Пойдём.

У дома шелестели новой листвой деревья. Одинокий клён нахально лез ветками в окна второго этажа.

– Наверх, – сказала Никитишна.

Кира стала подниматься по ступенькам, Никитишна тяжело топала сзади. На площадке она вытащила ключ и, кряхтя, открыла обитую растрескавшимся коричневым дерматином дверь.

– А я смотрю, он потухать начал совсем, – говорила она. – Ну и что делать? Что тут сделаешь? Рразувайся. Куртку сюда.

Кира повесила куртку и стояла, безвольно опустив руки.

– Ну, чего стоишь? – Никитишна толкнула её к белой две-

ри в конце прихожей. – Иди, а то он мне все уши прожужжал, Кирра-Кирра!.. Вот как его там оставлять было?

Словно в ступоре Кира остановилась перед дверью.

– Только постучи, – ворчливо сказала Никитишна.

Кира постучала. Из комнаты донесся неопределённый звук – то ли мычание, то ли стон. Она потянула дверь на себя.

Заходящее солнце било прямо в глаза через незашторенное окно, поэтому сначала Кира увидела только тёмный силуэт в глубине узкой комнаты. Она на секунду зажмурилась и снова открыла глаза.

Антон сидел за столом – в джинсах и новом синем свитере с белыми оленями. Лицо его уже не выглядело таким измождённым – оно округлилось и порозовело. На голове пробибался ёжик светлых волос. По столу были аккуратно разложены листы бумаги с рисунками: цветные круги с непонятными значками, проникающие друг в друга геометрические фигуры.

Кто-то горячий и светлый снизошёл с небес прямо Кире в живот, вспыхнул там беззвучным пламенем сотен ярких бабочек, вытянулся по позвоночнику и расправил крылья.

Время, все эти мрачные месяцы практически стоявшее на месте, вдруг со скрипом сдвинулось с места и – понеслось галопом. Кире показалось, что она падает в какой-то длинный коридор, навстречу Антону.

Нет, не падает.

Летит.

Антон вскочил, вытянул руки, будто желая её поймать, и выдавил, стараясь улыбнуться:

– Ммы! Ак! Аккк!.. К-к-кира!..

А за окном ветер шевелил ветки клёна и ангелы – ангелы! – махали, радуясь, маленькими зелёными ладошками.